Т. Н. СЕНИГОВА

СРЕДНЕ-ВЕКОВЫЙ ТАРАЗ

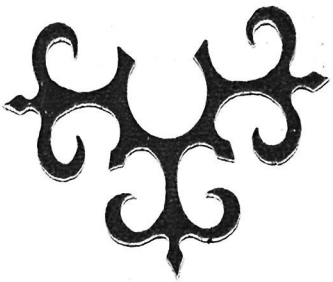

АЛМА-АТА · 1972

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Т. Н. СЕНИГОВА

СРЕДНЕ-ВЕКОВЫЙ ТАРАЗ

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА · 1972

Книга написана на основе полевых археологических материалов и данных письменных источников. В ней воссоздается топография Тараза и определяются границы его округи. Освещаются вопросы политической, социально-экономической и этнической истории населения округи, показывается генетическая последовательность в развитии основных форм гончарных изделий, свидетельствующая об автохтонности культуры от сако-усуньского до кипчако-казахского периода.

Новые материалы помогут читателю нарисовать картину жизни исследованного района с первых веков до нашей эры по XVIII в. включительно.

Работа рассчитана на археологов, студентов гуманитарных вузов, художников, преподавателей школ и краеведов.

Ответственный редактор
академик АН КазССР
А. Х. МАРГУЛАН

1—6—2
81—71 м

Проблема развития оседлых поселений и городов как в Казахстане, так и в Средней Азии является одной из актуальных в археологии. Значительные успехи в разработке ее были достигнуты в годы Советской власти. Она нашла отражение в трудах С. П. Толстова о древней цивилизации на Сыр-Дарье [1], в работах М. Е. Массона [2], А. Ю. Якубовского [3], А. Х. Маргулана [4], К. А. Акишева, К. М. Байпакова, Л. Б. Ерзаковича [5] и ряда других авторов о культурных цент-

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; его же. Города гузов. «Советская этнография» (далее: СЭ), 1947, № 3.

[2] М. Е. Массон. Старый Сайрам. «Известия Среднеазиатского комитета памятников старины» (далее: «Изв. Средазкомстариса»), 1928, вып. 3, Ташкент.

[3] А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака (Сугнака). «Сообщения Государственного Института материальной культуры» (далее: ГАИМК), 1929, т. 2.

[4] А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950; его же. Оседлые поселения VIII—XIII вв. на северных склонах Каратау. (Извлечение из археологического отчета). «Известия АН КазССР, серия археол.», 1948, вып. 1.

[5] К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. (Топография, стратиграфия, перспективы). В печати; К. М. Байпаков. О локализации главного города Отрарского оазиса в IX—XII вв. «Археологический сборник». Л., 1964.

рах Южного Казахстана [6], в исследованиях А. Н. Бернштама о древних районах Таласской долины и Семиречья [7].

В результате экспедиций А. Н. Бернштама в Таласской долине были зафиксированы памятники большого хронологического диапазона — от курганов саков до мазаров казахов, на основе которых была сделана попытка воссоздать политическую историю края. Особое место среди памятников этого района занимает Тараз.

Тараз, широко известный по письменным источникам то как Талас, то как Яны-Талас, сохранил в своих культурных толщах историю племен и народов, проживавших в Южном Казахстане в течение почти двух тысяч лет. Начавшийся в раннем средневековье по всей Средней Азии процесс сложения феодальных отношений способствовал притоку в этот город населения из соседних районов, развитию в нем различных ремесел и процветанию торговли. В результате чего уже в момент вхождения в состав Западнотюркского государства Талас был известен как один из крупных экономических центров не только Таласской долины, но и всего Семиречья. Свидетельством тому являются находки большого количества монет с именем Тюргеш-кагана [8], а также упоминание в источниках о том, что в городе торгуют купцы разных стран, а у стен его слышится персидская и арабская речь. В период господства караханидов Тараз по-прежнему оставался крупным торговым и политическим центром.

Однако о столь богатой истории племен и народов, населявших в разные периоды Таласскую долину, сохранилось очень мало сведений. К тому же в проведенных ранее археологических исследованиях,

---

[6] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР (далее: Труды ИИАЭ АН КазССР), т. 5, 1958; Л. И. Ремпель. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956; П. П. Иванов. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама. Сб. «В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927; «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962; «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968.

[7] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее: МИА), № 14, 1950; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952; его же. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941; его же. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия археол.», 1949, вып. 2; его же. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. «Советская археология» (далее: СА), 1949, XI.

[8] А. Н. Бернштам. Тюргешские монеты. Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа (далее: ТОВЭ), т. II, М., 1940; Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Щербак. Монеты из раскопок Ак-Бешима в 1953—1954 гг. «Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР», т. XVI, М. — Л., 1958.

как отмечал сам А. Н. Бернштам, «разведка преобладала над раскопками». Археологи ставили перед собой сравнительно узкую задачу — дать датировку памятника.

Поэтому, проанализировав данные, полученные о Таразе, А. Н. Бернштам не случайно сделал такой вывод, что «продолжение работ в Таласской долине, намечаемое научными учреждениями Ленинграда, Казахстана и Киргизии, внесет дополнения и коррективы в суждения автора».

Археологическое изучение районов Таласской долины было продолжено Семиреченской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии АН КазССР и экспедицией Института истории АН КирССР [9]. Автор, являясь участником Семиреченской экспедиции, в течение 1960—1965 гг. исследовал следующие оставшиеся от Тараза участки городища: цитадель, юго-восточную часть шахристана, западный рабад, а также близлежащие к Таразу города — Джикиль, Нижний Барсхан и др.

Учитывая, что материалы исследований Семиреченской экспедиции под руководством А. Н. Бернштама остались неопубликованными [10], мы сочли нужным оговорить, что нового по сравнению с раскопками прошлых лет дано в настоящей работе.

В области стратиграфии. В 1936—1938 гг. в основном раскопе I шахристана из-за недостаточно четкой фиксации материала (его извлекали послойно из квадратов, в которые выходили выгребные ямы более позднего периода) находкам первых веков до нашей эры сопутствовала поливная керамика, характерная для керамики Семиречья IX—X вв. Это повлияло на датировку слоев памятника. Так, оказалось, что четвертый слой (VIII—X вв.) содержал «группу вещей, с одной стороны, происхождение которых связано с VIII в., возможно, даже с VII в., а с другой — с XI в.». Возникновение Тараза как города связывалось с приходом в VI в. в Таласскую долину согдийцев.

На основании раскопок, проведенных нами в указанных частях города, а также в городах округи Тараза, и на основании данных раскопок цитадели и шахристана, произведенных Е. И. Агеевой (1961—1962 гг.) [11] и М. С. Мерщиевым (1962 г.) [12], в стратиграфию Тараза вне-

---

[9] П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963; М. А. Бубнова. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX—XII вв. Там же; ее же. Средневековое поселение Ак-Тобе I у с. Орловки. Там же.

[10] См.: Труды Семиреченской археологической экспедиции (1936—1938 гг.). «Таласская долина» (далее: Труды САЭ). Алма-Ата, 1949.

[11] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1961 г. Рукописный фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР. Рукопись № 217; ее же. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1962 г. Там же, № 218.

[12] М. С. Мерщиев. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза. Сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968.

сены поправки. Если ранее было выявлено лишь пять культурных слоев, нижний из которых отнесен к VI—VII вв., а верхний — к XIII—XV вв., то теперь — девять строительных периодов. Кроме того, собран материал десятого периода, дополнивший картину единого процесса развития оседлой культуры в Таразе с первых веков нашей эры по XVIII век (см. стр. 31, прил. 1).

В области топографии. Незначительная площадь Тараза, раскопанная в 1936—1938 гг. (в том числе раскоп I, поставленный Н. П. Кипарисовой), не позволила выявить планировку жилых строений средневекового города.

На основании проведенных нами раскопок и сопоставления с планами В. Каллаура и В. Лаврентьева были сделаны уточнения в топографии: выявлены контуры города на всех этапах его развития, а также территория сельской округи, определена площадь восточного и западного рабада и выяснен характер застройки последнего (жилье ремесленников, дома богатых, караван-сараи, бани и т. д.).

Сопоставление опубликованных сведений о таразской бане с новыми данными о восточных банях позволило установить функциональное назначение отдельных купальных помещений и дать их реконструкцию.

В области идеологии. В результате изучения вещей из Урнекского клада, а также материалов, добытых Л. И. Ремпелем и Г. И. Пацевичем из некрополей Тараза, наше представление о мировоззрении населения Таласской долины VIII—IX вв. несколько расширилось [13]. Затем обобщенные данные о мавзолеях Айша-биби, Бабаджи-хатун, гумбезе Манаса, а также о Тик-Турмасе, Давуд-беке, Кара-хане вместе со сведениями письменных источников и расшифрованной надмогильной надписью одного из мавзолеев XIII в. дали возможность осветить вопросы, связанные с религиозными воззрениями населения этого района X—XIV вв.

Мы считаем необходимым отметить, что в нашем распоряжении был материал, позволивший охарактеризовать лишь два периода в развитии Тараза. Но это наиболее важные периоды жизни города, они приходятся на две крупные исторические эпохи: эпоху зарождения феодальных отношений (VI—IX вв.) и эпоху сложения классических форм феодализма (X—XII вв.), когда Тараз стал центром целого исторического комплекса «города и деревни» с единой системой обороны [14], когда вместе с Исфиджабом он составил самостоятельный удел

---

[13] Т. Н. Сенигова. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI—VIII вв.). Сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968.

[14] А. Н. Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. «Вестник древней истории» (далее: ВДИ), 1939, № 4, стр. 176.

в Караханидском государстве и подчинил себе все города Таласской долины.

В XIII веке наступил перелом в политической жизни Тараза, происшедший в связи с завоеваниями монголов. Границы сфер его влияния сократились больше чем втрое. Центр округи переместился в юго-восточную часть — в рудную область Шельджи [15].

В данной работе мы стремились последовательно рассказать о тех изменениях, которые претерпел Тараз в эпоху средневековья. Они произошли в его топографии, материальной культуре, коснулись хозяйства, социального строя, идеологии и этнической истории населения этого района.

В работе использованы материалы, полученные автором в результате археологических исследований в 1958, 1961, 1963, 1965 гг., а также наблюдения Л. И. Ремпеля за 1950 г. и первичные полевые данные за 1961 и 1962 гг. Е. И. Агеевой по II и VI раскопам на шахристане. Следует сказать о некоторых обстоятельствах, затруднявших написание работы.

Во-первых, хранение коллекций в различных городах СССР — Ленинграде, Джамбуле, Алма-Ате, а также утрата части их описей и отдельных уже известных по публикациям находок; во-вторых, разрозненность материалов, так как они поступали по мере проведения на территории города строительных работ и не были связаны с определенным культурным слоем; в-третьих, почти полная разрушенность Тараза, что осложнило исследование его топографии.

Считаем своим долгом поблагодарить всех, кто помог нам успешно завершить работу: прежде всего сотрудников отдела археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, работников сектора Кавказа и Средней Азии Ленинградского отделения Института археологии В. М. Массона, Ю. А. Заднепровского, С. С. Черникова, рекомендовавших работу к печати, а также сотрудников Хорезмской экспедиции Н. Н. Вактурскую и Е. Е. Неразик, сделавших ряд ценных замечаний при подготовке рукописи.

Фотографии, рисунки, графический материал выполнены П. В. Агаповым, Г. Б. Демченко, О. В. Медведевым, при этом частично были использованы негативы Г. И. Блимхена и П. П. Яковина.

* * *

Учитывая, что история археологических исследований Тараза и памятников его округи от нижнего до верхнего течения Таласа прошлых лет достаточно полно изложена в исследованиях А. Н. Бернштама и П. Н. Кожемяко, мы ограничимся лишь небольшой исторической справкой об этом районе.

---

[15] Там же, стр. 178.

В природно-климатическом отношении Таласская долина (площадь 300×100 *км*) может быть разделена на две части. Северо-западная часть, в данное время составляющая основную территорию Джамбулской области, представляет собой обильно орошенное бурно текущим с гор Таласом низменное плато. Местами оно пересечено увалами, саями и ложбинами — следы старых протоков блуждающего Таласа. Юго-восточная часть занимает Северную Киргизию. Она также обильно орошена водами, но уже двух рек: Таласа и Кумыштага. Здесь располагаются мощные хребты Таласского Алатау, покрытые альпийскими лугами, которые используются и по сей день, с одной стороны, как пастбища (10%), а с другой — как площадь поливного и богарного земледелия (11% пахотных земель). В предгорьях Таласского Алатау издавна успешно ведется разработка ценных полезных ископаемых [16]. Природа округи очень разнообразна и богата. Воды пресных озер края Бийли-Куля и Ак-Куля, богатые дичью и рыбой, обширные пастбища предгорий с глубокой древности привлекали человека.

Еще А. Н. Бернштам писал: «Несомненно, что продолжение исследований долины даст более старые свидетельства пребывания здесь человека» [17], чем упоминание письменных источников, относящихся ко II в. до н. э.

Произведенные в последние годы исследования отрогов хребтов Каратау, примыкающих с востока к Таласской долине, подтвердили это предположение. Открытие здесь пещер и стоянок древнего человека позволило сделать вывод о заселении данной территории со времени палеолита [18].

Обнаруженные же в нижних культурных слоях шахристана Тараза кремневые скребки, отщепы и миниатюрные нуклеусы дают основание говорить о наличии жизни на этой территории и в период неолита (табл. I, *1—7*). Открытие в северо-западной [19] и юго-восточной частях Таласской долины каменных оградок и сырцовых погребальных камер с трупосожжением и богатым инвентарем (широкие серпы, различные нагрудные украшения и браслеты) [20], а также случайные находки из северо-западной части долины (бронзовые коленчатой

---

[16] М. А. Бубнова. Горнометаллургическая область Шельджи в IX—XII вв. н. э. (долина реки Талас). Автореферат канд. диссертации. Л., 1963.

[17] См.: Труды САЭ. Алма-Ата, 1949, стр. 10.

[18] Х. А. Алпысбаев. Находки памятников каменного века в хребте Каратау. В сб.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 19.

[19] В. Каллаур. Древности в низовьях Таласа. «Протоколы заседаний, сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии» (далее: ПТКЛА), 1899 (1898—1899), IV. Протокол от 13.III 1899 г.

[20] П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. «Известия АН КирССР, серия общественных наук», т. II, вып. III, История. Фрунзе, 1960.

формы ножи, фрагменты керамики) свидетельствуют о существовании жизни в этом районе, как и во всем Семиречье, в эпоху бронзы (табл. I, *8—9*).

К VII—III вв. до н. э. в Семиречье сложились племенные союзы саков и усуней. Сведения о их культуре мы получили главным образом благодаря археологическим раскопкам в северо-западных районах округи [21] и письменным источникам этого времени. На основании обследования местности и археологических данных в свое время А. Н. Бернштам сделал заключение о том, что «на территории Таласской долины... известны культурные остатки в оседлых поселениях, во всяком случае до V века до н. э.» [22]. К этому же периоду относятся и курганы Берккары, в которых была найдена пряжка с изображением льва, глотающего утку (табл. I, *16*). Случайные находки в районе Джамбулского кирпичного завода в виде массивной каменной зернотерки, песта, бронзового тесла с ушком, бронзовых со сферическим корпусом котлов на полом коническом поддоне также подтверждают наличие в этой местности оседлости (табл. I, *19—24*). Об этом же свидетельствуют найденные севернее Тараза шипастые втульчатые наконечники стрел и бронзовая скульптурка воина (табл. I, *10—13, 15*) [23]. Дальнейшие сведения о племенах Таласской долины мы получили из записей китайского путешественника Чжан-Цяня, проехавшего по

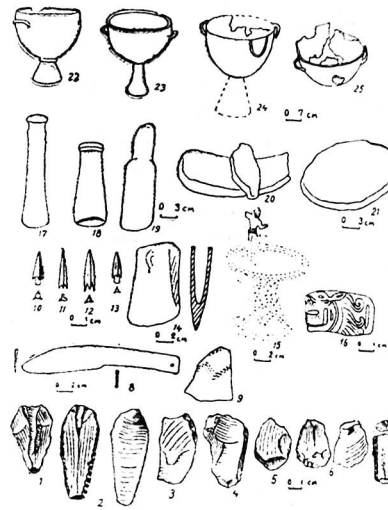

Таблица I. Отдельные находки из Тараза и близлежащей округи.

[21] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, стр. 58; его же. Берккаринская пряжка. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР» (далее: КСИИМК), вып. XVII, 1947.

[22] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 18.

[23] Т. Н. Сенигова. К вопросу о генезисе культуры Семиречья (VI в. до н. э. — XII в. н. э.). «Вестник АН КазССР», 1967, № 4; А. П. Попов. Находки сакского времени в Джамбулской области. Сб. «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 208.

р. Талас и наблюдавшего за здешними племенами [24]. Он отмечает, что в этом районе кроме усуней проживали и племена кангюй.

Упоминание в литературе о том, что группа северных гуннов под предводительством шаньюя Чжи Чжи, не желая подчиниться Китаю, в 36 г. до н. э. поселилась во владениях Кангюйского царства [25] на р. Толосо (Талас), послужило А. Н. Бернштаму основанием для утверждения, что владения Кангюй простирались от низовьев до верховьев Таласа [26].

Точка зрения о локализации кангюйских племен на территории между Таласом и низовьями Чу на востоке, Ташкентским оазисом на юге, низовьями Сыр-Дарьи на севере получила широкое распространение в литературе [27]. Последующие археологические исследования еще более укрепили мнение о проживании в Таласской долине племен кангюй с I в. до н. э. по V в. н. э.[28].

В результате вовлечения к концу 60-х годов VI в. Тюркского каганата в политические и экономические отношения крупнейших государств того времени: Византии, Персии, Индии, Китая в борьбу за контроль на торговом пути из Китая в страны Запада втянулось и население Таласской долины. В связи с этим уже в 568 г. в греческих источниках упоминается город Тараз. Развернувшаяся между Персией и Византией война за торговые пути потребовала людских резервов. Византия вынуждена была искать союзников, заинтересованных в победе над Персией [29], и потому отправила послов к западнотюрк-

---

[24] F. Hirth. Veber den Verfasser und Abschreiber der chinesischen Ynschrift am Denkmal der Köl-Tägin. TP., vol. VII, 1896; F. Hirth. The History of Chang K'ien, Chinga's Pioneer in Western Asia, JAOS, 1917, vol. 37, pp. 89—152.

[25] Л. Н. Гумилев. Таласская битва 36 г. до н. э. Исследования по истории культуры народов Востока. «Сборник в честь акад. И. А. Орбели. Исследования по истории культуры Востока». М. — Л., 1960, стр. 163.

[26] См. Труды САЭ. Алма-Ата, 1949, стр. 11; А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 102.

[27] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 5; Y. Markwart, Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938, S. 188; W. M. Mc. Govern. The early empires of Central Asia. Chapel Hill, 1939, pp. 134—135; W. Tarn. The Greeks in Bactria and Yndia. Cambridge, 1951, p. 291; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

[28] Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукумтобе. Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, см. карту, стр. 140.

[29] Н. В. Пигулевекая. *Византия на путях в Индию*. М.—Л., 1951; ее же. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VIII вв. «Византийский временник», т. 27. М., 1967; ее же. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. Труды Института востоковедения АН СССР, т. XXXI, М. — Л., 1940.

скому кагану Дизабулу, под властью которого находился и Тараз. В 568 г. в город прибыло посольство византийского императора Юстиниана во главе с Земархом Киликийским. Как бы подтверждением этого является находка в слоях Тараза византийского золотого солида. На Av имелось погрудное изображение Юстиниана I в шлеме с копьем в правой руке, левая была прикрыта щитом. На Rv изображена богиня победы в хитоне, держащая длинный и широкий крест [30]. Одновременно к тюркам направила посольство и Персия. Но Дизабул выступил на стороне Византии [31].

В 572 г. земли Семиречья перешли к Кара-Чурину-Дату [32]. Тараз по-прежнему сохраняет значение столичного города и играет немалую роль в Тюркском государстве, о чем свидетельствуют разыгравшиеся в это время события, благодаря которым исторические судьбы населения Таласской долины еще теснее связываются с судьбами населения Средней Азии. Так, в результате возникших в Согде в 580 г. столкновений между тюркскими кочевниками, возглавляемыми Абруем, и бухарской знатью, часть населения эмигрировала в Тараз. Вот как описывает это событие Нершахи: «По прошествии некоторого времени власть Абруя возросла, он стал жестоко править этой областью (Бухарой. — *Т. С.*), терпение жителей истощилось. Дихкане и купцы ушли из этой области в сторону Туркестана и Тараза и выстроили там новый город и назвали его Хамукет, город вельможи Хамука» [33].

Прибывшие в Тараз «вельможи и дихкане обратились за помощью к Кара-Чурину-тюрку, которого за его величие народ прозвал Биягу-Ябгу-каган» [34]. Кара-Чурин тотчас послал для расправы с Абруем своего сына.

Факт переселения в Тараз значительного количества согдийской аристократии, а также подавление восстания в Бухаре свидетельствуют о той серьезной роли, которую играл Тараз в политической жизни этих областей. Не случайно с этими событиями связывают влияние согдийской культуры в Семиречье [35], в Таласской долине и в самом Таразе.

К сожалению, по письменным источникам неизвестно, что собой представлял в то время Тараз.

---

[30] М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. Труды Среднеазиатского государственного университета (далее: Труды САГУ), вып. XXIII, кн. 4, Ташкент, 1951, стр. 97.

[31] «Византийские историки». Пер. с греч. Спиридона Дестуниса. СПб., 1861, стр. 380.

[32] Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 58.

[33] В. В. Бартольд. Соч., т. IV, М., 1966, стр. 33.

[34] Нершахи. История Бухары. Ташкент, 1897, стр. 12—13.

[35] А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, вып. VI, 1940; его же. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

Посетивший в 630 г. город Сюань Цзян говорит о нем весьма лаконично. Он характеризует Тараз, как значительный торговый центр, «где жили купцы разных стран». Город имел 8—9 ли, т. е. в окружности 2,5—2,7 *км* [36]. Лишь проведенные А. Н. Бернштамом исследования развалин и раскопки в ряде мест городища позволили частично выявить топографию города. Уже в VII в. Тараз имел цитадель и шахристан, обнесенные стенами с башнями, рабад и округу [37]. Более детальное изучение исторической топографии Тараза, осуществленное в последние годы Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР, это подтвердило.

На развитии оседлой культуры города, а вместе с тем и на его экономике не могла не сказаться происходившая в Западнотюркском каганате политическая борьба внутри тюргешской конфедерации племен между нушиби, населявшими в 635—648 гг.[38] Чу-Таласское междуречье, и дулу, жившими в Чу-Илийском междуречье. Переменные успехи каждой из сторон способствовали то выдвижению Тараза [39], то подчинению его другому центру — Суябу на р. Чонкемин [40].

С периодом 704—744 гг. в истории Тараза связаны активные военные походы тюрок на стороне самаркандцев против арабов и возвышение в Семиречье кара-тюргешей.

После разрушения в 748 г. Суяба тюргеши Западного Семиречья попали в зависимость от города Таласа, а Талас — от ташкентского владетеля [41].

Наиболее крупным политическим событием в жизни населения Таласской долины в этот период следует считать битву между войсками ферганского владетеля и царя Шаша, в результате которой ферганский владетель «обратился за помощью к царю Китая и тот дал ему 100 000 воинов», после чего царь Шаша был побежден. «Известие (об этом) дошло до Абу-Муслима, и он отправил на войну с ними Зияда ибн-Салиха». В июле 751 г. они встретились на реке Талас, мусульмане победили их (китайцев), убили из них 50 000 и взяли в плен около 20 000, а остальные бежали в Китай» [42]. Но активные военные действия, проводимые тюрками Семиречья, затрудняли подчинение этих областей арабам, что и было отмечено В. В. Бартольдом: «Арабские

---

[36] В. В. Бартольд. Соч., т. IV, М., 1966, стр. 33.

[37] А. Н. Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, 1939, № 4.

[38] Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 212—217.

[39] А. Н. Бернштам. Тюргешские монеты. ТОВЭ, т. II, М. — Л., 1940, стр. 105.

[40] См.: Труды САЭ. Алма-Ата, 1949, стр. 14.

[41] В. В. Бартольд. Соч., т. II, М., 1963, стр. 34; его же. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 19.

[42] С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, стр. 88.

завоеватели доходили до долины Таласа, но не присоединили ее к своим владениям». Произведенное еще А. Н. Бернштамом «исследование Таласской долины и междуречья Талас — Чу показало, что город Тараз приобрел в это время исключительное значение и явился форпостом мусульманской культуры для Семиречья» [43].

О той значительной роли, которую играл Тараз в этот период в экономической и политической жизни Тюркского каганата, свидетельствуют и древние письменные источники, в частности найденные в Ходжи фрагменты манихейского сочинения «Священная книга двух основ», датированного первой половиной VIII в.[44] и написанного, как там сказано, в городе «славных и благословенных тюрков-чаруков Аргу — Талас-улуш» [45]. Из этого следует, что Талас был крупнейшим торгово-ремесленным центром Западного Семиречья — страны Аргу, занимавшей территорию между Баласагуном и Исфиджабом.

Таким образом, племена и народы, проживавшие в Таласской долине в период вхождения этих земель в состав Западнотюркского каганата, сырали немалую роль как в разгроме персов на стороне Византии на западе и арабов на востоке — у берегов Таласа, так и в процессах сложения государственности и становления феодальных отношений внутри страны.

Надмогильная плита, возведенная в 731 г. в память о Кюль-тегине с надписью о том, что на похороны его были приглашены и представители военной аристократии из Таласской долины, позволяет предположить, что горестные надмогильные строки относились и к населению Таразской округи, входившей в Западнотюркский каганат. «То ходил ты (тюркский народ) вперед (т. е. на восток), то ходил назад (т. е. на запад), и в странах, куда ты ходил, что было для тебя хорошего? Твоя кровь бежала (там), как вода, твои кости лежали (там), как горы» [46].

Но на этом не закончились изнурительные войны, постоянно подрывавшие экономику городов округи. В 766 г. Таласской долиной

---

[43] См.: Труды САЭ. Алма-Ата, 1949, стр. 14.

[44] A. V. Le Cog. Turkyche Manichaica aus chotscho. Bd. I. Berlin, 1912, S. 26—27; W. Radloff. Altturkische Studien, VI, Usb., Ser. VI, 1912, pp. 744—745; A. V. Le Cog. Ein Manichaische Buchiragment aus Chotscho «Festschrift fur V. Thomsen». Leipzig, 1912, S. 150; Ed. Chavannes et P. Pelliot. Un Traite manicheen retrouve Chine. Y. A., Serie XI, 1913, № 1, pp. 140—142; A. V. Gabain. Steppe und Stadt im Leben der altesten Turken. «Der Yslam», Bd. 29, 1949, H. 1—2, S. 50—51.

[45] С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 130, 131.

[46] С. Д. Асфендиаров. История Казахстана (с древнейших времен), т. I, Алма-Ата, 1935, стр. 23, 24.

и восточной частью Сырдарьинской области овладели карлуки [47]. Арабы стремились ослабить их путем изоляции, но им это не удалось осуществить. Если в первое десятилетие царствования Махди (775—785 гг.) карлукский джабгу выполнял требования и платил налоги, то уже в 806 г. карлуки взбунтовались и прислали на помощь восставшим самаркандцам вспомогательный отряд. В 810 г. халиф Мамун уже был вынужден выступить против семиреченского города Кулана. Он жаловался своему визиру Фазлу ибн Сахлю, что ему приходится начинать войну в самый неблагоприятный момент: карлукский джабгу вышел из повиновения, а царь Отрара отказывается платить дань [48].

Фазл посоветовал ему написать письмо джабгу и подарить отрарскому царю дань за один год. В. В. Бартольд предполагал, что подобными мерами халифу, вероятно, удалось внешне умиротворить страну, но это неубедительное доказательство, так как в списке среднеазиатских городов, вносивших в арабскую казну дань, семиреченские города Тараз, Кулан, Мерке отсутствуют [49]. В 813 г. Мамун овладел областью Отрар и взял в плен сыновей карлукского джабгу и его жен, сам джабгу бежал в страну кимаков [50]. А. И. Михайлова считает, что карлуки, вытесненные из Отрара на северо-восток, сохранили за собой значительную территорию, в том числе Тараз и города Таласской долины [51], что сказалось на развитии материальной культуры данного района. К сожалению, имени правителя карлуков не сохранилось. В источниках он фигурирует под тотемистическим названием Arslanie türgük, как выходец из основной династии карлуков-чигилей, правившей Таласом и Аргу в 766—840 гг. А. М. Габен утверждает, что ему была посвящена упомянутая манихейская рукопись [52].

Таким образом, в течение 200 лет политическое господство в Семиречье было в руках карлуков. Однако халиф Исмаил ибн Ахмед, стремясь обезопасить северо-восточные границы своей империи и заполучить входившую в сферу влияния Тараза богатую серебром область Шельджи [53], в 893 г. «пошел войной на город царя тюрков» [54], под которым следует понимать Тараз. Это говорит о Таразе как о сто-

---

[47] А. Н. Михайлова. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. «Эпиграфика Востока», т. V, 1951, стр. 13.

[48] В. В. Бартольд. Соч., т. I, М., 1963, стр. 260.

[49] Там же, стр. 261.

[50] А. И. Михайлова. Указ. работа, стр. 17.

[51] Там же, стр. 19.

[52] А. Габен. Указ. работа, стр. 53—54.

[53] М. Е. Массон. Из истории горного дела в Узбекистане. Ташкент, 1953, стр. 32; В. П. Мокрынин. О торгово-ремесленных связях средневекового Шельджи. Сб. «Средневековые города Средней Азии и Казахстана». Л., 1970, стр. 64—65.

[54] В. В. Бартольд. Соч., т. III, М., 1965, стр. 495.

лице государства карлуков и как о крупнейшем торгово-экономическом центре, соединявшем лежавшие к северо-востоку от него кочевья и города Средней Азии. В конце концов. Тараз был взят Исмаилом. Сообщение Нершахи о походе Исмаила в Тараз дополняет Табари. Он пишет, что Исмаил, взяв город тюрков-карлуков, пленил царя, его жену и около 10 000 человек. Кроме того, «он убил многих» из сопротивлявшихся ему воинов и «забрал так много верховых животных» — лошадей, «что нельзя было их сосчитать». Каждому мусульманскому всаднику при разделе добычи, награбленной в Таразе, «досталось 1000 диргемов» [55]. Только ценой принятия ислама карлукам удалось сохранить политическую независимость Тараза. Головная церковь была превращена в мечеть [56], а предводители карлуков обязались защищать владения саманидов от других тюркских племен. На таких условиях Тараз и Исфиджаб избежали внесения денежных взносов (хараджа) в саманидскую казну. По словам арабских географов Ибн Хаукаля и Ибн Русте, Таразу в эту пору подчинялись крепости от Сюткента до «шатров карлухов» и никто, кто отправлялся в их степи, не мог миновать города. Таким образом, Тараз втягивал в экономическую жизнь города своей округи и подготавливал активное участие карлуков в политической и культурной жизни данного района в раннефеодальную эпоху.

В рассматриваемый период влияние тюрок во всех сферах общественно-политической жизни Средней Азии и Семиречья значительно усилилось. Немалую роль в этом сыграло население Таразо-Исфиджабских земледельческих оазисов. Поэтому не случайно Тараз все чаще упоминается в различных письменных источниках и географических сочинениях. Так, в 922—923 гг. в Таразе искал убежища Мухаммед ибн-ал Хуссейн ибн Мут (возможно, исфиджабский владетель) [57], который поддержал Ильяс ибн Исхака, выступившего против Насра ибн Ахмеда, саманидского правителя, жившего в Бухаре в 913—942 гг. Сообщение об этом восстании мы находим у Ибн-ал Асира. Оно прокомментировано В. В. Бартольдом: «Восстание, поднятое в 922 г. в Фергане Ильясом б. Исхаком, легко было подавлено... Главный сподвижник Ильяса упомянутый Мухаммед ибн Мут бежал в Тараз, где по желанию бухарского правителя был убит местным дихканом» [58].

В этот период в юго-восточной части округи поселяется много пришельцев. Так, Макдиси говорит, что в Шельджи живет около

[55] С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас..., стр. 76.

[56] В. В. Бартольд. Соч., т. IV, М., 1966, стр. 282.

[57] В. В. Бартольд. Соч., т. I, М., 1963, стр. 301.

[58] Там же.

10 000 исфаханцев [59]. Усиливается разработка рудников, а также освоение пахотных земель, что не могло бесплодно пройти и для тюрков. Втянутые в этот процесс, они проникали в поселения и города, и часть их становилась оседлыми. В 999 г. города Таласской долины входили в Караханидское государство. Но из-за постоянных междоусобиц Тараз часто переходил из рук одних владетелей в руки других, что документируется нумизматическими данными. Монеты, обнаруженные в кладах пригорода и определенные М. Е. Массоном и О. И. Смирновой, а также данные о монетах, известные по публикациям А. Н. Бернштама, М. А. Бубновой, А. К. Маркова, М. Н. Федорова и О. Прицака [60], позволяют говорить о том, что с 1002 по 1173 г. монетный двор Тараза выпускал монеты от имени как верховных, так и вассальных правителей. Так, например, в 1004/05 г. здесь чеканятся монеты от имени брата Илека Насра вассального правителя Мухаммада ибн Али [61]. В 1006/07 г. Тараз переходит к другому брату Насра Ахмаду ибн Али, в 1008/09 г. после смерти Насра в Таразе вновь чеканятся монеты от имени Мухаммада ибн Али. В это время их старший брат Туган-хан оставался правителем Семиречья [62].

После смерти Ахмада Муххамад принял титул Арслан-хана и правил государством до 1024/25 г.[63], о чем свидетельствуют битые в Таразе монеты от его имени и от имени вассального владетеля Тараза, Бухары, Шаша, Самарканда — его младшего брата Мансура ибн Али с 1013 по 1025 г.[64].

В 1026/27 г. (403 г. х.) из Семиречья Туган-хана вытесняет правитель Туркестана Кадыр-хан Юсуф [65]. После смерти Кадыр-хана (1032 г.) Туркестан и Семиречье достались его старшему сыну Сулейману, принявшему титул Арслан-хана. «Второй сын Яган-тегин Му-

---

[59] С. Волин. Указ. работа, стр. 82.

[60] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941; А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896; Б. В. Лунин. О нумизматической коллекции узбекского собирателя древностей Акрама Аскарова (по архивным данным). «История материальной культуры Узбекистана» (далее: ИМКУ), вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 238—239; М. Н. Федоров. Новые факты из истории караханидов первой четверти XI в. в свете нумизматических данных. Сб. «Из истории культуры народов Узбекистана». Ташкент, 1965, стр. 45—55; Von Omeljan Pritsak. Die karachaniden (mit einer geneologischen Tafel). Der Yslam, XXXI, Heft I, Berlin, 1953.

[61] Клады монет, найденные в западной части пригорода (Колхозная, 42, 47), определены О. И. Смирновой.

[62] М. Н. Федоров. Ферганский клад караханидских дирхемов 1034—1043 гг. «Советская археология» (далее: СА), 1968, № 3, стр. 225.

[63] В. В. Бартольд. Соч., т. I, М., 1963, стр. 343.

[64] М. Н. Федоров. Новые факты из истории караханидов..., стр. 53.

[65] В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 343; М. Н. Федоров. Ферганский клад..., стр. 225.

хаммед принял титул Богра-хана и стал править в Таласе и Исфиджабе» [66], а затем и в Шаше [67]. В 1039/40 и 1053 гг. в Таразе чеканятся монеты от его имени. О той значительной роли, которую он играл в Караханидском государстве, свидетельствует тот факт, что даже в Бухаре и Самарканде выпускались монеты с именами двух правителей — Арслан-хана и Богра-хана [68].

При правлении Яган-тегина Тараз превратился в крупный экономический центр, а сам правитель стал претендовать на престол в Караханидском государстве. Начав в 1056 г. войну со старшим братом Арслан-ханом, он свыше 15 месяцев [69] сохранял за Таразом роль столичного города всего государства караханидов.

В последние годы жизни Яган-тегина в Таразе чеканились монеты от имени Халифа ал Каима (1030—1075 гг.), о чем говорит клад монет [70].

После смерти Яган-тегина земли Семиречья отошли к его сыну Ибрагиму, а затем Тогрулу Кара-хану Юсуфу (1059—1075 гг.).

В 1074/75 г. Таразом правил чеканивший в городе от своего имени монеты Тамгач-хакан Хасан ибн Сулейман, которому в 1069/70 г. и была посвящена дидактическая поэма «Кудатку билиг» [71].

После смерти Тогрула в 1076/77 г. в городе стали чеканить монеты от имени его сына Кара-тегина [72], а затем в течение почти 20 лет до 1094 г. — Халифа ал Муктади Богра-хана Харуна, сменившего Халифа ал Каима [73]. До 1102 г. Таразом владеет сын Омара Кадыр-хан Джибраил, внук Богра-хана Мухаммеда, завоевавший Самарканд и Бухару [74]. После этого вплоть до 1130 г. Тараз оставался во владениях восточных караханидов.

Нумизматические данные, опубликованные Б. В. Луниным, свидетельствуют о том, что чеканка монет в Таразе не прекращалась до 1173 г. включительно. Из сказанного следует, что, несмотря на сравнительно частую смену правителей в Таразе и включение его в различные уделы Караханидского государства, в городах Таласской

---

[66] В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 357.

[67] М. Н. Федоров. Ферганский клад..., стр. 221.

[68] В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 358; А. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет. Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 251—252.

[69] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 29.

[70] Монеты из городища северо-восточной округи (Нижний Барсхан), а также две монеты из Тараза определены М. Е. Массоном.

[71] В. В. Бартольд. Соч., т. V, М., 1968, стр. 419—420.

[72] Монеты найдены в районе Нижнего Барсхана, определены О. И. Смирновой.

[73] Монета из клада на городище Нижний Барсхан, определена М. Е. Массоном.

[74] В. В. Бартольд. Соч., т. I, М., 1963, стр. 357—381; его же. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 30.

долины происходило довольно быстрое развитие производительных сил, увеличился приток в города сельского населения, росли старые поселения и возникали новые. Это привело к общему экономическому подъему округи и ее центра Тараза.

Дальнейшие политические события, происходившие на территории Таласской долины, губительно сказались на развитии местной культуры. Каракитаи, найманы, монголы сменяли друг друга, все они грабили и разрушали города, превращая цветущие оазисы в пастбища.

В 1181 г. кипчакский военачальник Алп-Кара освобождает от каракитаев все земли вплоть до Тараза [75]. В 1203 г. в Таласскую долину вновь вторглись каракитаи и посадили наместником Тараза Таянгу [76]. Но уже в 1210 г. в Таласскую область прибыл Мухамед-шах, напал на каракитаев и разорил цветущий оазис. В 1212 г. он вновь подверг земли Таласской долины опустошению, желая окончательно сломить каракитаев.

В период завоевания Семиречья найманами Тараз был опять разрушен. Мухамед-шах приказал жителям Шаша, Ферганы, Исфиджаба, Хасана и городов, которые располагались вокруг них, «а в мире не было более приятных, чем они, и более возделанных,— выселиться из них в страну ислама. Затем он разрушил их всех из страха, что татары завладеют ими»...[77].

Еще более роковым оказалось нашествие монголов в 1219 г., которые превратили долину Таласа в пастбища. Но и «тогда еще Тараз оставался главным городом округа» [78].

Сведения о Таразе встречаются в источниках и после завоеваний монголами Средней Азии и Казахстана, когда земли Таласской долины вошли в Чагатайский улус.

Так, в 1248 г. по пути в Монголию его посещает монгольский наместник Кавказа Аргун. Он побывал в Таразе еще раз в 1251 г., когда ехал в Монголию на курултай и там узнал об избрании Менгу Каана великим каганом. Проехавший в 1253 г. через Тараз Рубрук отметил, что в то время в городе проживала группа каких-то европейцев, именуемых немцами [79]. В 1255 г. в Таразе правитель Малой Армении Гайтон встретился с Хулагу — родоначальником династии хулагуидов.

---

[75] В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 405.

[76] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М. — Л., 1952, стр. 140, 182; В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, стр. 38.

[77] С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, стр. 89.

[78] М. Е. Массон. Исторический этюд по нумизматике джагатаидов. (По поводу Таласского клада монет XIV в.). Труды САГУ, вып. IV, Ташкент, 1957, стр. 83.

[79] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911, стр. 104.

Примерно с этим временем следует связывать и правление в Таразе местного аристократа, мавзолей которого в форме киоска на четырех арках обнаружен в западном рабаде. Надмогильная надпись сохранила для нас его имя. Это был Улуг-Бильгя Икбал-хан Давуд-бек, умерший 31 марта 1262 г.

В 1269 г. на состоявшемся на берегу р. Талас курултае чагатаидов было решено передать Таласскую область во владение покровителя ислама Кайду [80].

Наличие в Таразе монет Бука-Тимура (1272—1291 гг.) и Дувахана (1291—1306 гг.) — ставленников Кайду свидетельствует о том, что в течение более 30 лет [81] за Таразом сохранялась самостоятельность.

В 1301 г. после смерти Кайду город перешел к его сыну Чапару [82]. Но уже в 1305 г. землями нижнего Таласа завладел старший сын Кайду Шах, который расположил здесь свою ставку «Золотую орду». Между братьями постоянно происходили столкновения, вследствие чего города Таласской долины вновь подверглись разграблению.

Так, в 1307 г. чагатаидские царевичи разрушили прежнее государство Кайду. «Они сожгли «Золотую орду», развеяли по ветру земли Тараза, Янги, Кенджида» [83].

После возведения на престол Эсена-Буки (1310—1318 гг.) большая часть земель Кайду осталась за чагатаидами [84]. Выпуск в Таразе аэнопиграфических монет 1311/12 г. опять-таки свидетельствует о происходивших в это время междоусобицах, отрицательно сказавшихся как на экономике края, так и на судьбе населения. В результате даже ставки самого Эсена-Буки (летняя находилась около Таласа) [85] были разгромлены. Далее источники повествуют о том, что в 1316 г. Эсен-Бука дошел до Тараза. После его смерти (1318 г.) власть перешла к его брату Кебеку, при котором в городе чеканились монеты [86]. После смерти Кебека (1326 г.) в Таразе правил его брат Тармаширин. Монеты с его именем выпускались с 1325 по 1334 г.[87] Господ-

---

[80] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, стр. 70—71.

[81] Б. В. Лунин. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монгольских находок по территории Узбекистана. ИМКУ, вып. 8, 1969, стр. 178.

[82] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 57.

[83] Там же, стр. 58.

[84] В. Д. Жуков. Дукентский клад. ИМКУ, вып. 1, 1959, стр. 191, 194, рис. 8; его же. Чекан Кенджиде и аэнопиграфические монеты в Дукентском кладе. Там же, стр. 311, рис. 2.

[85] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, стр. 61.

[86] М. Е. Массон. К вопросу изучения языческих курганных погребений. «Вестник АН КазССР», 1965, № 1, стр. 82—84.

[87] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 64.

ство кочевников чагатаидов на Таласе, а также разразившаяся в 1338/39 г. в Семиречье чума [88] вновь приводят к упадку культуры в Таласской долине, в связи с чем город Тараз все реже упоминается в источниках.

Так, Ал Омари (умер в 1348 г.) при описании маршрута из Мавераннахра в Алмалык говорит о Таразе как о городе, вошедшем во вновь образованный в Туркестанской области округ Янги, в котором города располагались друг от друга на расстоянии одного фарсаха [89].

Благодаря исследованиям Семиреченской экспедиции (1936—1938 гг.) и экспедиции Киргизской Академии наук (1956 г.) установлено, что примерно из 200 городов и укреплений домонгольского времени, расположенных в долине Таласа, городов с материалами XIII—XIV вв., кроме самого Тараза насчитывается всего два десятка. В основном это города Шельджи. Оживление жизни в данной области объясняется потребностью в серебре казны [90].

В 1354 г. Талас на некоторое время отходит к последнему из чагатаидских владетелей Средней Азии Буянкули [91].

В 1434 г. власть в Семиречье переходит к одному из потомков чагатаидов Эсен-Буки. При нем северо-восточнее Таласа (р. Чу) поселилось около 200 000 казахов под предводительством Гирея и Джанибека [92]. При Улугбеке в 1440 г. долина Таласа вновь была разграблена.

В 20-х годах XVI в. Мухаммед-Хайдар сообщает о городах Таласской долины следующее: «Яны — это местность, известная в Моголистане; в Мавераннахре много людей из Яны; всех их зовут Янылын. На той полосе, которая зовется Яны, сохранились следы нескольких городов; там остались признаки сводов, минаретов, монастырей и медресе; но неизвестно, который из этих старинных городов был именно Яны и как звали прочие города» [93]. Вероятно, Янги — это «монгольское» название Тараза [94].

---

[88] В. В. Бартольд. Указ. работа, стр. 63.

[89] С. Волин. Указ. работа, стр. 90—91.

[90] М. А. Бубнова. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX—XII вв. В сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 242.

[91] М. Е. Массон. Исторический этюд по нумизматике джагатаидов. (По поводу Таласского клада монет XIV в.). Труды САГУ, вып. IV, Ташкент, 1957, стр. 70, 71.

[92] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 73—74.

[93] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864, стр. 155—156.

[94] В. В. Бартольд. Соч., т. III, М., 1965, стр. 495.

В 1512 г. землями Таласа и Сайрама правит казахский хан Касым. По данным Мухаммеда-Хайдара, казахский народ насчитывал в то время около миллиона человек; по Бабуру, у Касыма было до 300 000 воинов [95].

В 1537 г. Убайдаллах-шейбанид, преследуя казахов, «с огромным устрашающим горы и ужасающим моря войском двинулся с берегов реки Сайрам в местность Никин». По мнению В. П. Юдина, это искаженное древнее написание города Янги, расположенного «на торговом пути и (который) сейчас разрушен. Эта местность стала местом разбивки победоносных шатров» [96].

Неоднократно эта местность подвергалась набегам калмыков, следовавших в Сайрам в 1631—1634 и 1723 гг.[97]. Но уже в 1755 г. в Семиречье на свои старые места вернулись казахские родовые общины, которые вновь занялись земледелием и начали восстанавливать водопользование в долине.

В 1815—1858 гг. земли Таласской долины оказались под властью кокандского хана, развалины Тараза кокандцы использовали в качестве крепости против теснивших их казахов.

Свержение кокандцев повлекло за собой экономический подъем старых поселений на Таласе. Рядом с развалинами прежнего Тараза воздвигаются монументальные архитектурные сооружения — бани восточного типа с купольными перекрытиями, сложной системой арок, коробовых сводов, водо- и воздухопроводами (баня Барак-хана — южная часть города; баня Каримбая — ул. Промышленная, восточная часть шахристана; баня Расул-хана — ул. Абая, северо-западная часть города), деревянные мечети с системой айванов и каменных колонн, заимствованных из весьма древних мечетей Тараза (у шахристана, западная часть рабада и на некоторых улицах), церкви (западнее рабада, на мучном базаре, ул. Крупской), а также возводится «рубашка» мавзолея XIII в. Давуд-бека, закладываются его арочные проходы и у южного портала сооружаются два ложных минарета.

---

[95] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 78; К. А. Пищулина. Присырдарьинские города, их значение в истории казахских ханств в XV—XVII вв. Сб. «Казахстан в XV—XVIII вв.». Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. Извлечения из тюркских и персидских сочинений. Алма-Ата, 1969, стр. 49.

[96] Извлечения из персоязычного сочинения Зайн-ад-дина Васифи «Бада-ал-Вакан», стр. 13, 14, перевод В. П. Юдина. Хранится в рукописном отделе ИИАЭ АН КазССР.

[97] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 83, 84, 86; А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. СПб., 1832, стр. 69.

В 1856 г. проповедники ислама, используя легенду о воздвигнутом в XII в. мавзолее Кара-хана, на месте срытого уникального памятника строят новой купольный с двумя минаретами и внутренней лестницей мавзолей, ничего общего не имеющий с древним. За новым мавзолеем было сохранено древнее название «Аулие-ата» (святой отец), позднее так стал именоваться и город. После завоевания 4 июня 1864 г. войсками царского правительства город Аулие-Ата вошел в качестве уездного города в Сырдарьинскую область. В 1938 г. город был назван по имени уроженца этих мест великого казахского поэта Джамбула — Джамбулом. Это имя он носит и по сей день.

СТРАТИГРАФИЯ ТАРАЗА

Хотя кое-какие сведения о Таразе и содержат письменные источники, но ни в одном из них не говорится о его точном месторасположении, лишь у Макдиси (X в.) есть упоминание о том, что через город протекает река. Оно и явилось основанием считать сохранившиеся развалины в Аулие-Ата древним городом Таразом [1]. Но больше доказательств в пользу такого утверждения было получено после археологических раскопок культурных слоев Тараза в 1927 г. М. Е. Массоном [2] и в 1936—1938 гг. А. Н. Бернштамом [3].

Археологическими исследованиями было выяснено, что город имел мощные напластования и что его развалины по своим размерам значительно превосходят развалины других городов Таласской долины, поэтому можно полагать, что Тараз был центральным городом округи. В результате раскопок было установлено, что Тараз, как и другие города Средней Азии, имел все составные части, а именно: цитадель, шахристан, рабад и округу. Опубликованный же А. Н. Бернштамом план [4] содержал лишь наиболее сохранившуюся северную

[1] Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах. Т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 423, 648.

[2] И. И. Умняков. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 г. «Известия Средазкомстариса», 1928, вып. III, стр. 265—275.

[3] См.: Труды САЭ, Алма-Ата, 1949, стр. 100—120.

[4] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, см. план.

часть города — цитадель и примыкавший к ней, но уже тогда лишенный трех стен шахристан (370×200×160 *м*). Таким образом, размер города остался невыявленным. По свидетельству Сюань Цзяня, проехавшего в 630 г. через Тараз, город имел окружность 8—9 ли, т. е. 2,7 *км*. Мы сочли необходимым выяснить основные контуры исторической топографии как самого Тараза, так и его округи.

Для решения этой задачи мы привлекли план, составленный В. Каллауром в 1864 г. и известный под названием «План крепости Аулие-Ата» [5]. Зафиксированные на нем составные части города позволили значительно дополнить план А. Н. Бернштама, уточнить размеры цитадели, шахристана, выяснить фортификационные особенности. Сопоставление плана с развалинами на местности и с материалами археологических исследований, проведенных нами на всех составных частях города и в округе, дали возможность не только получить представление об исторической топографии города в основные хронологические периоды его жизни — VIII—IX вв. и X—XII вв., но и выявить контуры округи (рис. 1).

Не менее важной, чем план В. Каллаура, для изучения топографии памятников округи оказалась «Схема бугров в черте города Аулие-Ата» В. Лаврентьева, составленная примерно в те же годы, что и план Аулие-Ата. На ней были отмечены бугры (более 50), рассредоточенные в северо-западной части округи Тараза. К сожалению, их довольно условное нанесение на схему не дало представления ни о планировке зафиксированных памятников, ни о их размере [6]. Лишь в составленной к ним пояснительной записке были даны размер и форма некоторых из них. Схема явилась для нас единственным доказательством заселения некогда близлежащей к Таразу округи. Из отмеченных на схеме бугров на местности сохранилось два. Один (в 3 *км* юго-восточнее Тараза) известен среди местных жителей как Жолпак-тобе, другой (в 10 *км* северо-восточнее Тараза) как Турткуль-тобе.

Первый памятник был в свое время отождествлен Г. И. Пацевичем с одним из городов округи Тараза — Джикилем.

Второй памятник был также отождествлен с одним из городов округи Тараза, известным в источниках под названием Нижний Барсхан. Оба бугра в 1940 г. обследовал и частично вскрывал Г. И. Пацевич, но более основательно они были изучены в 1963 и 1965 гг.

---

[5] В. А. Каллаур. К истории города Аулие-Ата. ПТКЛА, 1903 (1902—1903), VIII. Протокол от 22.IX 1903 г., прил., стр. 11—18.

[6] В. П. Лаврентьев. Краткий перечень бугров (курганов), находящихся в черте города Аулие-Ата. ПТКЛА, 1900 (1899—1900), V. Протокол от 27.II 1900 г., стр. 47—50.

Значительно лучше сохранились памятники юго-восточной части Таласской долины — рудной области и города Шельджи. Они позволяют составить более полное представление о планировке и топографии средневековой округи Тараза.

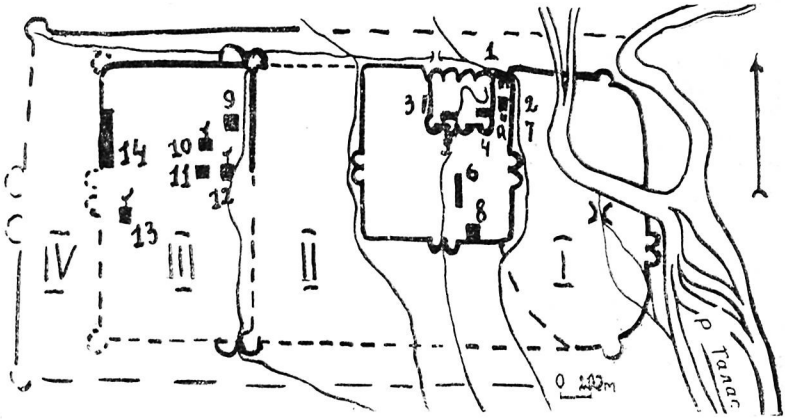

Рис. 1. План Тараза с заложенными на нем раскопами: *1* — раскоп 1, баня; *2* — раскоп 2 стратиграфический (Л. Г. Розина, Н. Кипарисова, 1936, 1938); *3—4* — раскоп 3 и 4 (А. Н. Бернштам, 1936—1938); *4а* — раскоп а (Г. И. Пацевич, 1940); *5* — раскоп 5 (М. С. Мерщиев, 1962); *6* — раскоп 6 (Е. И. Агеева, 1961—1962); *7* — цитадель (раскоп 1, Т. Н. Сенигова, 1963); *8* — шахристан (раскоп 1, Т. Н. Сенигова, 1961); *9* — рабад III, караван-сарай (раскоп 3, Т. Н. Сенигова, 1962); *10* — рабад III, церковь (раскоп 4, Т. Н. Сенигова, 1962); *11* — рабад III, дом феодала (раскоп II, Т. Н. Сенигова, 1962); *12* — мавзолей Давуд-бека, XIII в.; *13* — мавзолей Кара-хана, XI в.; *14* — жилой комплекс горожан (раскоп I, Т. Н. Сенигова, 1962).

Города, крепости и сельские поселения, окружавшие Тараз с северо-запада и юго-востока, составляли низовую административную единицу, так называемую сельскую округу [7]. Исторически тяготевшая к соседнему Исфиджабскому округу, она вместе с ним образовала самостоятельный удел в Караханидском государстве в начале XI в.

Поскольку накопленный за последние годы материал позволяет более полно осветить культуру самого центра округи — средневекового Тараза и двух городов северо-западной округи, материал юго-восточной округи будет привлечен в сравнительно минимальном количестве, в основном для общих выводов.

Современное состояние развалин Тараза. В настоящее время древ-

[7] И. П. Петрушевский. К истории сельского поселения и сельской общины в Иране в XIII—XV вв. «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XVI, М. — Л., 1958, стр. 31.

ний Тараз полностью исчез под строениями г. Джамбула. Возвышавшаяся когда-то на 8,5—10 *м* над городом территория цитадели сейчас заасфальтирована. На месте юго-восточной части шахристана, некогда расчлененной буграми древних построек, возведены дома и пролегают две улицы: Атабека и Акмолинская. Центральная часть шахристана застроена ларьками и магазинами. В западной части цитадели расположены крытые ряды базара. Лишь по восточному склону холма — бывшей стене шахристана, которая проходит вдоль улицы Промышленной, все еще в срезе прослеживаются многометровые толщи культурного слоя, зольные прослойки и обрывки сырцовых стен. На территории западного рабада, еще в XIX в. занятой мусульманским кладбищем, было все изрыто. Однако именно здесь среди многочисленных бугров и холмов, нарушенных погребениями с подбоями и глубокими ямами, нам удалось не только проследить границы города и его стены, но и изучить неизвестный ранее комплекс древних построек. Ныне эта территория полностью занята. В северной части возведено капитальное здание, в юго-западной построен областной музей и разбит молодой парк. Восточная часть рабада смыта р. Талас.

Прежний городской некрополь № 1, находившийся в 1 *км* северо-западнее рабада, полностью застроен, другой, сельский некрополь № 2, расположенный в 3 *км* северо-восточнее городища, на горе Тик-Турмас, занят под современное кладбище. Возведенный в X—XI вв. на территории западного рабада мавзолей Кара-хана разрушен, а на его фундаменте в начале XX в. выстроен другой мавзолей. Исчез также в районе мясокомбината мавзолей, остатки которого были отмечены М. Е. Массоном.

На расстоянии от 3 до 40 *км* от города на равнинной местности Таласской долины располагаются остатки древних городов и крепостей. Здесь же можно встретить остатки древних магистральных оросительных каналов и обрывки сложной системы лабиринтов оборонительных валов.

Стратиграфия городища. Изучая последовательную смену культурных напластований такого крупного городского центра, каким являлся в Таласской долине Тараз, мы ставили своей целью не только проследить эволюцию материальной культуры предметов, извлеченных из определенного слоя, но и выявить характерные строительные особенности, присущие определенному хронологическому периоду.

Учитывая, что раскопки, проведенные в 1936—1938 гг. на небольшой площади шахристана и цитадели (раскоп I—16 *кв. м*, раскоп II—24 *кв. м* и раскоп III—60 *кв. м*) [8], дали сильно перемешанные

[8] См.: Труды САЭ, стр. 103, 104.

слои с поливной керамикой из вышележащих ям, мы сочли необходимым изучить более обширную площадь, чтобы уточнить жилую планировку в нижних слоях города и выявить стерильные слои с материалом, соответствующим данному слою, т. е. слои, не содержащие поливной керамики, синхронные выявленным М. С. Мерщиевым в юго-западной части цитадели [9].

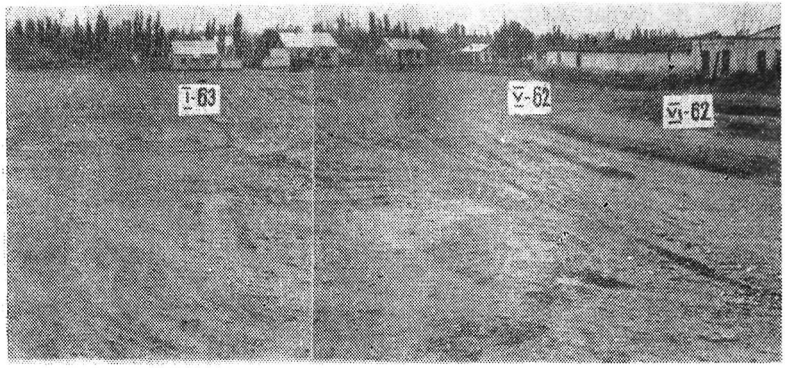

Рис. 2. Территория цитадели и шахристана Тараза, выровненная в результате строительных работ, с заложенными на ней раскопами: раскоп I (1963) и V (1962) в юго-восточной части цитадели, раскоп VI (1962) в центре шахристана.

С этой целью в самой цитадели, а также в разных частях шахристана, рабада и на близлежащих к Таразу городах были произведены стратиграфические раскопы (рис. 2).

ЦИТАДЕЛЬ

Стратиграфический раскоп I, заложенный в 1963 г. в юго-восточной части цитадели, имел площадь 480 *кв. м* (60×8). Он был ориентирован длинной стороной с запада на восток и разбит по срезу на полуметровые квадраты — ярусы с нумерацией сверху вниз. Этот раскоп позволил не только получить большой стратиграфический разрез на цитадели, но и проследить характер и процесс застройки центральной части города, а затем выявить планировку самых ранних жилых массивов, стоявших на материковом грунте. Что касается верхних строительных слоев, то они были срезаны бульдозером при подготовке базарной площади к асфальтированию в 1960—1962 гг. Судя

[9] М. С. Мерщиев. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза. Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 40.

по уровню современных зданий, воздвигнутых в районе древней цитадели, на месте заложенного раскопа была снята полутораметровая культурная толща. Чтобы связать его стратиграфию с полученным ранее материалом из соседнего раскопа на цитадели, за основную реперную точку была принята поверхность раскопа V (1963 г.), начинающаяся по указанной причине с III яруса [10]. Следовательно, если в раскопе V не потревоженным первым слоем был слой III яруса, а толщина культурных напластований доходила до 6,5 *м*, то в данном раскопе таким слоем оказался IV ярус.

Привязка к соседнему раскопу обусловливалась еще и тем, что в расположенном к юго-востоку от раскопа V раскопе VI (1962 г.) [11], давшем в отличие от двух первых раскопов значительное количество материалов и позднего средневековья (XVIII—XIX вв.), залегание уровней слоев также по существу совпадало со слоями раскопа V. Это позволило связать данные всех слоев в одно целое, отражавшее общий уровень развития культуры населения, проживавшего в исследуемом памятнике с I по XVIII в.

Итак, в отличие от соседнего раскопа толща культурного слоя в срезе раскопа I достигала всего 4 *м*, ниже шел материковый грунт. Разница в мощности культурного слоя была еще и потому, что в нашем раскопе он покоился на двухметровом лёссовом грунте, в результате чего если первый нижний культурный слой раскопа начинался с XV яруса, то в раскопе I он шел с XI яруса (рис. 3).

Всего в данном раскопе на цитадели выявлено пять строительных периодов. К тому же во время строительных работ на цитадели был собран дополнительный материал, освещающий материальную культуру еще трех периодов жизни города (см. стр. 31, прил. 1).

Сооружения первого строительного периода (XI ярус), состоящие из обрывков стен жилого комплекса, возведены на материке, которым являлся лёсс (XII—XIII ярусы), подстилаемый плотно сцементированным известково-галечным грунтом (XIV ярус). Они соответствовали слоям XV яруса соседнего раскопа V (рис. 4 а).

Особенно отчетливо в срезе прослеживается участок стены какого-то помещения (XI ярус). Высота ее от 10 до 70 *см*, толщина до 1,25 *м*. Сырцовый кирпич (24—26×4,5×5 *см*), из которого воздвигнута стена, из-за плохой сохранности был замерен дважды. Перпендикулярно к этой стене шли две тонкие стенки. Все вместе позволило несколько дополнить данную ранее характеристику нижнего слоя, содержащего в соседнем раскопе V зольные прослойки (50 *см*) и остатки кирпичей (27×9×8; 35×9×8 *см*), и отметить, что в районе цитадели

[10] Там же, стр. 38—39, рис. 1.

[11] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1962 г. Рукописный фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 218, стр. 42.

имеются остатки стен помещения прямоугольной формы (табл. II,*а*)*. Пол помещения был покрыт желтоватым слоем (2—4 *см*) глиняной обмазки. В его южной части располагалось возвышение типа суфы размером 1×2 *м*, высотой 20 *см*, выложенное по краям кирпичом. Около суфы, в углу, находился пристенный открытого типа очаг в виде ямки (диаметр 50 *см*), заполненной древесными углями, золой и костями животных. Зола толстым слоем (40 *см*) нахлестывалась и на пол помещения. Нижний слой датируют отдельные предметы. Это

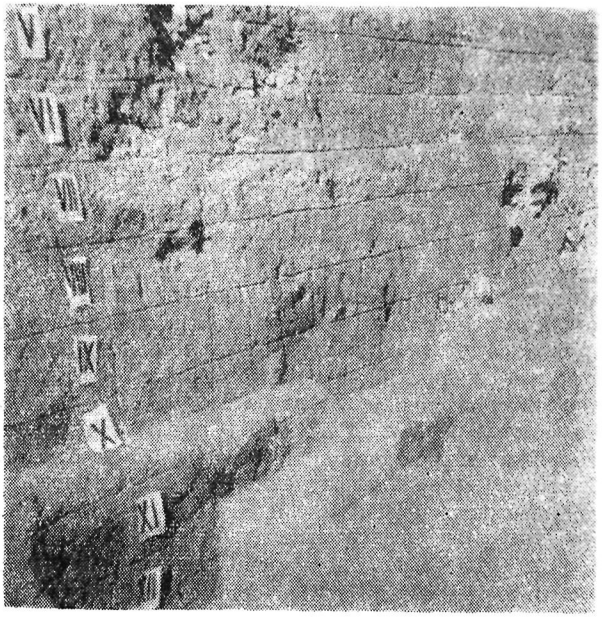

Рис. 3. Слои нижнего строительного периода в районе цитадели.

прежде всего пастовая подвеска-амулет в виде ступни с петелькой для подвешивания на шею (*1*). Изделия в виде кисти руки известны по материалам Северного Причерноморья и Средней Азии. Так, раскопанная в Кей-Кобад-шахе (Таджикистан) подобная подвеска датируется на основании найденных в слое монет Герая II в. до н. э.—I в. н. э. В Киргизии и в сопредельных районах Средней Азии они встречают-

* Далее номера рисунков в таблице будут даны в круглых скобках без упоминания таблицы.

ся в памятниках, относящихся ко II—I вв. до н. э.—II—IV вв. н. э.[12]

Обнаруженный у стены (XI ярус) костяной, сравнительно большой черешковый лавролистной формы наконечник стрелы (длина 13,5 *см*, ширина пера 2 *см*, толщина 1 *см*) аналогичен костяному наконечнику с поселения Актобе (III в. до н. э.—I—III вв. н. э.)[13] и наконечникам из Кенкольского могильника (II—IV вв. н. э.)[14].

Несколько находок в цитадели, в том числе и два невыразительных фрагмента из соседнего раскопа V, синхронные по времени с опубликованной ранее находкой сосуда с налепом на ручке в виде погрудного изображения молодой женщины со спускающимися на плечи волосами и в маленькой шапочке с низкой тульей (*3*), могут быть использованы для датировки слоя. По мнению А. Н. Бернштама, это изображение богини плодородия и домашнего очага Анахит[15]. Г. А. Пугаченкова, ссылаясь на источники, в которых упоминались небольшие идолы, связанные с культом домашнего очага, говорила о божестве плодородия, изображение которого было широко известно в Согде со II в. до н. э. по IV в. н. э.[16] в виде статуэток и налепов на ручках сосудов.

Для определения времени обживания поселения следует напомнить, что как сам прием строительства жилых массивов на естественных возвышенностях (выше построек шахристана на 2 *м*), так и возведение суф, выложенных по краям кирпичом, и сооружение открытого типа очагов характерны для Актобе Чардаринского (I—IV вв.)[17] и Актобе Каратауского (III в. до н. э.—III в. н. э.). С этим временем надо связывать и остатки поселения в районе Тараза. Еще А. Н. Бернштам, проанализировав материал, полученный из раскопанного на цитадели колодца, высказал предположение о наличии здесь (II в. до н. э.)

---

[12] Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Лайляка (юго-западная Киргизия). Фрунзе, 1962, стр. 22, рис. 5; стр. 60; А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, № 66, 1958, стр. 302, рис. 10.

[13] Т. Н. Сенигова. Поселение Актобе. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 78, рис. 19, 23.

[14] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940; С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. LXIV, 1956, стр. 10—13; И. Кожомбердиев. Новые данные о Кенкольском могильнике. КСИИМК, вып. LXXX, 1960, табл. 29.

[15] А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 36.

[16] Г. А. Пугаченкова. Сосуд из Термеза с вакхической сценой. ВДИ, 1951, № 1; В. А. Мешкерис. Терракоты Самаркандского музея. М., 1962, стр. 104, рис. 38, 39.

[17] Б. И. Вайнберг, Л. И. Левина. Поселение Актобе 2. Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1969, стр. 11, 19.

Материал с основных объектов Тараза и его округи

Местонахождение раскопов	№ раскопа	Строительные периоды									
		I (I— IIвв.)	II (III—IVвв.)	III (V—VIIвв.)	IV (VIII— —IXвв.)	V (X—XIвв.)	VI (XI—XIIвв.)	VII (XII— —XIIIвв.)	VIII (XIII— —XIVвв.)	IX (XV— —XVIвв.)	X (XVII— —XVIIIдвв.)
Тараз											
Цитадель	I	+	+	+	+	+	с. н.*	с. н.	с. н.	с. н.	
	V	+	+	+	+	+	+				
Шахристан	I	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	II	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	VI	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Рабад	I					+	+	+	+		
	II					+	+	+	+		
	III					+	+	+	+		
	IV					+	+	+	+		
Некрополи Джикиль				+	+						
Шахристан	I				+						
	II				+	+					
	III			+	+	+					
	IV				+						
Нижний Барсхан											
Цитадель	I			+	+	+					
Шахристан	II			+	+	+	+	+			

* Случайные находки из районов раскопок.

древнего слоя поселения [18], одно из помещений которого, очевидно, и было вскрыто в раскопе I.

Учитывая, что приведенные аналогии материала данного слоя охватывают значительный промежуток времени (II в. до н. э.—IV в. н. э.), а также что в последующем культурном слое в районе шахристана была обнаружена кушанская монета, выпущенная между 172—241 гг., правильнее ограничить хронологические рамки нижнего слоя I—II вв. н. э. Перекрывший этот слой галечник с прослойками речного песка наводит на мысль о том, что причиной гибели поселения было наводнение, вызванное разливом Таласа. Наличие поселения в районе Тараза — не единичный случай. Их было немало в Таразской округе в первых веках нашей эры: у колхоза «Урнек» [19], у горо-

[18] См. Труды САЭ, Алма-Ата, 1949, стр. 66.

[19] Там же, стр. 120.

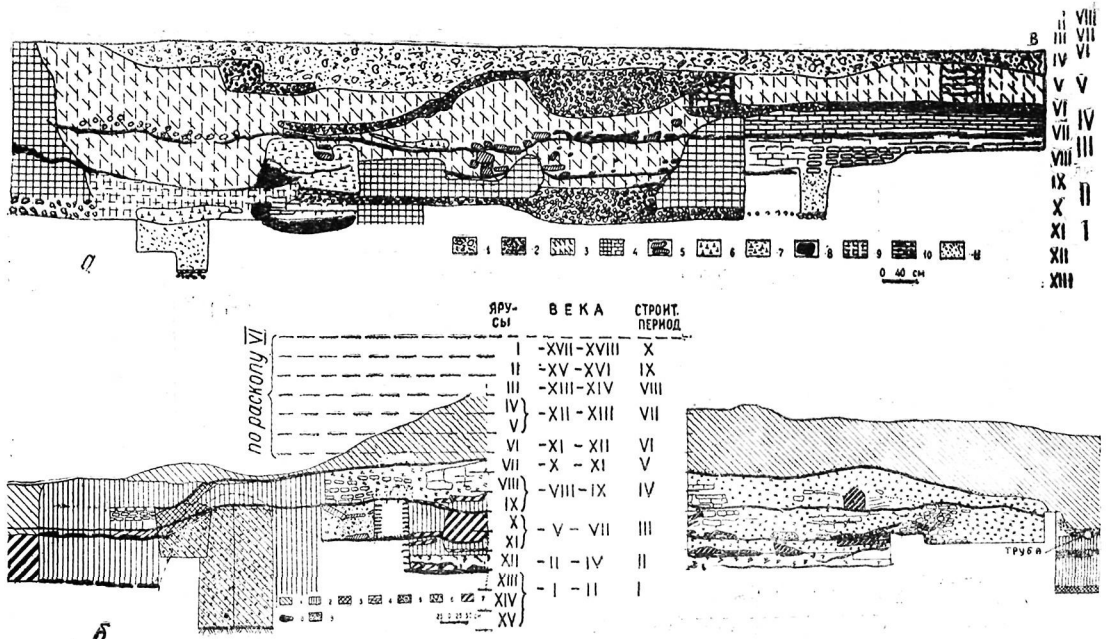

Рис. 4а. Стратиграфический разрез юго-восточной части цитадели (раскоп I, 1963): *1* — современный строительный слой; *2* — слои галечника; *3* — комковатая глина с песком; *4* — кирпичная кладка; *5* — каменная вымостка; *6* — зольные прослойки; *7* — гумусные слои; *8* — зольники и очаги; *9* — разрушенная кирпичная кладка; *10* — культурный слой с вкраплениями извести; *11* — лессовый грунт. 4б. Стратиграфический разрез юго-восточного участка шахристана (раскоп I, 1961): *1* — современный строительный слой; *2* — коричнево-зеленоватый слой; *3* — песчано-глинистые намывы; *4* — кирпичная кладка; *5* — пахсовая стена; *6* — галечно-песчаные намывы; *7* — зольники с прослойками земли и костями животных; *8* — пол с каменными плитами; *9* — материковый грунт.

дища Охум [20], у пос. Тасты, у с. Шаповаловка [21], у пос. Королевка [22], у городища Тик-Турмас [23]. Что же касается планировки прямоугольного типа жилых помещений, выявленных в исследуемом нами поселении, то и она находит аналогии в поселении Актобе на Каратау [24].

Второй строительный период (X—IX ярусы), как и в раскопе V, отделен от первого прослойкой гальки толщиной 40—80 *см* (рис. 4 а). Выше (VIII ярус) над слоем гальки расположен плотно утрамбованный глинисто-песчаный массив с включениями зольников и плоских каменных плит. В западной части раскопа выявилась стена длиной около 3 *м*, сложенная из желтого сырцового кирпича (50—55×28×8—10 *см*). Направление ее с севера на юг. Сохранившаяся высота стены местами достигала 80 *см*, толщина — 11 *м*. Вырытый у ее основания шурф свидетельствовал о том, что стена была возведена на плотно утрамбованном галечном слое. Примерно на этом же уровне обнаружены еще две параллельно идущие к ней стены толщиной около 2 *м*, из сырцового кирпича того же размера. Основанием их служил тот же галечный слой. Одна из стен сильно разрушена. В слое обнаружены кости мелких домашних животных.

Судя по значительной толщине стены (11 *м*), она была внешней стеной поселения, а две другие — внутренними, скорее всего, стенами помещений.

Так как прямоугольный кирпич (50×30 *см* и близких к нему размеров) встречается также в памятниках низовьев Сыр-Дарьи и Ташкентского оазиса с IV в. до н. э. по VIII в. н. э.[25], то только по нему трудно датировать слой. В других районах Средней Азии исследователи, зафиксировавшие кирпич такого формата, датировали слои III—V вв.[26] Из подобного кирпича возведено и Актобе 2 (I—IV вв.) [27] и сооружения Актобе 1 (нижние слои, IV—VI вв.) [28].

---

[20] Там же, стр. 110.

[21] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 14.

[22] М. С. Мерщиев. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I—IV веков и захоронение на нем воина IV—V века. Сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 79, 83.

[23] Л. И. Рempель. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, стр. 76.

[24] Т. Н. Сенигова. Поселение Актобе. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 57, 83.

[25] В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. «Архитектурное наследство», 1953, вып. 3, стр. 8—9.

[26] Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Труды ИИАЭ АН ТаджССР, т. XXXV, 1955, стр. 183.

[27] Б. И. Вайнберг, Л. И. Левина. Поселение Актобе 2. Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 34.

[28] М. С. Мерщиев. Городище Актобе 1 (IV — нач. XIII в.). Там же, стр. 123.

Основным датирующим материалом явились изделия из глины. Это прежде всего чаши, светильник, терракота, ручки кувшинов.

Чаши изготовлены из плотного красного теста, на ручном гончарном круге. По форме условно их можно разделить на два типа: чаши с прямыми стенками и сильным подкосом при переходе ко дну (верхняя часть утрачена) (табл. II,*1*) и чаши с одним-двумя изгибами вверху или на половине сосуда (*2*), иногда с ангобным покрытием.

Чаши первого типа имеют плоские донца, а вторые — слегка закругленные. Они покрыты беловато-розовым ангобом. Подобные чаши встречаются в Актобе 2 Чардаринском [29], в нижнем слое Каунчи [30] и в других районах Средней Азии в комплексах II—IV вв.[31]

К изделиям из глины относится и подцилиндрический красный стержень с раструбом высотой 12 *см* и суживающейся верхней частью (*3*). Наличие сквозного отверстия в нем свидетельствует о том, что он использовался как подставка под светильник. Массивная цилиндрическая подставка под светильник найдена также в погребении I—II вв. в районе Ташкента [32]. Аналогичные по форме подставки известны и в Таджикистане в слоях I—IV вв [33].

Светильник представлен фрагментами (*4*). Чашеобразный резервуар его покоился на массивной цилиндрической ножке, основанием которой служил круглый диск. Он сделан вручную из глины с большой примесью дресвы. Неполный обжиг привел к тому, что поверхность светильника приобрела серовато-черный цвет. Светильник обнаружен в материалах II—IV вв. в Кзыл-кыре [34].

К изделиям из глины, также явившимся датирующим материалом слоя, относится и терракотовая фигурка лошадки (ярус VIII, квадрат 42) высотой 7 *см*, длиной 6 *см* (*8*). У нее четко выделена голова (уши отбиты), углублены глаза и полости носа. Хвост выполнен также полосами, имитирующими конский волос. Аналогии этой фигурки имеются в первом слое Тали-Барзу (II—III вв.) [35].

---

[29] Б. И. Вайнберг, Л. И. Левина. Указ. работа, рис. 21, *3, 4*.

[30] Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, вып. 1, стр. 63.

[31] С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 134, рис. 20, *2, 3*.

[32] М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле станции Вревская. Труды Музея истории Узбекистана, I, 1951, Ташкент, стр. 49, рис. 2.

[33] Нам любезно сообщила об этом научный сотрудник Эрмитажа Т. И. Зеймаль.

[34] В. А. Нильсен. Кзыл-кыр (Результаты раскопок 1955 г.). «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 71, рис. 5.

[35] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу (Краткий очерк). Труды отдела Востока Эрмитажа, т. II, Л., 1940, табл. 1, рис. 4; Б. Я. Ставиский. О датировке ранних слоев Тали-Барзу. СА, 1967, № 2, стр. 27.

КАНГЮЙСКО - УСУНЬСКИЙ		ТЮРКСКО - КАРЛУКСКИЙ		КАРАХАНИДО - КИЛЧАКСКИЙ		КИЛЧАКО - КАЗАХСКИЙ, ПЕРИОДЫ			
I - II ВВ	III - IV ВВ.	V - VII ВВ.	VIII - IX ВВ.	X - XI ВВ.	XI - XII ВВ.	XII-XIII ВВ.	XIII - XIV ВВ.	XV - XVI ВВ	XVII - XVIII ВВ.
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ

ЦИТАДЕЛЬ

ШАХРИСТАН

Таблица II. Материалы из стратиграфических раскопов Тираза.

Самую значительную коллекцию слоя составили фрагменты боковин кувшинов, сделанных из красного плотного теста со следами беловатого ангоба и потеками. По имеющимся фрагментам установить их форму не удалось. Однако ручки кувшинов с изображением позволяют не только использовать их для датировки слоя, но и высказать некоторые соображения по вопросам идеологии местного населения.

Эти округлые и несколько уплощенные ручки преимущественно в верхней части оформлены налепами в виде уплощенных шариков и расчлененного насечками валика (*10—12*). Иногда сама ручка выполнена в форме туловища животного, от головы которого оставлено лишь рельефное изображение рогов (*13*).

Изображения отдельных частей животных встречаются не только на ручках, но и на краях и боковинах некоторых фрагментов сосудов, собранных ранее в этом районе. Наиболее примечательно из них изображение бычка с загнутыми вверх рогами и четко моделированной головой (*14*), а также какого-то антропоморфного существа (*15*) [36].

Особенно большое распространение подобные изображения получили в памятниках оседлой культуры, близкой к Ташкенту, на поселениях Южного Казахстана (I—IV вв.)[37] и Чардары (I—IV вв.) [38], а также в Шаушукумском курганном комплексе (III—V вв.) [39]. Зафиксированы эти ручки и в могильниках Узбекистана [40], в ташкентских [41] и поволжских курганах.

Зооморфные ручки [42] и очажная подставка [43], украшенная головами баранов, обнаружена и в слое Тали-Барзу I, датированном концом II — началом III в.[44]

---

[36] Коллекция Джамбулского областного музея.

[37] Н. П. Подушкин. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховьев реки Арысь (I—IV вв.). Сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 101, табл. II, рис. 1, 8.

[38] Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Поселение Актобе 2. Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, табл. XIV, рис. 4.

[39] А. Г. Максимова. Курганные могильники. Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, табл. XIV, рис. 4.

[40] В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширинсая в Узбекистане. СА, 1952, XVI, стр. 346, рис. 15, *2*.

[41] Н. И. Крашенинникова. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса. Труды Ташкентского государственного университета. Новая серия, вып. 295. Археология Средней Азии. VII. Ташкент, 1966, стр. 29, рис. 3, *3*.

[42] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. Труды ОВЭ, т. II, М. — Л., 1940, стр. 88, рис. 3.

[43] А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиабе. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 140; его же. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 69.

[44] Б. Я. Ставиский. О датировке ранних слоев Тали-Барзу. СА, 1967, № 2, стр. 25.

Интересную мысль об изображениях на ручках высказал Б. А. Литвинский [45]. Он связал их с верованиями местных племен — кангюйцев (II—III вв.).

Находки в шахристане, о которых еще пойдет речь, позволят нам познакомиться и с самым известным в среднеазиатской иконографии [46] богом войны Фарро и конем-драконом.

К выявленным в слое (ярус VIII, кв. 43) изделиям из кости следует отнести заостренный стержень, длина 19 *см*, диаметр 1,5 *см* (*9*), которым, возможно, прочерчивали узоры на посуде.

В слое обнаружен фрагмент алебастрового столика с ножкой (*5*) и пряслица. Два из них глиняные плоские, дисковидные, диаметром 3 и 4 *см* (*6*); два других белые каменные, с хорошо отполированными поверхностями (*7*). Найдена также крупная овальной формы зернотерка (*17*) и дисковидная краскотерка. Приведенные аналогии чашам, подставкам светильников, скульптуре — лошадке и ручкам кувшинов, отмеченные в основном в комплексах не позднее III—IV вв., позволяют датировать второй строительный период исследованного памятника II—IV вв.

Третий строительный период (VIII—VI ярусы) соответствует по уровню залегания XIV—XII ярусам соседнего раскопа V [47]. Он отделен от второго глинобитной прослойкой пола, особенно четко прослеживаемого в западной части раскопа (рис. 4).

Стены, возведенные в предшествующий период, используются теперь в качестве фундамента и надстраиваются сырцовым того же формата кирпичом. Плотное глинистое покрытие пола (3—4 *см*) заходит на стены. На полу сохранились остатки зольников, костей животных, фрагменты разбитой на мелкие куски глиняной утвари.

Примерно такая же картина выявлена и в соседнем раскопе. Сопоставив план цитадели В. Каллаура с выявленным участком, можно предположить, что он являлся частью восточной стены цитадели. В таком случае стены западной части разреза, расположенные по отношению к стене цитадели на расстоянии примерно 4 и 8 *м* (раскоп I), и стены помещений юго-западной части цитадели (раскопа V) толщиной 1,5—2 *м* были стенами внутреннего жилого комплекса цитадели. Следовательно, с этим слоем следует связывать возникновение цитадели и превращение укрепленного поселения в раннесредневековый го-

---

[45] Б. А. Литвинский. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. СА, 1967, № 2, стр. 33.

[46] Б. А. Литвинский. Кангюйско-сарматский фарн (К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968, стр. 91.

[47] М. С. Мерщиев. Городище Актобе 1 (IV—нач. XIII в.). Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 40.

род Тараз, что подтверждается уже приводимыми данными письменных источников.

Единственным датирующим материалом этого слоя является керамика. Количество ее по сравнению с керамикой раскопа V невелико. Это фрагменты от сосудов кухонного и столового назначения, а также от светильников, курильниц и подставок под очаги.

Фрагменты от кухонных сосудов, подставок сделаны ручной лепкой, остальные — на гончарном круге.

Обломки кухонных сосудов — из серого и черного теста с крупнозернистыми примесями, шероховатые. Обломки же столовых сосудов, судя по толщине стенок,— из плотного красного теста с мелкозернистыми примесями.

Фрагменты кухонной посуды представлены венчиками от горшков с цилиндрической горловиной, заканчивающейся прямой или овальной в сечении закраиной. На одном фрагменте место перехода горловины в корпус сосуда орнаментировано пояском из каплевидных вдавлений, нанесенных острым стеком. Фрагмент другого венчика имел налеп в виде жгутика, украшенного защипами. Близкие по форме венчики известны в нижнем слое Шаушукумтобе (III—V вв.) [48].

К столовым сосудам принадлежат горловины кувшинов с оттянутым носиком.

Наиболее важными для датировки слоя оказались курильницы и подставки под очаги. Фрагменты оснований массивных курильниц высотой 12—16 *см* имели конусообразное основание (в одном случае с прорезями), на котором покоились остатки полушаровидной чаши (*3*).

По своей форме они подобны курильницам из Хайрабад-тепе (V—VI вв.) [49] и подставкам-курильницам из Кашка-Дарьи (V в.) [50].

Подставка под очаги (высота 13 *см*) напоминала зооморфное существо с отбитой головой (*4*). Сбоку имелась петлеобразная ручка. Похожие подставки встречены в Семиречье в слоях V—VIII вв.[51].

Исходя из аналогий найденным в данном слое подставкам и курильницам и сравнения сосудов, обнаруженных на этом же уровне в соседнем раскопе V на цитадели (широкогорлых кувшинов с цилиндрической горловиной, кувшинов с оттянутым носиком, близких к

---

[48] Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукумтобе и ее датировка. Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 95, табл. II.

[49] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, стр. 75, рис. 52.

[50] С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарья. СА, 1958, III, стр. 149, рис. 7, 14.

[51] А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, 1949, XI, табл., рис. 158.

кувшинам Борижарского могильника (VI—VII вв.) [52], чаш с перегибом стенки (*7—9*), жаровен (*15*), тагар, а также хумов с прямоугольными венчиками (*5*), сосудов с ангобным покрытием (*6*), ступкообразного сосуда (*17*) и песта (*18*), краскотерок) с материалами, известными из памятников близ Ташкента (III—VII вв.), данный слой следует датировать V—VII вв. Эта датировка подтверждается и тем, что в слое не было встречено столь распространенных в последующих слоях Тараза монет тюргешского круга. Что касается рассуждений Е. И. Агеевой о небольших тонкостенных чашах из этого слоя и приведенных ею аналогий с чашами из весьма отдаленных от Семиречья районов Маргианы, Парфии и Хорезма с хронологическим диапазоном от эпохи бронзы и античности до раннего средневековья [53], то они, как отмечено, недостаточно убедительны [54].

Их датировать нужно с учетом всего комплекса предметов слоя, в том числе обломков терракотовых плиток и украшений в виде гроздей винограда. К этому же слою следует отнести и прямоугольной формы оссуарии из таразского некрополя № 1. Подобные оссуарии из Семиречья, Согда и Чача датировали V — началом VII в.[55]

Четвертый строительный период (VII—VI ярусы), соответствующий XI—IX ярусам раскопа V [56], изучен на площади 152,5 *кв. м.* Он отделен от предшествующего слоя в западной части раскопа глинобитной прослойкой пола, в восточной — комковатой глиной с песком — следы разрушения восточной стены цитадели (рис. 4 *а*). В центре раскопа обнаружена площадка, выложенная массивными каменными плитами, полностью перекрывшими строительные конструкции жилого строения нижнего слоя цитадели.

Наиболее четкая планировка, отличная от планировки предшествующих слоев, выявилась в западной части раскопа. По линии разре-

---

[52] Б. Нурмуханбетов. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. Сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 118, табл. III.

[53] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1961 г. Рукописный фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 217, стр. 41.

[54] Б. И. Маршак. Керамика и даты слоев средневековых памятников Средней Азии. СА, 1971, № 2, стр. 205. Кроме того, в указанной работе М. С. Мерщиева чаши, расположенные в нижнем ряду классификационной таблицы материала с цитадели Тараза (стр. 41, рис. 20, *1* и *2*), как и кувшин 18, включены в таблицу по недоразумению художником. Они извлечены не из цитадели, а из XIII—XIV ярусов шахристана соседнего раскопа VI.

[55] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, стр. 29, 31, 35, 110; Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь. МИА, № 37, 1953, стр. 95.

[56] М. С. Мерщиев. Городище Актобе 1 (IV — нач. XIII в.). Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 39, рис. 1; стр. 45.

за в квадратах 33—45 перпендикулярно к стене, шедшей из предшествующего слоя, были пристроены две более тонкие стенки из кирпича такого же формата, что и кирпич предшествующего периода. Расположение стен подтверждает, что вскрытые помещения имели прямоугольную форму.

Поскольку строительные конструкции и материал из этого слоя представлены полнее, чем из других раскопов Тараза, и могут быть важным источником для воссоздания полной картины как изменения материальной культуры, так и топографии города в наиболее интенсивный период его развития, когда, по данным Табари, он являлся столицей «царя тюрков» [57] (893 г.), то мы не будем здесь характеризовать планировочные данные цитадели, а дадим подробный анализ в самостоятельной главе.

Данный слой сопровождался костями животных, остатками зольников, обломками и целыми формами керамики.

Восточная стена цитадели по-прежнему выполняла оборонительные функции, как и юго-западная часть, выявленная в раскопе V. Здесь обнаружены два помещения и коридор, стены которых возведены из кирпича (размер 50—60×28—26×8—9 *см*). Основным датирующим материалом слоя являлась также керамика. Но по сравнению с посудой предшествующего слоя ее намного больше и она разнообразнее по форме (табл. II).

Если в предшествующих слоях основными формами посуды были чаши и широкогорлые кувшины, то в данном слое их найдено два-три. На смену «коленчатости» чаш пришла «приземистость» (*1*). Они становятся более толстостенными с выпрямленным или слегка отогнутым венчиком, по которому иногда проходит ряд каннелюр. Несколько видоизменяются и кувшины. Их ручка крепится верхним концом к горловине не на середине ее высоты, как у кувшинов предшествующего слоя, а у самого венчика (*5*). Появились и новые формы кувшинов с цилиндрической высокой горловиной и носиком-рожком у венчика с богато орнаментированным корпусом (*10*) и кувшины с приземистым также цилиндрическим горлом и носиком-рожком, отходящим от корпуса, расширяющимся и сплюснутым вверху сливом (*9*), кувшины с отверстием-сливом, проходящим по ручке (*11*). Обнаружены ступки с массивными поддонами с валиками или без них и конусообразным корпусом, иногда со слегка загнутыми внутрь краями (*12*), а также производные от ступок формы с петлеобразной ручкой у края и орнаментом по корпусу и поддону (*15*).

Найдены чайникообразные сосуды с широким цилиндрическим носиком (*22*), приземистые горшки с двумя ручками и орнаментиро-

[57] В. В. Бартольд. Соч., т. III, М., 1965, стр. 495.

ванным корпусом (*16*). Тагары с различной профилировкой и орнаментом края венчика (*19*), кружки со сферическим корпусом, невысокой цилиндрической горловиной и петлеобразной ручкой в верхней части или у места сочленения корпуса с горловиной. и кружки с цилиндрическим корпусом и выступом у ручки (*14*).

Если во втором слое бытовали светильники на цилиндрической ножке (*6*), то в этом появились и новые формы, чашеобразный резервуар которых лежал на трех ножках высотой 12 *см* (*2*), тут же встречены достарханы двух типов, плоские диски одних покоились на трех ножках (*3*), других — на полых конических подставках (*18*). Интересен орнамент столика, штамп — львы (*21*) и виноград. Здесь обнаружены и хумы (высота 80 *см*) с прямоугольным в сечении венчиком (диаметр 30 *см*) (*7*). Один украшен по венчику защипами, а в верхней части тулова орнаментом в виде четырех симметрично расположенных медальонов из горошин, внутри которых находятся пятилепестковые пальметки и крылатые горные козлы. Это позволяет связать с данным слоем и орнаментированные хумы некрополя № 1.

Из кухонных сосудов найдены обломки горшков с насечкой по венчику (*26*), сферических и плоскодонных котлов со скобообразными ручками (*24, 25*), сковородок с невысокими бортиками (*20*) и крышек от котлов с орнаментированной поверхностью (*17*).

Здесь обнаружены и неизвестные в предшествующих слоях предметы. Это полуовальная терракотовая форма (ярус VII, квадрат 39) с вдавленным растительным орнаментом (*28*), архитектурные украшения в форме дисков с богато орнаментированной поверхностью и балясины, которые использовали как отделочный материал.

В данный период видоизменились и орудия производства, в слое отсутствовали зернотерки, но появились жернова.

Довольно разнообразный материал слоя также находит аналогии в близлежащих районах Семиречья и Ташкентского оазиса. Так, кувшины с рожком, поднимающимся вверх от плечика и заканчивающимся сдавленным с боков раструбом, широко известны в Ак-Бешиме [58], Семиречье [59], Шахристане [60] (VII—IX вв.), в ряде городищ Ташкентского оазиса (VII—VIII вв.) [61]. Котлы, кувшины с цилиндрическим

[58] В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. (По материалам раскопок на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг.). Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960, стр. 149, рис. 3, *3*.

[59] А. Н. Бернштам. «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, табл. LXIV, рис. 7.

[60] Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый шахристан. Душанбе, 1966, табл. XIV, рис. 22.

[61] Ю. Буряков. Городище Минг-Урюк в Ташкенте. Труды САГУ, вып. 81. Ташкент, 1956, стр. 126, рис. 5; А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента. Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР. Ташкент, 1948, стр. 113—114.

горлом, чайникообразные, ступкообразные сосуды, богато орнаментированные достарханы, крышки, хумы, облицовочные архитектурные украшения были распространены в Семиречье в карлукский период (VIII—X вв.) [62].

Наличие в слое монет тюргешского круга (*23, 29*) позволяет датировать слой VIII — началом IX в.

Пятый строительный период (V ярус) соответствует IX—VIII ярусам раскопа V. Он отделен от четвертого различными по толщине (от 30 *см* до 3,5 *м*) линзами галечных прослоек (рис. 4*а*). Промежутки между ними заполнены глинисто-песчаным слоем с вкраплениями угольков и мелкого гравия. В результате расчистки галечных слоев на площади раскопа были выявлены две параллельные стены, воздвигнутые из каменных плит (60×30×20 *см*) и идущие с севера на юг на расстоянии 6 *м* друг от друга. Толщина стен 1,20 *м*, высота сохранившейся кладки около 60 *см*.

В юго-западной части цитадели (раскоп V) [63] выявлены остатки здания, сложенного из прямоугольного кирпича того же размера, что и в предшествующий период — 50×25×10 *см*. Основная стена (ширина 4 *м*), прослеженная в длину на 16 *м*, уходила под невскрытую культурную толщу, что говорило о значительных размерах здания. Одно из трех примыкавших к ней помещений прямоугольное в плане (3,25×1,75 *м*).

Существовавшие в быту основные формулы утвари: чаши с каннелюрами по венчику, кувшины с высокой цилиндрической горловиной и носиком (табл. II, *11, 12*) и широкогорлые с ангобным покрытием, сферические котлы с разнообразными ручками (*22*), плоскодонные котлы (*13*), ступкообразные сосуды (*19*), столики на поддонах (*а*), светильники на трех ножках (*15*), уплощенные крышки с защипами у краев и вихревым орнаментом (*18*) свидетельствуют о преемственности и генетической связи их с материальной культурой предшествующего периода.

Но вместе с тем именно в этот период намечаются различия в технике изготовления сосудов, их раскраске, отражающие дальнейший рост материальной и духовной культуры общества, что связано как с развитием гончарного ремесла, так и с проникновением ислама в хозяйственную и духовную жизнь населения. На смену старым формам светильников пришли новые, разноцветные, покрытые поливой, с длинным носиком, петлеобразной ручкой с пятой, граненым (*3*) или округлым (*2*) резервуаром. Появилась и новая форма чаш с кониче-

---

[62] А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, 1949, XI, табл., рис. 177, 192.

[63] М. С. Мерщиев. Городище Актобе 1, стр. 48.

ским (*1,4*) или полусферическим корпусом или небольшим прогибом стенки внутрь корпуса и плоским кольцевым поддоном (*7*), иногда с выемкой у края поддона, тарелок с одним или двумя переломами у стенки (*5, 6, 14*), а также цилиндрических кубков с ручкой (*16*). После нанесения ангоба и орнамента желтой, зеленой и коричневой краской изделия покрывались бесцветной поливой. Преобладал графический орнамент и растительный в виде вихревой розетки, восьмилепесткового цветка с сердцевидным прорезом, в который была вписана пятилепестковая пальметка (*7*). Борт чаши украшала эпиграфика. Из других предметов в слое обнаружены фрагменты сфероконусов (*9*), труб от водопровода (*23*), стеклянных изделий (*10*), в соседнем раскопе V найдено несколько медных монет (X — начала XI в.) и крица.

Основная масса выявленных здесь поливных изделий характерна для многих городов Средней Азии X—XI вв.[64], поэтому поиски аналогий не нужны. Наличие же большого количества основных форм неполивных изделий опять-таки свидетельствует о сохранении локальных черт материальной культуры, отмеченных для этого времени более ранними материалами из Тараза [65].

Слои шестого строительного периода (IV ярус) были нарушены и потому потеряли значение для стратиграфии. Но найденный здесь керамический материал весьма интересен. Поскольку его специально не собирали, то он оказался представлен фрагментами и целыми сосудами одной только формы — чашами. Они полусферические, стенки их сначала полого отходят от плоского поддона, а затем круто заканчиваются прямым венчиком (табл. II, *9*). Есть чаши с прогибом венчика внутрь и более прямыми стенками (*4*). Как и чаши раннего периода, они с обоих сторон покрыты белым ангобом, по которому с внутренней стороны желтой и коричневой красками нанесен богатый орнамент, а сверху бесцветная полива.

Поскольку чаши отличаются друг от друга только орнаментом, отметим наиболее характерные из них. Две чаши — с белым фоном и неизвестным ранее пропеллеровидным орнаментом. Этот узор выполнен темно-коричневой краской, узкие мазки которой, симметрично отходя от центрального пятна на дне чаши, переходят на ее бортах в широкие лопасти. Иногда промежутки заполнены многолепестковыми розетками с красными точками (*1*). В одном случае двухлопастной орнамент дополнен мотивом «распахнутых крыльев» (*2*). Еще две чаши с орнаментом, центральной композицией которого было симво-

---

[64] Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в. Ташкент, 1967, рис. 6а, 15, 22.

[65] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1961 г. Рукописный фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 217, стр. 35.

лическое изображение благопожелания (узел счастья). В одном случае от него на борта чаши отходил пятилопастной узор (*6*) с пальметкой внутри (данный узор известен в предшествующих периодах), в другом композиция состояла из каймы полос, оконтуренных точками по краю чаши (*7*). Имеются фрагменты с эпиграфическим узором на бортах чаши, помещенным внутри овального медальона (*4*). Посуда с эпиграфическим узором, пропеллеровидным орнаментом и «узлом счастья» характерна для XI — начала XII в.[66], поэтому мы можем говорить о жизни в этом районе города в данный период.

Слои седьмого строительного периода, соответствующие III ярусу, также были уничтожены. Лишь собранный керамический материал дает возможность проанализировать материальную культуру этого периода. Представленные фрагменты боковин чаш и днищ массивны. Они покрыты мутновато-зеленоватого цвета поливой, под которой просматривается гравированный орнамент, состоящий из растительных завитков, волн и переплетающихся линий (*1—6*), иногда борта и донная часть украшены дополнительно. В одном случае на дне чаши были концентрические круги (*1*), от которых отходили три пальметки (мотив широко распространенный в предшествующее время), в другом — по борту чаши между двумя параллельными линиями располагался растительный побег (*2*). Данный узор характерен для этого времени[67]. Он известен в Самарканде в XII — начале XIII в. Этим временем следует датировать и наш материал.

Слои восьмого строительного периода, соответствующие II ярусу, не сохранились, но собранный материал позволяет говорить о продолжении жизни в данном районе в последующий период. В отличие от предшествующего времени теперь орнамент наносится на черепок не по ангобному покрытию, а по белой подгрунтовке. Изменились и цвета красок, стали отдавать предпочтение синим, черным и бирюзовым тонам, но по-прежнему сохраняется подглазурная гравировка (*1, 2*). Характерной особенностью орнамента является его большой размер, а также некоторая небрежность в его исполнении (*24*). Появилась и рельефная орнаментация (*3*). Из посуды найдены донца чаш с шишечкой у дна и венчики кувшинчиков. Подобной формы и орнаментации посуда встречена на северных склонах Каратау в слоях XIII—XV вв.[68] и в юго-восточном районе Таласской долины в слоях XIII—XIV вв.[69] К этому же времени относится и рассмотренная керамика.

---

[66] Ш. С. Ташходжаев. Указ. работа, рис. 11, 23, 30, 31.

[67] Там же, стр. 134, рис. 35; стр. 136, рис. 37.

[68] Е. И. Агеева. Общий обзор находок. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 205, рис. 63.

[69] П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 200, табл. IX.

Из-за незначительного количества собранного материала, не позволившего судить о формах сосудов, подробное обоснование датировки керамики и характеристика основных типов посуды будут даны в главе IV.

Наличие строительных конструкций, сопровождавшихся комплексом керамики и монет X—XII вв., а также керамики XIII—XIV вв., свидетельствует о том, что и в это время жизнь в районе цитадели развивалась быстрыми темпами. Однако использование прежних стен цитадели как фундамента для более крупных сооружений из кирпича-сырца говорит о том, что в данный период она утратила свои функции крепости правителя.

Таким образом, всего в цитадели выявлено пять строительных периодов с I по XI в. и получен материал, отражающий дальнейшее развитие в этом районе города с XII по XIV в.

В I и II периодах обнаружены остатки жилых строений поселения I—IV вв.

В III периоде стены поселения используются в качестве фундамента-платформы для возведения цитадели и жилых строений внутри цитадели (V—VII вв.).

В IV период внутри цитадели площадь между оборонительными стенами и жилыми строениями выкладывается камнем и превращается во внутренний двор примыкающего к ней жилого массива (VIII—IX вв.).

В V период стены цитадели утратили свои оборонительные функции, на ее развалинах воздвигаются монументальные здания из сырца и каменных блоков (X—XI вв.).

Последующее развитие жизни города наиболее четко прослеживается в раскопах I и VI на шахристане.

ШАХРИСТАН

Стратиграфический раскоп I был заложен в юго-восточной части шахристана. Он явился продолжением начатых нами исследований в этом районе в 1958 г. Еще экспедиция 1936—1938 гг. и Джамбулский археологический пункт в 1940 г. собрали значительный материал, характеризующий в основном жизнь в шахристане в средневековый период (XI—XV вв.). Слои более раннего времени были выявлены лишь в северо-восточной части шахристана, но они не могли дать полной картины обживания города в раннее средневековье (см. прил. 2).

Место раскопа определили рядом с зачисткой вала 9 (1938 г.). В этой части шахристана строительными работами был выбран верхний слой мощностью от 2 до 3,5 *м* и поэтому выявление самых нижних слоев было облегчено.

Общая площадь раскопа, ориентированного с севера на юг, составляла 240 *кв. м*. Раскоп был разбит на квадраты размером 2×2 *м* и ярусы толщиной 50 *см* (рис. 5).

Сооружения первого строительного периода (XV—XIII ярусы), соответствующие XV—XIV ярусам раскопа VI [70], состояли из обрывка стены, возведенной на материке, которым в отличие от лёссово-галечного грунта в цитадели являлся плотно сцементированный пепельно-серого цвета глинистый грунт (рис. 3). В соседнем же раскопе VI [71]

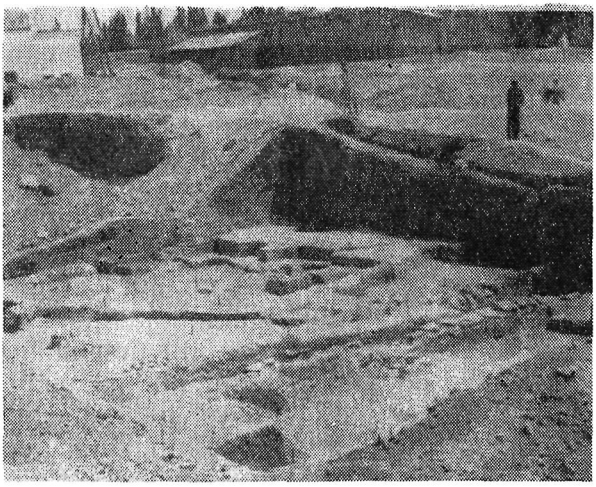

Рис. 5. Общий вид раскопа I (1961) на шахристане.

материковым слоем была галька, на которой находились остатки каменной выкладки [72], напоминающей выкладки на плоских курганах, стен из серого очень рыхлого кирпича, открытых очагов и колодца.

Выявленная в раскопе I стена возведена из пахсы. Ее сохранившаяся высота 3 *м*, толщина у основания 4 *м*.

Так как около стены никаких легких перегородок не было, то, возможно, она являлась стеной, окружавшей поселение, жилая планировка которого нами осталась не выяснена вследствие того, что основная его часть оказалась «похороненной» под современными зданиями.

[70] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1962 г. Рукописный фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 218, стр. 31.

[71] Там же, стр. 35.

[72] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1961 г. Рукописный фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 217, стр. 37, 38, 42.

При зачистке гребня стены в северном направлении (примерно в средней ее части) было обнаружено два, на первый взгляд, загадочных симметричных углубления, прорезавших стену до материка. В плане они представляют собой два сомкнутых углами «квадрата» (90×90 *см*). На противоположных сторонах стен на расстоянии 36—40 *см* также имелись симметрично расположенные углубления (20×20×15 *см*), служившие ступеньками. По всей вероятности, эти углубления в стене были связаны с фортификацией (рис. 6*а*).

Приложение 2

Стратиграфия слоев шахристана Тараза

Слой	Раскоп I (100 *кв. м*, Н. В. Кипарисова, 1938)		Раскоп VI (630 *кв. м*, Е. И. Агеева, 1961—1962)		Раскоп I (240 *кв. м*, Т. Н. Сенигова, 1961)		Строительные периоды
	глубина, *см*	период	ярусы	период	ярусы	период	
I	23—25	XIX в.	I	XIX—XX вв. (сборы керамики)	I	XIX—XX вв; XVII—XVIII вв.	Сборы керамики
II	25—85	XIII—XV вв.	II—III	XV—XVII вв.	II	XV—XVI вв.	IX
			IV	XIV—XV вв.	III—IV	XIII—XIV вв.	VIII
			V	XII—XIII вв.	V	XII—XIII вв.	VII
			VI	XI—XII вв.	VI	XI—XII вв.	VI
III	85—1,45	X—XII вв.	VII	X—XI вв.	VII	X—XI вв.	V
IV	1,45—2,45	VIII—X вв.	VIII	IX—X в.	VIII—IX	VIII—IX вв.	IV
			IX	VIII—IX вв.			
V	2,45—4,55	V—VII вв.	IX--X	VI—VII вв.	X—XI	V—VII вв.	III
			XI—XIII	V—VI вв.			
			XII—XIV	II—IV вв.	XI—XII	II—IV вв.	II
			XV—XIII	Первые века нашей эры	XIII—XV	I—II вв.	I

Учитывая, что пахсовая стена перекрыта мощным слоем зеленосерых гумусных наносов, свидетельствующих о довольно долгом отсутствии здесь жизни, и что ее верхняя часть примерно на высоту 1,5 *м* (XII—X ярусы) использовалась при возведении жилых строений следующих ярусов, в толщах которых найдена монета кушанского типа, можно предположить, что это остатки стены какого-то первоначально воздвигнутого на месте Тараза поселения, синхронного по времени остаткам поселения в цитадели (I—II вв.).

Слой сопровождался различной керамикой. Ее составили мисочки с маленьким донцем и резким перегибом стенок (табл. II, *1*, *2*,), кувшины с удлиненным корпусом, цилиндрической горловиной и канавкой у венчика внутри сосуда и петлеобразной ручкой, закрепленной

ниже венчика и на корпусе (*4*). Есть кувшины с рифленым венчиком (*3*) и подрезанным донцем, хумы с венчиком в виде массивной прямоугольной площадки (*5*), жаровни. Наиболее интересными находками оказались два предмета: горизонтальная в плане ручка от котла (*6*), характерная для усуньского времени [73], и ручка сосуда в виде головки коня-дракона (*7*) [74]. В отличие от ручек кувшинов ее поверхность богато украшена то симметрично расположенными «пуговицами», то приплюснутыми горошинами с насечками, то рельефными квадратиками со срезанными краями и расчлененной сеткой, имитирующей не совсем обычно волосяной покров. Нижним, более толстым концом, ручка, вероятно, крепилась к сосуду. Верхняя ее часть, изображающая головку, выполнена рельефными валиками, подчеркивающими большие миндалевидные глаза, ушные раковины, зрачки; выступающие ушки скульптурки отбиты. Аналогии данному изображению известны на городище Кей-Кобад-шах в материалах II в. до н. э.—I в. н. э.[75], а также имеются в эрмитажных коллекциях из Восточного Туркестана (I—IV вв.) [76], что позволяет связывать его с бытовавшим в местной среде культом Фарро, представленного в образе священного небесного коня-дракона [77].

Быть может, к этому слою следует отнести и случайно найденный серебряный динарий римского императора Веспасиана, чеканенный в 73 г. (*8*). Все вместе позволяет датировать первый строительный период I—II вв.

Второй строительный период (XII—XI ярусы), соответствующий XIV—XIII ярусам раскопа VI, отделен от первого зольно-гумусным слоем толщиной около 1 *м* (рис. 4 *б*). В западной части раскопа слой перекрыт каменной вымосткой. В центре раскопа на этом уровне виднелась верхняя часть пахсовой стены низлежащего слоя, к которой с востока примыкали более тонкие стены, образующие четыре помещения (рис. 6).

Стены сохранились в высоту на 40—50 *см*, они сложены из коричневого сырцового кирпича (45×29×8—10 *см*). Примерно такого же размера кирпич (50×30 *см*) выявлен на Актобе 2 (II—IV вв.) [78]. Штукатурка на стенах не обнаружена.

---

[73] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1961 г., стр. 43; Отчет о раскопках на городище Тараз в 1962 г., стр. 33, 34.

[74] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1961 г., стр. 41.

[75] А. М. Мандельштам и С. Б. Пёвзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, № 66, 1958, стр. 302, рис. 9.

[76] С. С. Сорокин, Н. В. Дьяконова. Хотанские древности. М. — Л., 1960, стр. 37, табл. 12, 13.

[77] Б. А. Литвинский. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, стр. 35.

[78] Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Поселение Актобе 2. Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 17.

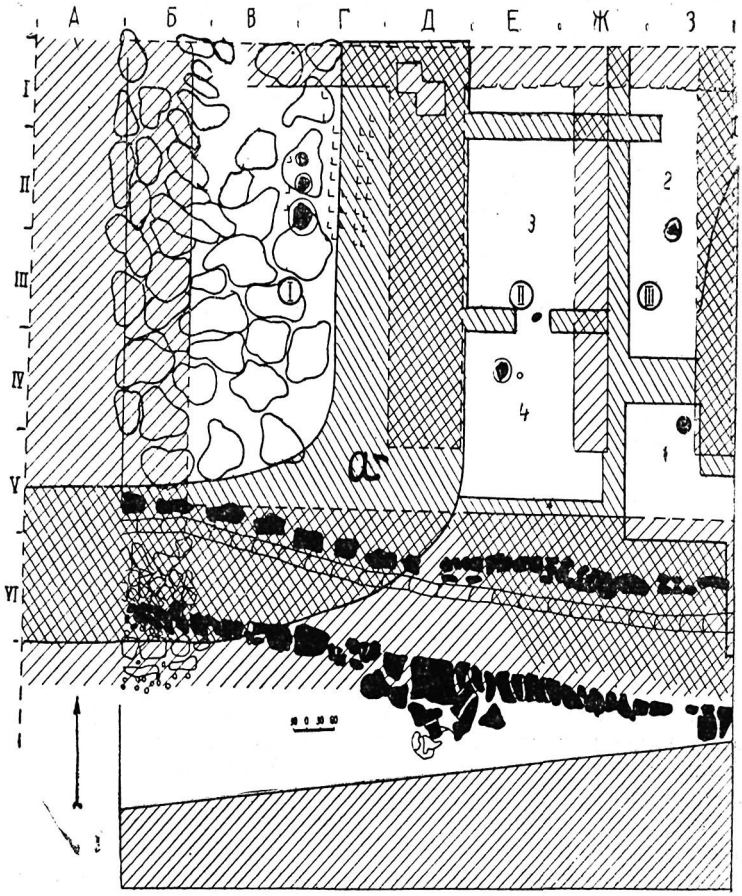

Рис. 6. План жилых помещений юго-восточной части шахристана.

Пол вскрытых в раскопе помещений покрыт слоем глины (4—5 *см*), на котором местами встречались прослойки камыша, по всей вероятности, это остатки перекрытия. Обилие зольных пятен на полу помещений № 1, 2, 3 и в юго-восточной части свидетельствует о том, что данные помещения отапливались очагами открытого типа, подобными очагам нижнего слоя цитадели Тараза и Актобе 2 (I—IV вв.) [79].

[79] Там же, стр. 19, рис. 7.

Особенно много глиняной утвари (характеристика ее будет дана ниже) найдено в юго-восточном углу помещения № 2, там же обнаружена кушанская монета.

Пристроив данный массив к стене нижнего строительного периода, жители, таким образом, использовали в районе шахристана как саму стену (ширина 3 *м*), сохранившуюся тогда до высоты 1,80 *м*, так и внутренний двор предшествующего периода. Они тщательно вымостили двор каменными плитами (160×70; 30×50×4—5 *см*), по-видимому, добытыми в расположенных вблизи Бурульских горах, и затем покрыли его слоем глины (10—15 *см*). Такой пол, смоченный водой в жаркое время, давал больше прохлады, чем каменный.

Примерно такая же стратиграфия зафиксирована и на соседнем участке шахристана (раскоп VI), но смешанная кладка сильно оплывшей стены, сложенной из темно-желтого, серого, черного с серым кирпича, которая стоит на зольно-гумусном слое [80], не позволяет судить о планировке помещений.

Слой сопровождался керамикой, представленной как целыми формами, так и фрагментами посуды кухонного и столового назначения. Это чаши, кувшины, котлы, кухонные горшки. Найдены также светильник и столики.

Чаши были таких же форм, как и в предшествующий период:

а) плоскодонные с пологими стенками (табл. II *1, 2*), б) с маленьким донцем и коленчатым перегибом стенок (*3, 4*). На донце одной проступал тамгообразный знак.

Кувшины представлены как целыми формами, так и разнообразными фрагментами венчиков от кувшинов с невысокой цилиндрической горловиной, сферическим корпусом и ангобным покрытием. Есть кувшины с четко выделенным муфтообразным венчиком (*12*).

Наиболее типичным, получившим в последующее время широкое распространение оказался сферический котел без венчика с симметрично расположенными в верхней части выступами-бугорками, имитирующими заклепки, и двумя подтреугольными ручками с вмятинами и желобками по внешней стороне (*5*). Эти котлы, как и предыдущая форма кувшинов, находят аналогии в оседлых поселениях II—IV вв. и в материалах кочевников юго-восточной части Таласской долины (I—V вв.). Продолжают бытовать и хумы тех же форм, что и в предшествующий период, с двойным венчиком (*а*) прямоугольного сечения.

Кухонные горшки имели округлый корпус, плоское дно и отогнутый наружу венчик, иногда украшенный косыми насечками (*7, 8, 9*). Ближайшей аналогией венчика с насечкой является фрагмент венчи-

[80] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1961 г., стр. 43.

ка, орнаментированного косой насечкой, из кургана на северных склонах Каратау, датированного I—III вв.[81]

К этой же группе следует отнести и фрагмент боковины и дна плоскодонного цилиндрической формы горшка (диаметр 9 *см*, примерная высота 10—12 *см*) (*6*). Подобного типа сосуды отмечены в Караултепе (I—IV вв.)[82] и Актобе на Каратау (III в. до н. э.—III в. н. э.)[83]. Некоторые горшки имели удлиненно-прямоугольные в сечении манжетообразной формы венчики, орнаментированные ямочками (*9*). Такие венчики встречены на горшках из низовьев Сыр-Дарьи (IV—VII вв.)[84].

Обнаружены столики из глины и алебастра (*14*). Они имели плоский, небольшого размера диск, иногда с загнутыми вниз краями, и невысокие три ножки (*16—17*). Оборотная сторона столиков украшена многолепестковой розеткой в круге и вихревой розеткой (*17*). В комплексе есть и венчик от массивной тагары, верхняя площадка которого разделена желобками (*18*). Светильник, представленный фрагментом верхней части, отличается от светильника из второго слоя цитадели тем, что в 2,5 *см* от края чаши имел прямоугольный в сечении бортик. Он был чернолощеным (*10*). Наиболее близкие ему светильники на цилиндрической ножке найдены в той же курганной группе в юго-восточной части Таласской долины (I—IV вв.)[85], в Южном Казахстане[86] (IV—VIII вв.) и Бухарском оазисе (I—IV вв.).[87] Однако ближе всего этот тип светильника, как и столики на ножках, котлы, кухонные горшки и кувшины с муфтообразным венчиком, к таласским формам (I—V вв.)[88], что, несомненно, свидетельствует об общности куль-

---

[81] А. Г. Максимова. Погребальные сооружения скотоводческих племен. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 112, рис. 13, *7*.

[82] Н. П. Подушкин. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. «Известия АН КазССР, серия общественная», 1968, вып. 5, стр. 72, рис. 6.

[83] Т. Н. Сенигова. Поселение Актобе. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 73, рис. 13.

[84] Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников Джеты-Асарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 65, рис. 12.

[85] И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 47, рис. 13, *6*.

[86] М. С. Мерщиев. Поселение Актобе 1. Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, рис. 22, 25.

[87] В. А. Нильсен. Кзыл-кыр (Результаты раскопок 1955 г.). Сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 71, рис. 5.

[88] И. Кожомбердиев. Указ. работа, стр. 36, рис. 2, 9, 10; стр. 47, рис. 13, *2, 6*; Л. Н. Гумилев. Хунну. М., 1960; С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М. — Л., 1962, стр. 32, рис. 24, табл. 7, *5*.

туры оседлого населения исследуемого памятника с кочевниками-усунями Таласской долины и гуннами.

Кроме керамики находками, датирующими слой, являются женский терракотовый торс и боковина сосуда со штампом.

Жест таразской статуэтки, держащей руку у груди, напоминает культовый жест той же матери-богини плодородия и очага (*11*), которая известна нам по раскопкам нижнего слоя цитадели. Но эта статуэтка несколько изящнее и пропорциональнее, что позволяет отнести ее по слою Тали-Барзу [89], содержавшему подобные фигурки, к концу II — началу III в.[90] и связать с тем же культом плодородия и очага.

Для знакомства с идеологией местного населения немалый интерес представляют и отпечатки квадратных штампов [91] на упомянутом сосуде, найденном в слое Тараза (V—VII вв.) [92]. Ранее они были приняты за «знаки письма». Но, судя по аналогичным изображениям на керамических предметах, на которых нарисованы религиозно-мифологические персонажи [93], следует признать, что это воспроизведен родственный кушанской мифологии образ огненного божества Фарро, являвшегося воплощением бога войны. На нем надет короткий развевающийся кафтан воина, его левая рука опущена на пояс, а правой он опирается на трехногий светильник, в котором ярко пылает огонь (*20*). Более четко выполненный на металле образ этого божества с подписью Фарро говорит о проникновении в религиозную идеологию населения Тараза образов из родственных как древнеиранского, так и индо-кушанского верований. Как отмечает Б. А. Литвинский, исходя из материалов Ташкентского оазиса можно предполагать о наличии у кангюйцев и сарматов божества, родственного, но не тождественного согдийскому Фарну и бактрийскому Фарро.

В связи с проникновением в Тараз индо-кушанского религиозного мировоззрения определенный интерес представляет и найденная на полу помещения № 2 шахристана упомянутая массивная медная монета (*19*). На ее одной стороне слегка заметен силуэт воина, стоящего около священного быка Нанди, на другой — царя, сидящего с поджатыми под себя ногами, в высоком головном уборе.

По определению А. А. Быкова и Е. Зеймеля [94], подобного типа

---

[89] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. (Краткий очерк). Труды Отдела Востока Эрмитажа, т. II, Л., 1940, табл. 1, рис. 3.

[90] Б. Я. Ставиский. О датировке ранних слоев Тали-Барзу. СА, 1967, № 2, стр. 27.

[91] См.: фототека архива Государственного Эрмитажа, № 0332.

[92] См.: Труды САЭ. Алма-Ата, 1949, стр. 56.

[93] С. С. Сорокин, Н. В. Дьяконова. Хотанские древности. М. — Л., 1960, табл. 37, рис. 26, *9*.

[94] Пользуясь случаем, автор благодарит за определение.

монеты чеканились при кушанских царях Хувишке (172—217 гг.) и Васудеве (217—241 гг.). Исходя из всего сказанного второй строительный период следует датировать II—IV вв.

Третий строительный период (X—XI ярусы), соответствующий X—XI ярусам соседнего раскопа VI, отделен от второго зольной прослойкой, которая в результате обильных скоплений сажи приобрела местами серовато-черный цвет (рис. 4,*б*).

В западной части раскопа выявлены остатки стены протяженностью 1,5 *м*, возведенной из сырцового кирпича (26×50×8—9 *см*). На расстоянии 2,5 *м* от нее вскрыт другой участок стены высотой 1 *м*, сооруженной из кирпича того же размера. За стеной находилась площадка двора, вымощенная камнем. В восточной части раскопа прослежен мощный зольный слой толщиной до 80 *см*. Некоторые прослойки включали значительное количество органических веществ, отчего в западной части раскоп приобрел зеленоватый цвет.

Примерно такая же картина напластований выявлена и в соседнем раскопе II на шахристане. Несколько отличается раскоп VI, в котором на этом же уровне обнаружены остатки дувала из серовато-зеленой глины. Он сооружен на фундаменте из крупных плит, положенных в один ряд шириной 4 *м*, и сохранился в высоту на 1—1,10 *см*. Длина его с севера-востока на юго-запад 12, 60 *м*, с востока на запад 7,80 *м*. По заключению Е. И. Агеевой, этот дувал опоясывал какую-то усадьбу [95].

Наличие зольных прослоек, гумусных слоев, остатков стен помещений указывает на то, что в рассматриваемый период центральная и юго-восточная части шахристана интенсивно обживались. Это подтверждается и извлеченной из слоя керамикой.

Слой сопровождался теми же формами посуды, что и соответствующий ему третий слой цитадели: хумами с прямоугольным в сечении венчиком, кувшинами с ручкой, верхняя часть которой крепилась у края венчика (табл. II, *6, 8*), фрагментами кухонных горшков. Все подтверждает генетическую связь данной культуры с культурой предшествующего времени. Вместе с тем исчезновение ручек с изображением рогов животных, цилиндрических подставок под светильники и появление новых форм светильников на полых или массивных основаниях (*3а, 10*) с каннелюрами у краев (*3, 4*), краснолощеных кружек с петлеобразными и помещенными у места сочленения корпуса с горловиной ручками и прямыми ручками (*2*), кружек-кубков на трех ножках (*1*) котлов с орнаментацией корпуса (*7*), тагары с двумя ручками (*9*) свидетельствуют о тех значительных изменениях, которые произошли в этот период.

---

[95] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1961 г., стр. 31.

Судя по комплексу находок, аналогичных находкам третьего слоя цитадели, этот слой можно датировать тем же временем (V—VII вв.)[96] и связать с пятым, нижним слоем Тараза, выделенным А. Н. Бернштамом на основе сравнительно еще малого в то время количества материала.

Находки этого слоя по времени сопоставимы с опубликованной золотой монетой Юстиниана 568 г. (*11*), краснолощеной кружкой с сирийскими письменами, скульптурной головкой обезьяны (*12*), шаром с головкой птицы (*13*) и лошадкой с седлом (*14*).

Четвертый строительный период (VIII—IX ярусы), соответствующий IX—X ярусам раскопа VI, местами отделен от предшествующего слоя глинобитной прослойкой пола (рис. 4 *б*), в восточной части раскопа — комковатой глиной и прослойкой культурного слоя с зольниками, в западной — зольно-гумусными зеленоватыми слоями. В центральной части раскопа прослеживается кирпичная кладка.

В соседнем раскопе на этом же уровне выявлены остатки кладки из желтого кирпича, высотой 1 *м*. Кирпичи уложены в перевязку и углубляются в X ярус. В раскопе II в этих же ярусах был выявлен зольно-гумусный слой (40—80 *см*) и часть стены.

Наряду с бытованием форм сосудов предшествующего времени: светильников на цилиндрической ножке (табл. II, *1*), хумов с прямым венчиком (*2*), котлов с треугольными ручками (*3*), тагар (*4*), кухонных горшков с орнаментированным венчиком (*5*) и столиков на ножках — появляются несколько измененные. Так, тонкостенные чаши с перегибом стенки сменяют массивные, приземистые, иногда с каннелюрами у краев (*6—8*), встречаются теперь светильники на трех ножках (*9*), ступообразные сосуды с массивным основанием (*10*), горшки (*11*), жаровни с двумя ручками. Крышки богато орнаментируются (*12*, *16*), значительно увеличивается число кувшинов, сделанных на гончарном круге (*13*).

Но все же преемственность форм посуды данного периода с посудой предшествующих периодов не вызывает сомнений, а следовательно, и генетическая связь культуры данного периода с предшествующей.

Из других находок следует отметить обломок каменного жернова (*14*), изделия из кости (гребешок, рукоять ножа), железный ножичек, бронзовый колокольчик (*15*), тюргешского круга монету с изображением тамги лука на обратной стороне (*17*), две железные черенковые стрелы круглого и квадратного сечения (*18*). В целом материал этих

[96] Б. Нурмуханбетов. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. Сб.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 118, табл. III, рис. 8, 13; В. И. Распопова. Поясной набор Согда. СА, 1965, № 4, стр. 88.

ярусов весьма близок к материалам Чуйской и Таласской долин (VIII—X вв.) и IV строительного периода цитадели Тараза, слои которого также сопровождались монетами тюргешского круга, датированного VIII—IX вв.

Слои пятого (VII яруса) *и шестого* (VI яруса) *строительных периодов* на данном участке раскопа были нарушены и представлены лишь магистральной системой водопроводных гончарных труб. Направление водопровода с востока (со стороны протекавшей у стен шахристана реки) на запад, к жилым строениям, расположенным в юго-восточной части шахристана. Выявленные находки весьма фрагментарны и близки по своим формам к находкам в цитадели (раскопы I и V). Из неполивных изделий обнаружены кувшины с высокой цилиндрической горловиной (табл. II, *1*), крышки (*3, 4*), котлы, слегка уплощенные и плоские с петлеобразными ручками (*2*), сфероконусы (*5*), чираги (особенно много с уступами на ручке) (*10*), из поливных — чаши с полусферическим корпусом и плоским поддоном, покрытые ангобом и поливой желтого, зеленого и коричневого цветов и украшенные орнаментом, чаще всего растительным или в виде вихревой розетки (*9*). Есть фрагменты краев чаш, снаружи отделанных точками и спиралями (*6, 7*), а фрагменты бортов чаш — эпиграфикой (*9*). Основной материал находит аналогии как в керамике близлежащих районов Чуйской и Таласской долин [97] и Ферганы [98], так и в посуде Самарканда (X—XII вв.) [99], Хорезма [100]. Судя по нему, обживание юго-восточной части шахристана происходило в X—XII вв.

Хронология керамики последующих периодов до XV в., связанной в основном со слоями весьма плохой сохранности, была предложена еще А. Н. Бернштамом [101]. Накопленный за 1961—1962 гг. археологический материал позволил Е. И. Агеевой [102] уточнить хронологические рамки каждого из строительных периодов: VII период —

---

[97] А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, 1949, XI, см. табл.; П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 159, табл. V; стр. 193, табл. VIII; М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе I у с. Орловки. Там же, стр. 138, рис. 13; 142, рис. 12.

[98] Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960; стр. 230, рис. 51; стр. 234, рис. 54, 55.

[99] Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в. Ташкент, 1967, рис. 20, 22.

[100] Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1959, рис. 8, 16.

[101] См.: Труды САЭ. Алма-Ата, 1949.

[102] Е. И. Агеева. Отчеты о раскопках на городище Тараз в 1961 г., 1962 г. Рукописный фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 217, 218.

XII — начало XIII в.; VIII период — XIV — начало XV в.; IX период — XV — XVII вв.

Позднее Л. Б. Ерзакович уточнил хронологические рамки двух последних периодов: VIII период — XIII — начало XIV в.; IX период — XV—XVI вв. и на основании уже не связанной со слоями керамики выделил еще один — десятый по данной классификации период — XVII—XVIII вв.[103]

Таким образом, в первый период (I—II вв.) в районе шахристана находилась стена поселения.

Во второй период (II—IV вв.) к верхней части стены с восточной стороны пристраивался жилой комплекс, к западной — хозяйственный двор, пол которого вымощен каменными плитами.

В третий период (V—VII вв.) планировка остается прежней, стены используются в качестве фундамента, а двор вновь выкладывается плитами.

В четвертый период (VIII—IX вв.) возводится производственный комплекс помещений, связанный с выплавкой металла.

В пятый и шестой периоды (X—XII вв.) появляется магистральная водопроводная система.

Итоги стратиграфических раскопов на цитадели и шахристане сводятся к следующему. Всего на городище выявлено девять строительных периодов, характеризующих развитие материальной культуры Тараза с I по XVI в. Кроме того, вычленен материал, не связанный со строительными конструкциями, но вместе с тем характеризующий развитие культуры последующего периода (XVII—XVIII вв.).

Материал каждого строительного периода обнаруживает большое сходство в строительной технике, размерах кирпича, в формах сосудов, осветительных приборов, орудий труда с материалом предшествующего периода, что свидетельствует об автохтонности населения и последовательности развития здесь жизни с I по XVIII в. включительно.

В результате сопоставления стратиграфических слоев в районе цитадели и шахристана (раскопы I, II, V, VI) выявлено, что жилые строения юго-восточной части цитадели располагались на 2 *м* выше строений юго-западной части. Стратиграфический раскоп свидетельствует, что территория в районе цитадели обживалась с I по XIV в. включительно, причем особенно интенсивно в V—VII вв. и VIII—IX вв. Территория в районе шахристана обживалась в течение всей жизни памятника с I по XVIII в. включительно и особенно быстро в те же периоды, что и на цитадели. После X в. стены цитадели и шахристана

[103] Л. Б. Ерзакович. Оседлая культура Южного Казахстана XIII—XVIII вв. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1966.

утратили свои оборонительные функции, жизнь переместилась в рабады № 1, 2, 3.

Но значительная нарушенность культурных слоев на территории рабадов отчасти вследствие разлива блуждающего русла Таласа, полностью разрушившего восточную часть города, отчасти вследствие устройства в XIX в. в западной черте города мусульманского кладбища не позволила получить представление о культурных напластованиях в рабадах. Наиболее четко они прослежены лишь для X—XII вв., поэтому характеристика их последует в главе, соответствующей данному периоду.

Для выяснения генезиса развития топографии Тараза и взаимосвязи ее с топографией городов округи кроме стратиграфических раскопов в центральных частях Тараза были заложены раскопы и в близлежащих городах округи: Нижнем Барсхане, Джикиле и двух сельских поселениях. Поскольку в них было выявлено два наиболее интенсивных периода (VIII—IX и X—XII вв.), то, чтобы избежать повторений и дать более полное описание топографии Тараза и городов его округи, мы сосредоточили эти данные в соответствующих главах: «Тараз в период раннего феодализма (VI—IX вв.)», «Расцвет Тараза в X—XII вв.», «Упадок культуры в Таласской долине (XIII—XVIII вв.)».

Помимо этого, еще обследовались относящиеся в Таразу валы округи, некрополи и надмогильные сооружения — мавзолеи. Первая линия валов огораживала Тараз в радиусе 4—8 *км*, вторая — до 30 *км*. Городской некрополь (№ 1) располагался в 1000 *м* северо-западнее рабада № 4, а сельский — на горе Тик-Турмас. Полученный в разные годы материал (квадратной и овальной формы оссуарии, хумы со штампованным орнаментом в виде львов с луной и солнцем) свидетельствуют о наиболее интенсивном заполнении некрополей с V—VII по X—XII вв.

Обследованные в самом Таразе (рабад № 3) и в юго-западной округе мавзолеи Кара-хана (фундамент и облицовочные плитки), Айша-биби, Бабаджи-хатун и собранные у Айша-биби осыпавшиеся плитки, имевшие более 40 различных узоров и форм кирпичей, позволили связать узоры мавзолея с мотивами, уходящими своими корнями в культуру предшествующего периода, а также с мировоззрением населения, уже подвергнутого влиянию ислама.

ТАРАЗ В ПЕРИОД РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА (VI—IX вв.)

ТОПОГРАФИЯ ТАРАЗА И ГОРОДОВ ЕГО ОКРУГИ

Начавшийся в середине I тысячелетия нашей эры во всей Средней Азии процесс сложения феодальных отношений не мог не повлиять на экономическую жизнь Тараза и городов его округи. Материалы Тараза III строительного периода (V—VII вв.), добытые из цитадели и шахристана, дают основание говорить об экономическом и культурном росте города в рассматриваемый период.

Причиной таких перемен явились в первую очередь изменения социально-экономического строя вследствие усиления процесса феодализации, а затем постепенного перемещения центра экономической жизни из города в деревню [1].

Если в результате изучения топографии средневекового Тараза была выявлена характерная для развитого среднеазиатского города структура (три части) и вокруг него несколько селений и тепе [2], то сама топография Тараза осталась недостаточно исследованной. Из опубликованного плана видно, что Тараз имел только цитадель и шахристан [3] (нет рабада и округи). Между тем топографическая струк-

[1] А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в VI—XII вв. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 21.

[2] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 38—39; См. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Таласская долина». Алма-Ата, 1949, стр. 27.

[3] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. См. карту в приложении.

тура центра Таласской долины была обусловлена социальным составом проживавшего в нем населения. Поэтому без изучения топографии и планировки жилых строений (частично обследованной и в других городах Казахстана) [4], затруднительно осветить вопросы социальных отношений населения подобных городов Средней Азии [5].

Чтобы восстановить историческую топографию Тараза, нами, как было сказано, наряду с материалом из раскопок основных частей города и некоторых мелких городов округи был использован и план Аулие-Аты.

Цитадель. На основании заложенных в разных частях Тараза стратиграфических раскопов (цитадель, раскоп V, 1962 и I, 1963; шахристан, раскоп I, VI) выявлено, что в III строительный период (V—VII вв.) город состоял из цитадели, шахристана и расположенного кольцом с восточной стороны рабада № 1 (рис. 7) [6].

Размер цитадели по сравнению с шахристаном невелик (135××135 *м*). Фланкированная с четырех сторон округлыми, выступавшими из плоскости стены на три четверти башнями, она была весьма продуманным фортификационным сооружением, удачно вписанным с северной стороны в шахристан.

В южной стене цитадели имелись ворота, выходившие в шахристан. Одна из изученных башен (северо-восточная), сохранившаяся на высоту 3,6 *м*, диаметром 18—20 *м* сделана из глины с большой примесью гальки [7]. О жилых постройках цитадели не только такого разрушенного города, как Тараз, но и других городов Средней Азии известно очень мало.

Данные, полученные о Таразе, в основном дают представление о его развитии в последующее время (VIII—IX вв.) и будут освещены далее.

Шахристан. Исследованные участки города позволили выяснить и контуры шахристана. Площадь его по сравнению с площадью цитадели довольно значительная (420×420 *м*). Он соединен с цитаделью стенами на севере и составлял с ней единое целое.

---

[4] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, Алма-Ата, 1958.

[5] Б. А. Литвинский. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. «Известия отделения общественных наук АН ТаджССР», 1953, вып. 4.

[6] Т. Н. Сенигова. Основные пути формирования топографии раннесредневекового Тараза (V—IX вв.). «Известия АН КазССР, серия общественная», 1966, № 5, стр. 69—78.

[7] См. Труды САЭ, стр. 36.

С трех сторон (западной, восточной и южной) шахристан имел ворота, которые связывали его на восточной стороне с рабадом. Контуры жилых помещений этого периода прослеживались весьма слабо.

В северо-восточной части шахристана, недалеко от главных, восточных ворот города, раскопом VI (1958) выявлено гидротехническое сооружение — водоотстойник (диаметр 2,7 *м*, глубина 1,6 *м*). Он сло-

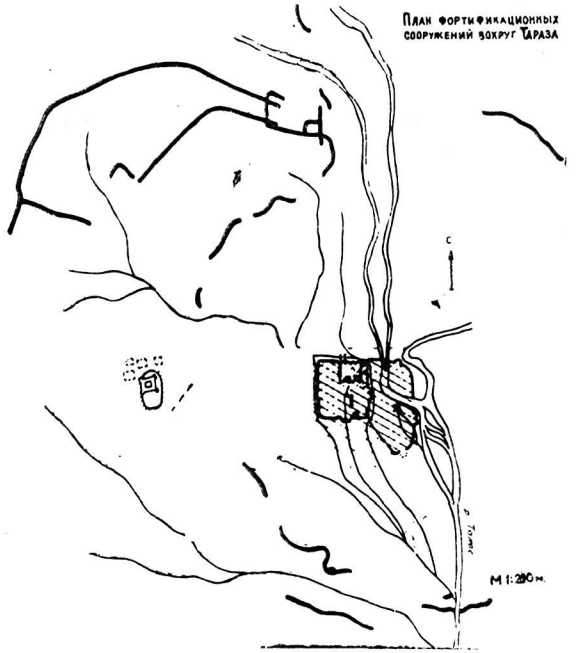

Рис. 7. План Тараза V—VII вв.

жен из 13 рядов камней, конусообразно сходящихся ко дну. В его основании найдена половинка тюргешской монеты. Швы между рядами кладки обмазаны серой глиной (рис. 8).

В 150—200 *м* юго-восточнее водоотстойника (приблизительно на глубине 3,5 *м*) обнаружена водопроводная труба (длина 0,6 *м*, диаметр 0,4 *м*) с муфточкой [8]. Труба сделана из глины с обильной примесью гравия. Судя по размеру, а также по местонахождению недалеко от водоотстойника, возможно, что посредством звеньев таких труб вода

[8] Коллекция Джамбулского областного музея.

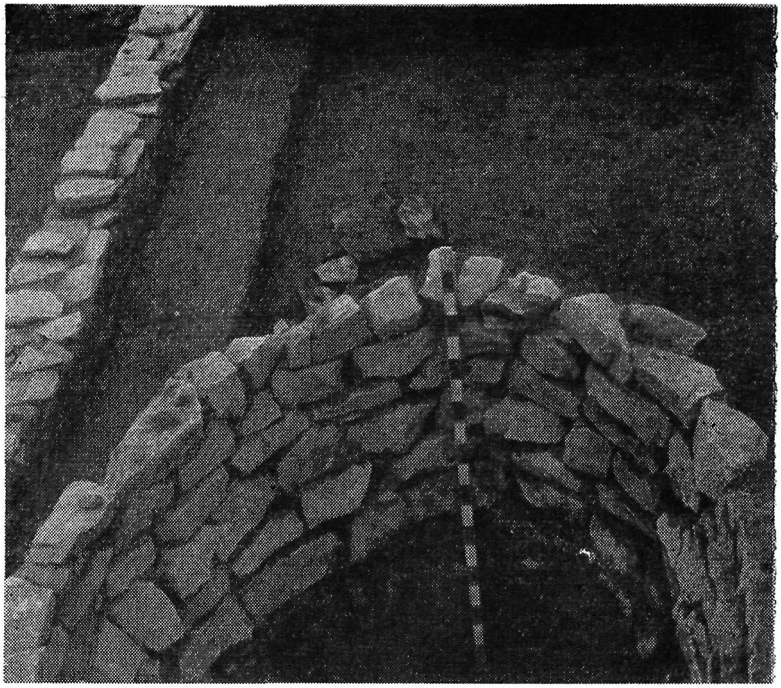

Рис. 8. Водоотстойник.

из проходящего у восточных ворот шахристана канала подавалась в водоотстойник. Территория возле него не застроена.

Выявленный в центре шахристана участок стены [9] толщиной 2,20 *см* позволил Е. И. Агеевой [10] высказать предположение о том, что на территории шахристана могли быть не только единые массивы жилых строений, но и отдельные здания.

Сложенные из кирпича-сырца здания широко известны в Южном Казахстане в VII—VIII вв.[11] и в X—XII вв.

---

[9] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1961 г. Рукописный фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 217, стр. 35, 36.

[10] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1962 г. Рукописный фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 218, стр. 38.

[11] Е. И. Агеева. Памятники средневековья (Раскопки на городище Баба-ата). Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962.

Наличие в шахристане Тараза фундамента, а также находка нескольких сот фигурных облицовочных терракотовых плиток (рис. 9) [12], украшавших фасады зданий, встречаемых в Пянджикенте, Согде, Варахше в VII—VIII вв., свидетельствуют о том, что здания с красочной отделкой могли возводиться и в Таразе.

Судя по зафиксированным в центре шахристана (раскоп VI) остаткам глинобитных стилобадов, некоторые здания имели массивный цоколь. По всей вероятности, облицовочные плитки были с этих зданий. Внешняя отделка зданий в Таразе осталась незавершенной в связи с нашествием арабов в 751 г. Внутри здания стены украшались лепными карнизами в виде виноградных кистей и лоз.

Богато украшенные фасады зданий известны нам по росписям Пянджикента [13] и изображению замка на Аниковском блюде. Аниковское блюдо до недавнего времени считали произведением сасанидско-иранской торевтики [14]. Однако на основании археологических исследований замков со стилобадами и гофрами в Хорезме А. И. Тереножкин и С. П. Толстов [15] высказали мнение, что Аниковское блюдо — произведение хо-

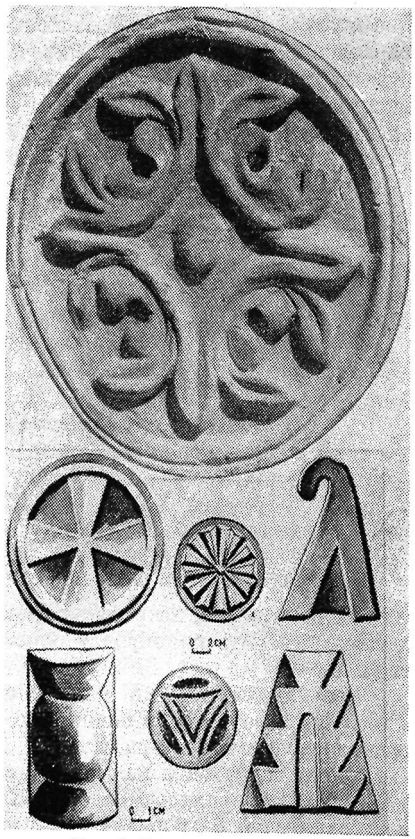

Рис. 9. Терракотовые плитки.

[12] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 110; Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатской терракоте. Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1959, стр. 53.

[13] А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. (Опыт иконографического истолкования). В кн.: «Скульптура и живопись древнего Пянджикента». М., 1959, стр. 51, табл. XIII.

[14] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, табл. XX.

[15] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 198, 265 и др.

резмского торевта. В. Л. Воронина [16], опираясь на находки подобных фрагментов на развалинах замка у Ташкента, высказала сомнение в правильности такого утверждения.

Наличие в Таразе столь разнообразных типов плиток склоняет нас к точке зрения Л. Р. Кызласова [17]. Он объясняет наличие таких образцов в Чаче, Согда и Семиречье вхождением их в одно государственное объединение — Западнотюркский каганат. Кроме цитадели и шахристана, с восточной стороны город имел рабад. Таким образом, он занимал территорию, равную 2,7 *км*. К западу от города располагался некрополь с квадратными оссуариями. Все вместе было обведено кольцом стен (рис. 7).

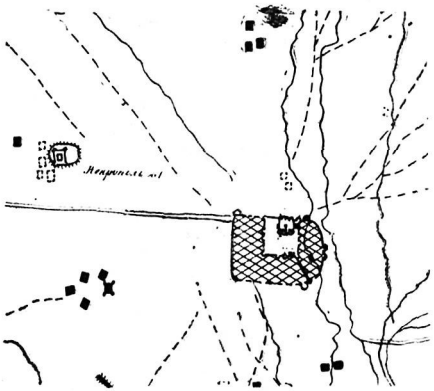

Рис. 10. План Тараза VIII—IX вв.

В данный период происходило обживание округи [18].

В следующий (IV строительный) период (VIII—IX вв.) жизнь в Таразе прослеживается в тех же частях города (рис. 10). Он несколько расширяется в западном направлении вследствие обводки стеной свободной от застройки западной части (рабад № 2).

Незначительная часть жилых помещений, вскрытая раскопками 1963 г. (раскоп I), может помочь выяснить планировку одного из юго-восточных участков цитадели.

Выявленные остатки стен толщиной до 1,25 *м* свидетельствуют о четкой прямоугольной планировке трех помещений (6×5,5×3,25 *м*), ориентированных с севера на юг.

Стены сооружены из желтого сырцового кирпича (50×55×29×8—12 *см*) с примесью соломы. Кирпич уложен следующим образом: один слой 5—6 рядов тычком, другой слой — ложком, общая толщина внешней стены 3 *м*, внутренних — 1,25 *м* и отдельных пере-

[16] В. Л. Воронина. К вопросу изучения доарабского зодчества Средней Азии. Сб. «Новые исследования по истории архитектуры народов СССР», вып. 8, М., 1947, стр. 42, 43.

[17] Л. Р. Кызласов. Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим. СА, 1958, № 3, стр. 141—161.

[18] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

городок — один кирпич (50 *см*). Местами сохранившийся пол помещений выложен кирпичом. На уровне пола обнаружены открытого типа очаги в виде ямок (1,10×0,5 *м*) с золой, костями животных, обломками керамики. Остатки жилых помещений прослеживаются и вдоль западной стены цитадели (1938 г.) [19]. К ним относится и каменная стена высотой 0,65 *м*, толщиной 0,9 *м* и два колодца. Вымостка из каменных плит, перекрывшая с восточной стороны исследованные нами жилые строения предшествующего периода, свидетельствует о том, что площадь у стены цитадели была не застроена.

Предметы, найденные в этих помещениях вместе с тюргешского круга монетами, позволили определить время сооружения помещений цитадели VIII—IX вв. Уточнить датировку цитадели помогают и фортификационные сооружения.

Так, овальные башни, выступающие из плоскости стены, широко известны в Варахше [20]. Они типичны для раннего средневековья [21].

Серьезным аргументом для датировки цитадели является также наличие колодцев. Обычно их сооружали в цитадели города, что имело важное значение для жителей при обороне. Местоположение колодцев в цитадели характерно для городища Баба-аты (VI—VIII вв.) [22] и раннесредневековых слоев городища Актобе 1 (VI—VIII вв.) [23].

Как отмечает В. Л. Воронина, расположение башен у стен и колодцев в цитадели также весьма характерно для средневековых фортификационных сооружений.

Все вместе с материалом из слоя, содержавшего тюргешские монеты, позволяет считать VIII—IX вв. наиболее интенсивным временем обживания цитадели Тараза.

Приняв во внимание сравнительный материал, собранный В. Л. Ворониной, следует отметить, что к настоящему времени полностью изучена только одна цитадель Варахши (VII—VIII вв.), определено ее назначение, вскрыт также замок и двор Пянджикентской цитадели [24]. Цитадель Варахши состояла из резиденции правителя и

---

[19] См. Труды САЭ. Алма-Ата, 1949, стр. 104—105.

[20] В. Л. Воронина. Из истории среднеазиатской фортификации. СА, 1964, № 2.

[21] В. А. Шишкин. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахши (1947—1953 гг.). Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 8. Ташкент, 1956, стр. 40.

[22] Е. И. Агеева. Памятники средневековья (Раскопки на городище Баба-ата). Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 132—134, рис. 15.

[23] М. С. Мерщиев. Городище Актобе 1. Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1969, стр. 123, рис. 2, 3, 4.

[24] А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента. МИА, № 15, 1950, стр. 81—93.

пристройки, занятой, по мнению исследователя [25], казармой гарнизона. Это позволяет предположить, что цитадель Тараза, по-видимому, принадлежала правителю, но в ней жило и население, которое выполняло воинскую повинность. Наличие в культурных слоях цитадели монет тюргешского круга и высокохудожественных архитектурных украшений дает основание говорить о том, что в цитадели могла быть ставка одного из знатных карлукских правителей. Не случайно все жилые массивы были обнесены мощной стеной, восточный участок которой и был вскрыт нами в стратиграфическом разрезе. Это же подтверждают источники.

Описывая города Семиречья, Макдиси говорит: «Урду — маленький город. Дом царя в цитадели. Харран — в нем преобладают неверные, вокруг него стена, в ней цитадель, в которой живет дихкан» [26].

Таким образом, цитадель Тараза, окруженная с трех сторон шахристаном, в фортификационном отношении была самым крупным, почти самостоятельным, командным постом городской фортификации. Выявленные в юго-восточной части шахристана (раскоп I) и в его центре (раскоп VI) остатки стен свидетельствуют о том, что на его территории воздвигались различные жилые строения. Так, благодаря раскопанному в юго-восточной части шахристана участку на площади 220 *кв. м* обнаружены остатки трех прямоугольных помещений (8,10×1,80×4,20 *м*), стены которых сохранились на высоту до 80 *см*. В центре помещений 2 и 3, на полу, имелись углубленные на 30—32 *см* очаги (0,32×0,54×0,6 *м*), заполненные золой и мелкими костями животных (рис. 6). Здесь же, на уровне пола, зафиксировано скопление костей и обломков керамики, а также поделки из костей и остатки жернова. С восточной стороны у очагов в помещении 2 на полу найден глиняный светильник в виде раздавленной неглубокой плошки (диаметр 8—9 *см*, высота 2 *см*).

Наибольший интерес представляет помещение 1. Конструктивно оно несколько отличается от описанных. Пол выстлан кирпичом (23—24×50×8—10 *см*), который уложен на культурном слое предшествующего периода.

Четко прослеженная кладка пола местами состояла из двух параллельных рядов кирпичей и двух рядов, расположенных перпендикулярно к ним и уложенных плашмя. Прием выкладки полов кирпичом известен в Средней Азии как в период раннего, так и в период развитого средневековья. Был широко распространен также способ обмазки полов глиной.

---

[25] В. А. Нильсен. Варахшская цитадель. Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 8, Ташкент, 1956, стр. 86.

[26] С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, Алма-Ата, 1960, стр. 82.

В отличие от описанных помещений в полу центральной части помещения 1 (на расстоянии 20 *см* друг от друга) имелось три различных по размерам (17×23; 17×30; 14×50 *см*) углубления. Стенки их прокалены добела, а находящийся в них слой (5—10 *см*) докрасна. Судя по небольшому диаметру углублений, их не использовали ни для варки, ни для обогрева помещений. Наличие в углублениях остатков золы, медных зеленоватого цвета слезок и спекшихся кусочков меди, а также расположение этого помещения на окраине города дает основание предполагать, что оно, вероятно, было частью какого-то производственного комплекса, связанного с выплавкой металла.

Но так как тогда еще ремесло носило домашний характер, то, возможно, что прилегавшие к производственному комплексу два других помещения с округлыми очагами и бытовой утварью на полу служили жильем ремесленника. Интересно заметить, что узкие помещения большого размера с очагами 15—20 *см*, связанные с производственными комплексами, были обнаружены в Казахстане и в жилых зданиях более раннего времени Актобе 2 (I—IV вв.) [27].

Заканчивая описание отдельных участков жилых сооружений города, следует сказать несколько слов об оборонительных стенах шахристана.

Зачистка южной и восточной стен (раскоп III) позволила установить, что они состояли из мощных (160—180 *см*) покоящихся на сером материковом грунте пахсовых блоков. Ширина основания местами доходила до 15—20 *м*. Судя по наиболее высокой (7,6 *м*) части стены, можно предположить, что при жизни города высота стен шахристана доходила до 9—10 *м*. Что касается техники возведения стен, то на высоте 1,60 *м* от материка пахсовые блоки сменил слой гальки (10—20 *см*), затем на высоте 2,5 *м* от материка вновь лежали блоки, вслед за ними шел второй галечный пояс. Возведение городских стен пахсовой кладкой с делением в швах широко практиковалось в Средней Азии [28]. Таким методом достигался определенный архитектурный эффект, создавалось общее впечатление как от системы мощных, равномерно расчлененных каменных блоков.

Разрастание города к западу (рабад № 2), увеличение городского некрополя с овальными оссуариями, появление сельского некрополя, интенсивное обживание округи свидетельствуют о том экономическом подъеме, который переживал Тараз в рассматриваемый период. Это хорошо прослеживается на памятниках округи.

---

[27] Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Поселение Актобе 2. Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1969, стр. 20, 34.

[28] Е. А. Давидович. Исследование вала к юго-западу от Новой Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 197.

Застройка округи. Благодаря проделанному разведывательному маршруту из укрепленной части города в северном направлении до низовьев Таласа и в юго-западном до Маймака мы получили довольно ясную картину о культурном облике древней Таразской округи, некогда занимавшей огромную площадь: от Дих-Нуджикета (50 *км* западнее Тараза) до с. Ак-Чулак (40 *км* восточнее Тараза), от Охума (северо-западнее Тараза) до Шельджи, Суса, Куля и Текабкета. Выяснилось, что на этой территории рассредоточено свыше 200 памятников. В основном они расположены у водных магистралей и по топографическим особенностям могут быть подразделены на четыре группы [29]. К первой группе относятся города, похожие по планировке на Тараз с цитаделью, шахристаном и рабадом. Это Нижний Барсхан. Дих-Нуджикет, Адахкес, Атлах, находящиеся в северо-западной части округи [30], а также Куль, Шельджи, Текабкет, Сус из юго-восточной части округи.

Вторую группу составляют более мелкие города, замки-кешки и укрепленные поселения — Джикиль, Чуль-тепе и пр.

Третью группу образуют остатки сельских поселений, сосредоточенных вокруг замков и городов у Нижнего Барсхана, Атлаха и Бехлу.

И, наконец, четвертая группа — это укрепленные караван-сараи, отмеченные в верховьях Таласа — Джанаель и на землях колхоза 1 Мая — Молдабай (ст. Ак-тобе).

Раскопанный в 1965 г. один из городов первой группы Нижний Барсхан расположен на территории Джамбулского свеклосовхоза, в километре юго-восточнее станции Талас. По словам Макдиси, Барсхан от Тараза на расстоянии «двух человеческих голосов на восток». Кудама ибн-Джафар считает, что «от города Тараза до Нижнего Барсхана 3 фарсаха».

Так как других развалин в радиусе до 20 *км* (северо-восточнее) Тараза не обнаружено, то, несомненно, эти развалины должны быть приняты за Нижний Барсхан. По своей топографии он почти воспроизводит в миниатюре топографию Тараза. Город состоял из небольшой цитадели (30×30 *м*, высота 10 *м*) и примыкающего к ней квадратного (140×140 *м*) шахристана, ворота и стены которого имели округлые башни диаметром 18 *м*.

Местонахождение городских ворот определено весьма условно. Судя по понижениям в средней части северо-восточной и юго-западной стен шахристана, он имел двое ворот.

---

[29] М. А. Бубнова. К истории средневековой горной промышленности в Средней Азии. СА, 1963, № 2, стр. 85.

[30] В. Л. Лаврентьев. План территории г. Аулие-Ата с находящимися на ней курганами. ПТКЛА. Год. V. Ташкент, 1900, стр. 40.

Для выяснения планировки жилых строений цитадели и шахристана было заложено два раскопа.

Цитадель. Раскоп II (17,5×10,5 *м*) выявил следующее. Сразу же под дерновым слоем обнаружились зольные прослойки, обломки тандыров — следы недолговременных стоянок кочевников. При углублении до 1 *м* стали появляться контуры стен отдельных помещений.

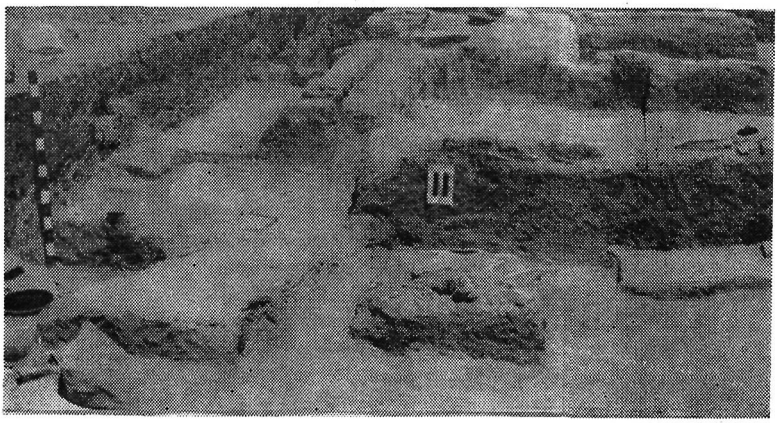

Рис. 11. Общий вид раскопа на цитадели Нижнего Барсхана.

В плане помещения прямоугольные и подквадратные, с очагами в полу и каменными вымостками у очага или у основания стен (рис. 11). Пол одного из коридорообразных помещений (5,4×1,8 *м*) выложен сырцовым кирпичом (32×18×8 *см*), поверх которого нанесен слой глины (1—1,5 *см*). На полу найден сферический котел с подтреугольной формы ручками. Самым большим из раскопанных помещений оказалось помещение 4 (рис. 12), стенки которого сложены из кирпича (35×22—23×6—8 *см*). Юго-западный участок пола весь застлан каменными плитами, которые прослеживаются и в других частях помещения. Внутри него имелись мощные зольные прослойки, в них встречались в основном дробленые кости овец. Среди костных остатков обнаружены два ребра и череп лошади. Рядом с помещением 4 располагалось помещение 2 (3×5,4 *м*). К северо-восточной стене этого помещения примыкало сложенное из каменных плит прямоугольной формы возвышение (1×40 *см*, высота 40 *см*). На нем обнаружен пристенный очажок (30×50 *см*) с обильным слоем золы и мелких угольков.

Пол помещения обмазан глиной с вкраплением извести, которая, по всей вероятности, примешивались в глиняную массу для придания обмазке большей прочности.

В помещении 3 на глубине 90 *см* от дернового слоя выявлена вымостка (250×370 *см*), возведенная из розового алебастра. Ее основанием служила гравийно-песчаная прослойка. Следует отметить, что в отличие от довольно ровной поверхности глиняных полов жилых помещений полы данной вымостки неровные. Так, у стен пол повышался на 17—20 *см*. Возможно, различие в уровне пола объясняется тем, что помещение имело хозяйственное назначение. Это подтверждается и врытым в пол по плечики большим хумом (высота 1 *м*, диаметр тулова 70 *см*, диаметр горла 35 *см*). Венчик хума — подпрямоугольной формы, нижний край сосуда орнаментирован рельефными защипами. Сверху он был покрыт круглым плоским камнем диаметром 45 *см*. С южной стороны хума в полу сделано углубление, устье которого оконтурено каменными плитами (80×30×10 *см*).

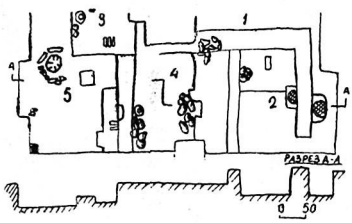

Рис. 12. Планировка помещений цитадели.

На расстоянии 1 *м* от северо-восточного угла помещения, на уровне алебастровой вымостки у стены лежало три прямоугольной формы обожженных кирпича (30×40×15 *см*), скрепленных с полом алебастровым раствором. Судя по тому, что в 4 *м* южнее этих кирпичей по прямой линии располагались такие же кирпичи, вмазанные в глинобитный пол, а также, что на данном участке вместе с остатками зольно-гумусного слоя были извлечены обломки жженых кирпичей, следует предположить, что кирпичи являлись фундаментом для столбов, поддерживавших кровлю плоского перекрытия.

Само помещение 3 с алебастровой вымосткой и примыкавшим к нему участком с колодцем надо рассматривать как комплекс производственной мастерской, по-видимому, связанной с изготовлением виноградного вина. Остатки мастерских по производству вина встречены в Западном Семиречье у пос. Лугового (VI—VII вв.) [31].

Шурф, заложенный у основания южной стены цитадели, позволил установить, что стена состояла из пахсовых слоев. Ширина ее 5,50 *см*, сохранившаяся высота 5 *м*.

---

[31] К. М. Байпаков. Раскопки раннесредневекового замка в Семиречье. «Вестник АН КазССР», 1966, № 2, стр. 61—66.

Судя по мощности башен, цитадель вместе с массивными стенами шахристана была весьма внушительным для того времени фортификационным сооружением, надежно защищавшим феодала и трудовое население от врагов.

Шахристан. Планировка жилых строений шахристана выявлена раскопом I (15×7,60 *м*), заложенным у юго-западной стены в устье котлована, образовавшегося в результате снятия трехметрового культурного слоя. Планировка жилых строений различная (рис. 13).

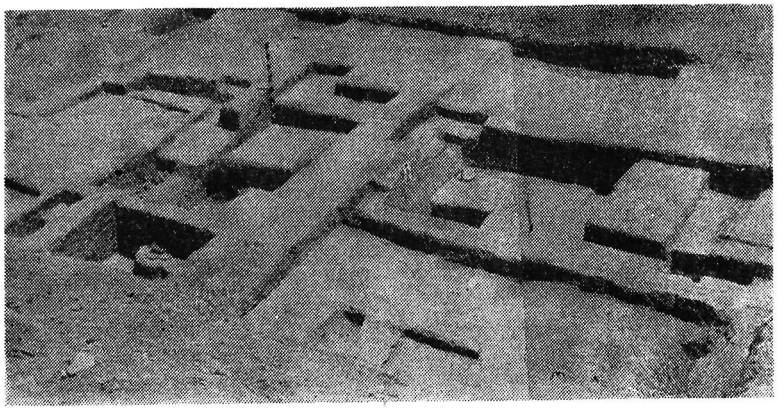

Рис. 13. Общий вид раскопа на шахристане.

Ряд помещений — квадратной формы (4×4; 3,5×3,5 *м*) и ряд — прямоугольной (4,5×3; 5×3,5; 6,20×2,65 *м*). Толщина стен 60—80 *см*, высота до 80 *см*, они сложены из сырцового кирпича (25×38×8—10 *см*) и не оштукатурены. Полы в помещениях глинобитные, хорошо утоптаны и обмазаны несколькими слоями глины. Перекрытия, очевидно, плоские, балочные, о чем свидетельствуют открытые местами в помещениях, обломки трухлявых балок. Судя по небольшим пролетам и отсутствию в полах ямок от столбов, вероятно, балки покоились на стенах помещений (рис. 14).

Кроме остатков очагов, никаких иных конструкций в помещениях не обнаружено. Очаги были весьма распространенной в данных местах формы. Обычно это углубление в полу, реже просто костер в центре помещения. Рядом с очагом зафиксировано большое количество золы, скопление костей, керамики, иногда обломки тандыров.

Находка двух челюстей крупного рогатого скота с симметричными у края отверстиями и прекрасно отполированными поверхностями свидетельствует о том, что челюсти могли использовать в качестве орудия труда, возможно, в ткацком деле как трепала.

Из вещей, сопровождавших слой, следует отметить хумы с прямыми венчиками, кружки, кувшины с расплющенными венчиками, сковородки с невысокими бортиками, кувшины со сферическим, слегка сужающимся ко дну корпусом и примятым носиком у венчика, крышку в форме грибка, серию плоских пряслиц, обломки железных ножичков. Этот материал находит ближайшие аналогии в IV слое Тараза и позволяет датировать вскрытые помещения VIII—IX вв.

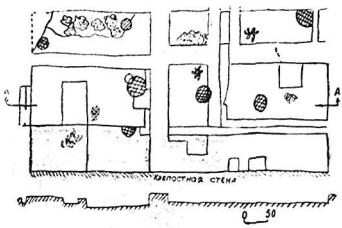

Рис. 14. Планировка помещений шахристана.

Зачистка юго-восточной башни шахристана помогла установить как общие ее размеры, так и материал, из которого она сложена. Высота башни 6 *м*, диаметр у основания 20 *м*. Она возведена из крупных пахсовых блоков (80×80×60 *см*) и имеет четкое членение в швах.

Примерно такие же топографические особенности характерны и для городов первой группы юго-восточной округи Шельджи.

В результате заложенных на городище Шельджи шурфов собран материал, позволивший определить время возникновения города — VIII в.[32] По данным средневековых источников, этот город входил в округу Тараза. Так, ас-Самани пишет: «Шельджи одно из селений Тараза, вроде города, это один из городов пограничных тюркских областей» [33]. Якут ал-Хамави сообщает: «Шельджи — селение в Таразе, похоже на город, одна из пограничных тюркских крепостей» [34]. Другой древний автор ал-Азиз отмечает: «Между ним и Таразом 4 фарсаха» [35].

Если фарсах равен 7 *км*, то, по подсчету, это городище находилось в 28 *км* от Тараза, следовательно, расположенные в 25 *км* юго-восточнее Тараза, у пос. Кировского, развалины, известные под названием Садыр-курган, правильно отождествлены еще В. В. Бартольдом с городищем Шельджи.

Другое городище этой группы Куль (Ак-тобе у Орловки) [36] состоит также из цитадели, шахристана и рабада.

---

[32] А. Н. Бернштам. Городище Садыр-курган. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 120.

[33] С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, Алма-Ата, 1960, стр. 86.

[34] Там же, стр. 87.

[35] Там же, стр. 90.

[36] М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе 1 у с. Орловки. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 125—143.

В заложенном на шахристане раскопе (100 *кв. м*) выявлена стена из сырцового кирпича. Полученный материал позволил отнести возникновение города к VII—VIII вв.

Следующее городище этой группы — Текабкет (Ак-тобе) [37]. Оно появилось, по определению исследователя, в VIII—IX вв.

Из характеристики этих городищ становится очевидным, что города первой группы, подобно Таразу этого времени, имели цитадель, шахристан и, возможно, рабад, но размером были гораздо меньше его. Они являлись довольно крупными политико-административными ячейками округи, городами-ставками, рынками и узлами обороны. Обнаруженные в этих городах слои X—XI вв. свидетельствуют о наиболее интенсивном их развитии в это время.

Ко второй группе относятся замки-кешки, или мелкие селения, также подчинявшиеся Таразу.

Одно из таких селений, расположенное в 3 *км* юго-восточнее Тараза, известно у местных жителей под названием Жолпак-тюбе (Огромный холм). Его историческое название нам не удалось выяснить. На основе данных письменных источников можно предположить, что Жолпак-тюбе — это Джикиль, который А. Н. Бернштам [38] ранее отождествлял с городищем Кош-тюбе, находившимся в 12 *км* севернее Тараза. По сообщению Макдиси, «Джикиль — маленькое (селение) на расстоянии человеческого голоса от Тараза» [39], по другим сведениям, Джикиль находится в миле, или в 1540 *м*, от Тараза, что соответствует местонахождению Жолпак-тюбе.

Мы считаем, что прав Г. И. Пацевич, который отождествил эти развалины с Джикилем [40].

По мнению А. Н. Бернштама, Джикиль получил свое название от имени тюркского племени джикиль, часть которого жила в районе озера Иссык-Куль, а другая — у Тараза. Судя по зольникам, обнаруженным у основания южной стены городища, оставленным останавливавшимися здесь ненадолго кочевниками, данный город мог возникнуть на месте временных ставок тюркского кочевого племенного объединения — джикиль, или чигиль. Это племя являлось одним из главных родов карлуков.

В данное время от городища сохранился подпрямоугольных очертаний шахристан (рис. 15). Длина его стен у основания 90—95 *м* и

---

[37] П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 145—171.

[38] А. Н. Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, 1939, № 4, стр. 175.

[39] С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас..., стр. 81—82.

[40] См. Труды САЭ, Алма-Ата, 1949, стр. 139—140.

высота 3,5—4,6 *м*. В юго-восточной части шахристана располагалась цитадель, занятая ныне мусульманским кладбищем. На западной и северной сторонах городища обнаружены остатки трех угловых, округлых в плане башен. У основания стен шахристана прослеживается ров глубиной 50 *см*.

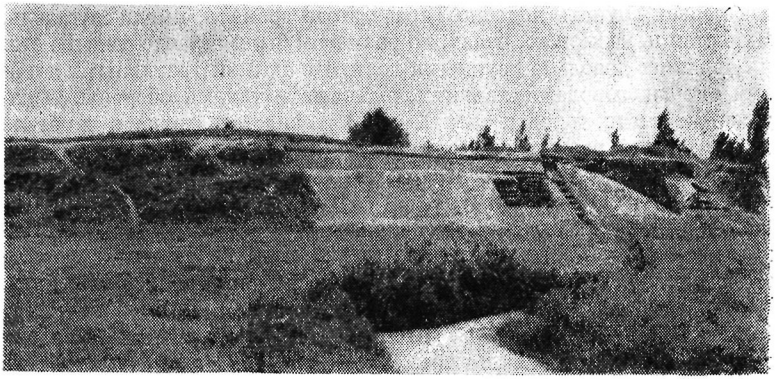

Рис. 15. Общий вид городища Джикиль.

Пониженный в середине западной стены участок можно принять за въезд в город. К этой мысли склоняет проходящая от въезда в центре города западина (16×10 *м*, глубина 1,5 *м*). По всей вероятности, это было место, свободное от застройки.

Основной целью предпринятых нами в 1963 г. раскопок было выявить планировку жилых массивов подобного типа городов, а также познакомиться с конструкцией стен и башен. В основных частях города было заложено четыре раскопа (I, II, III, IV; рис. 17).

С помощью разреза восточной (раскоп I) и западной (раскоп III) стен выяснили их конструкцию, размер, длину стрелковой галереи. Напластования внутреннего дворика определяли раскопом II.

Кроме этого, тщательно изучалась северная стена города и северо-западная башня шахристана. Но все же основным раскопом был раскоп IV, заложенный с внутренней стороны у западной стены шахристана (рис. 16). Благодаря ему была выяснена планировка жилых строений шахристана.

Центральный въезд в город, расположенный в южной части крепости, фланкирован двумя округлой формы башнями высотой около 3 *м*, диаметром 14 *м*. Разрез культурного слоя (мощность 1—1,5 *м*) дворика (площадь 200 *кв. м*) у въезда обнажил прослойки зольников,

камышовые вкрапления, скопления черепков поддонов ступкообразных сосудов, котлов, костей овец, свидетельствующих о том, что двор имел хозяйственное назначение. Тонкие камышовые прослойки указывают на то, что вдоль стен жилых помещений периодически устраивались плоские кровли, защищавшие жителей от знойного солнца.

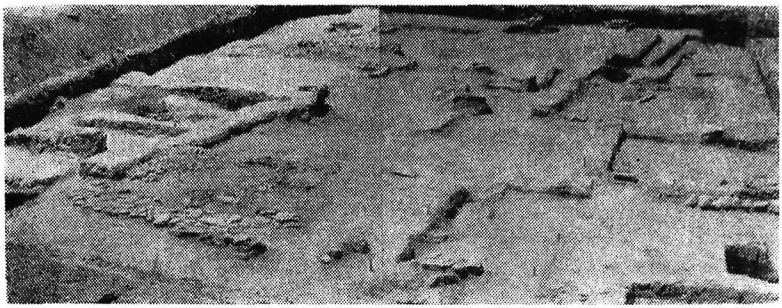

Рис. 16. Общий вид раскопа IV.

В результате произведенных на площади шахристана (400 *кв. м*) раскопок установлено, что жилые помещения имели квадратную (3×4; 2,5×3 *м*) и подпрямоугольную форму (4,5×7,5 *м*). Стены помещений, возведенные на фундаменте из булыжника, сложены из кирпича в основном того же размера, что и кирпич башен (25×35×8—10 *см*). Сохранившаяся высота стен 20—50 *см*, толщина 70—80 *см*. Полы глинобитные, с довольно неровной поверхностью. Внутри жилых помещений находились открытого типа очаги в виде углубленных в центре помещения в полу ямок (20×40 *см*) или поставленных у стен тандыров с полукруглым корпусом и слегка загнутым внутрь венчиком. Высота тандыров 60—80 *см*. В помещениях обнаружена разнообразная керамика, алебастровые столики на трех ножках (диаметр 50 *см*), каменные грузила, железные ножи, серпы, овальной формы зернотерки с курантами, жернова, костяные поделки и т. д.

В одном из помещений (слева от двора) у западной стены имелась лежанка — суфа, выложенная по краям сырцовым кирпичом, заполненная внутри обломками кирпича. К ее восточной стенке примыкал открытого типа очажок, с обеих сторон обложенный кирпичом. Рядом с этим помещением располагалось другое, квадратной формы (4×4 *м*). Центральная часть его была занята ямой. Устье ямы (90 *см*), перекрытое плоской каменной плитой, было аккуратно выложено плитчатым камнем, а стенки (глубиной до 3 *м*) — сырцовым кирпичом (28×30×10 *см*). Судя по всему, в яме хранили зерно. Подобные ямы

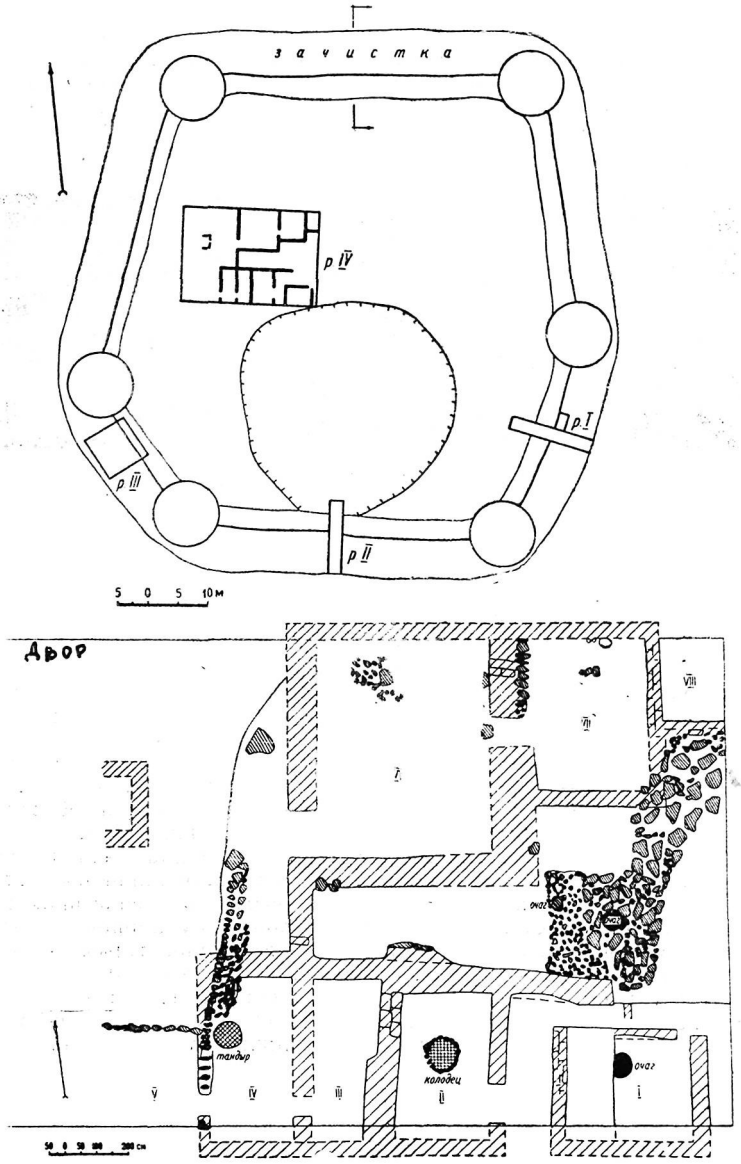

Рис. 17. План городища Джикиль и раскопа IV на шахристане.

широко известны и в памятниках предшествующего периода [41]. Севернее помещения с зернохранилищем находилось помещение с тандыром (диаметр 90 *см*, высота 50 *см*). На внутренней стороне тандыра имелись узоры в виде косых насечек.

В данном жилом массиве обнаружено много целых сосудов. Посуда представлена кружками, поверхность которых богато украшена крупномасштабным резным орнаментом, с расширяющимся устьем и цилиндрическими ручками, заканчивающимися в верхней части выступом в виде пяты, большим количеством котлообразных сосудов с дугообразными и сегментовидными ручками на плечиках. Вместе с посудой были встречены и дисковидные столики на ножках, как глиняные, так и алебастровые, светильники на трех ножках, тюргешского круга монеты [42].

Вместе с керамикой и монетами найден пулевидный железный наконечник стрелы с очень короткой конической головкой, отделенной от черешка. Подобные наконечники имели широкое применение в VI—VIII вв.[43] В целом комплекс находок весьма близок к материалам IV строительного периода Тараза (VIII—IX вв.).

В результате раскопок на городище уточнены и некоторые элементы фортификации. Стены шахристана сохранились на высоту 4 *м*, причем, как правило, книзу они расширялись и достигали 5 *м*. Верхние участки их на высоту 2 *м* выложены из сырцового кирпича (40×42×8—10; 25×35×8—10 *см*). Основанием стен являлись массивные пахсовые блоки (80×80×60 *см*). На угловых участках стен располагались округлой формы башни, возведенные на метровом глинобитном цоколе из сырцового кирпича (25×35×8—10 *см*).

Наиболее интересна конструкция северной стены, обращенной к степи, откуда, вероятнее всего, мог появиться неприятель. Сооруженная также из пахсовых блоков, она имеет выступ шириной у основания до 4 *м*.

Подобного рода выступы, или, как принято их называть, бермы, присущи не только таразской фортификации. Они были весьма распространенным элементом в фортификационных сооружениях Южного Казахстана и явились начальной фазой развития элементов фортификации [44], при которой «пристенные бермы» в комбинации с дале-

---

[41] Т. Н. Сенигова. Поселение Актобе. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 64, рис. 9.

[42] Определение О. И. Смирновой.

[43] Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1963, № 2, стр. 90.

[44] В. Л. Воронина. Из истории среднеазиатской фортификации. СА, 1964, № 2, стр. 44.

ко вынесенными башнями служили для вылазки гарнизона во время атаки противника.

Не менее важным фортификационным элементом было устройство хода для укрытия стрелков, расположенного вдоль гребня восточной стены (ширина галереи 1 *м*). Судя по гребням стен других городов Средней Азии [45], такой ход соединялся с внешними площадками округлых башен, защищенных, по всей вероятности, как и сами стены, зубцами. Уступчатые зубцы, мерлоны со стреловидными прорезями, представленные в Таразе терракотовыми плитками [46], широко известны на замках Средней Азии (VI—VII вв.) [47].

Зубчатое завершение стен являлось весьма распространенным приемом в Парфии [48], Туркмении [49] и на юге Казахстана. Следовательно, основы фортификации в Таразском округе были общими для среднеазиатских крепостей.

Раскопками другого замка, расположенного в 2 *км* юго-западнее Тараза (угол улиц Украинской и им. А. А. Жданова), вскрыты остатки жилых помещений (3×4; 3,5×5 *м*), соединенных между собой коридором (рис. 18). Стены их глинобитные (толщина 78 *см*). Основанием одних стен служил камень (30×40×50; 20×15×3 *см*), других — галечник. Пол глинобитный, двухслойный. В одной комнате обнаружена суфа (93×53×3 *см*), по краю обложенная сырцовым кирпичом. Рядом с ней находился открытого типа очаг (50 *см*) в виде ямки в полу. Возле очага найдена нижняя часть сосуда, поверхность которого оформлена в виде разрезанной на дольки дыни. Рядом лежала верхняя часть котлообразного сосуда с уступом и спиралевидным прорезным орнаментом на корпусе.

Наибольший интерес представляют обнаруженные на полу детали от алебастровых скульптур (лапы льва) и настенных украшений (виноградные грозди). Эти характерные для кешков украшения свидетельствуют о том, что данный замок был не менее нарядно оформлен, чем синхронные ему по времени замки Хорезма [50] и Бухарского оазиса [51].

---

[45] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, рис. 56—72.

[46] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 110.

[47] «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, табл. XX; Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 222 и сл.: Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965, стр. 51.

[48] Г. А. Кошеленко. Фортификация Парфии. СА, 1963, № 2, стр. 60.

[49] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 136.

[50] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

[51] В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963.

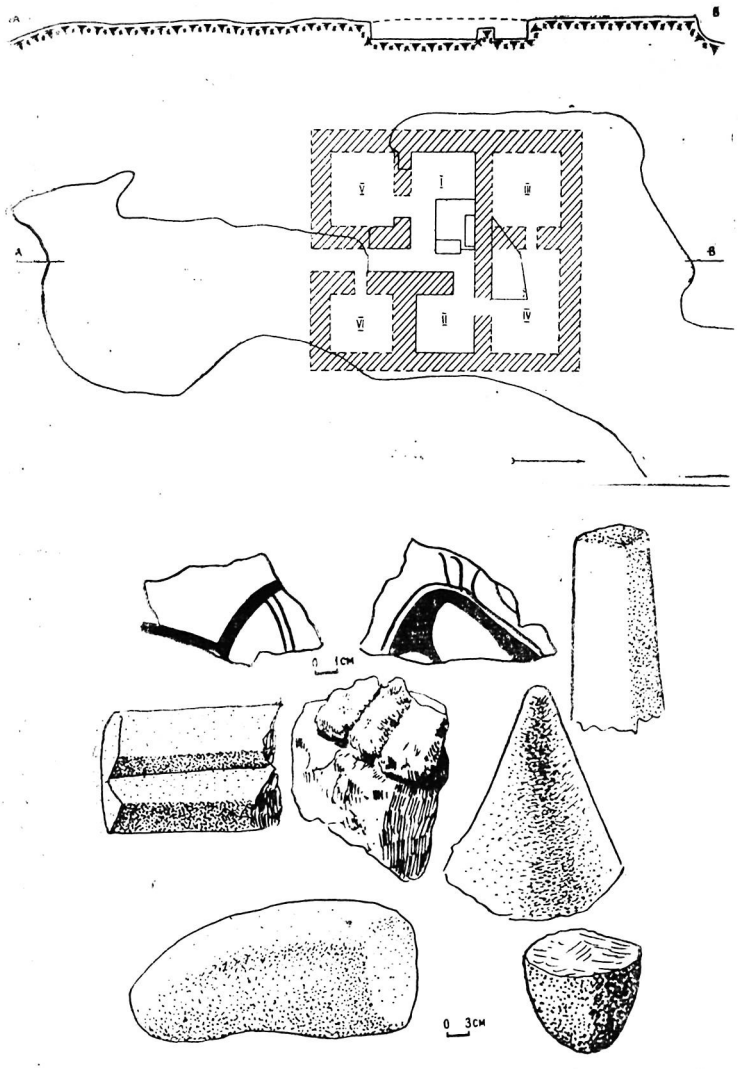

Рис. 18. План и разрез замка округи Тараза и алебастровые детали из него.

Находки саманидской печати [52] и посуды, аналогичной посуде IV слоя Тараза (речь о ней будет ниже), позволили сделать вывод, что перед нами остатки раннесредневекового замка округи VIII—IX вв.

Замок Чуль-тепе расположен в 35 *км* севернее Тараза. Раскопом (60 *кв. м*) вскрыта часть жилого помещения с примыкающими к нему хозяйственными ямами. Постройка сложена из сырцового кирпича. Она состояла из узких, вытянутых с северо-запада на юго-восток комнат, соединенных на севере дверями. Подобного типа планировка давала возможность строителям возводить полуциркульные своды. Это постройка не согдийского происхождения, как предполагал А. Н. Бернштам [53]. Она весьма близка к постройкам, возводившимся местным населением в поселениях Южного Казахстана в первых веках до нашей эры [54]. Несмотря на то, что замок существовал до XI—XII вв.[55], начало жизни его, как и упомянутых городов, связано с ранним средневековьем — VIII—IX вв.

К следующей, третьей группе относятся сельские поселения [56], подчиненные не самому Таразу, а городам его округи — Нижнему Барсхану, Дих-Нуджикету и др.

Одно из них, расположенное в 1,5 *км* юго-западнее Нижнего Барсхана, раскопано в 1958 г.

Из-за неоднократной распашки поселение приобрело довольно неопределенные контуры (40×23×54 *м*) и имеет незначительную высоту — 1,65 *м*.

Раскоп (64 *кв. м*) был заложен в центральной части. После снятия слоя (50 *см*) разбитых кирпичей обнаружены стены трех помещений и коридора, возведенные на каменном плитчатом фундаменте. Промежутки между плитками заполнены галькой (рис. 19).

Помещения, имевшие почти квадратную форму (2,6×3,2; 3,65× ×3,1 *м*), соединены дверными проемами (1,10 *см*) с коридором (6,8× ×8,0 *м*). У очага, следы которого прослежены на полу помещения 2, лежали кости животных (барана, коровы) и фрагменты керамики.

Местами пол помещений выложен галечником, покрытым сверху слоем глины. Внутри помещений выявлены остатки глиняных шаблонов и обломки алебастра. На полу найдено большое количество керамики: фрагмент котла и носик от сосуда (табл. III, *1, 6*), сосуд с длинным горлышком, заканчивающимся вытянутым сливом, и с рельефны-

---

[52] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 45.

[53] Там же, стр. 61.

[54] Т. Н. Сенигова. Поселение Актобе, стр. 70, рис. 13.

[55] См. Труды САЭ. Алма-Ата, 1949, стр. 117.

[56] А. Н. Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, 1939, № 4, стр. 176.

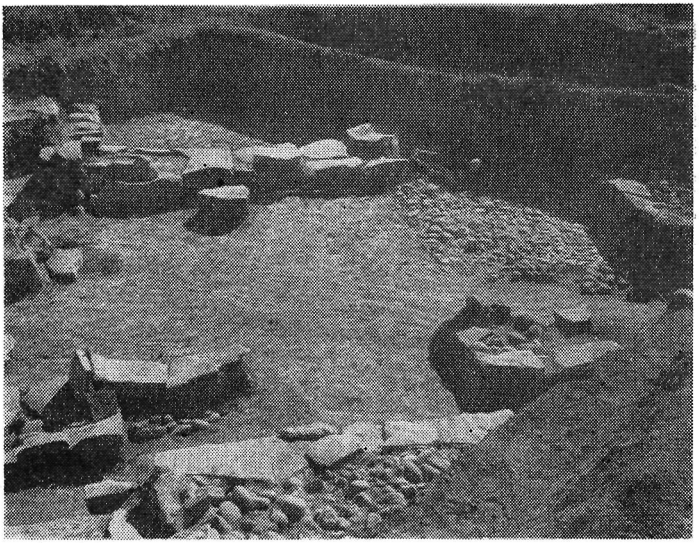

Рис. 19 Фундамент здания усадьбы возле Нижнего Барсхана.

ми налепами на корпусе (*2*), глиняная сковорода с прорезным узором на дне (*4*), кувшинчик и котел с горизонтальной ручкой на корпусе и отверстием в центре тулова (*3, 7*). Подобные сосуды известны у народов Средней Азии как маслобойки [57].

В целом керамика находит аналогии в IV слое Тараза и позволяет датировать данный памятник VIII—IX вв.

Четвертую группу составляют караван-сараи типа Молдабай у ст. Ак-тобе. К сожалению, раскопок их не проводилось, поэтому мы не можем судить об их планировке.

Таким образом, выяснено, что в отличие от цитаделей городов округи Шельджи (125×75), Куля (75×45), Текабкета (50×55), Нижнего Барсхана (30×30 *м*) цитадель Тараза, возведенная в VI—VII вв., имела самые большие размеры (135×135 *м*). Ее северные и южные стены фланкировались округлыми башнями, вместе с шахристаном она являлась весьма продуманным и надежным звеном в обороне города.

Шахристан, как и цитадель, был значительных размеров (420× ×420 *м*) и имел строго квадратную планировку. Стены его сложены из мощных пахсовых блоков (130×160 *см*), расчлененных прокладка-

[57] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. Труды Института этнографии АН СССР. М.—Л., 1959, стр. 64, рис. 17.

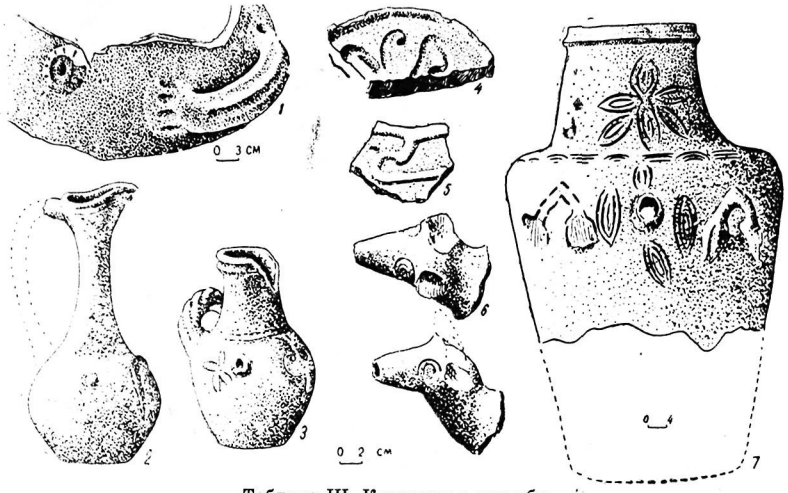

Таблица III. Керамика с усадьбы.

ми галечника. Шахристан постепенно застраивался как жилыми, так и производственными комплексами, связанными с выплавкой металла.

Обнаруженные в центре шахристана стены кешков и терракотовые плитки позволили прийти к заключению, что, кроме жилых строений горожан и производственных комплексов на окраине, в центре шахристана возводились дома аристократов.

Значительно изменился Тараз после обводки стенами шахристана на западе. Если по Сюань Цзяну (630 г.) окружность Тараза равнялась 8—9 ли (2,7 *км*), а по плану В. Каллаура — 2,8 *км*, то в рассматриваемый период территория его увеличилась почти вдвое. Процесс роста Тараза был тесно взаимосвязан с развитием его округи. На ее обширной территории от Охума до Шельджи (рис. 20) возникла серия мелких городов: Дих-Нуджикет, Адахкес, Джикиль, Барсхан, Шельджи, укрепленных замков с такой же планировкой жилых строений, как и сам Тараз.

Значительное место в топографии округи стали уделять и укрепленным сельским поселениям.

В целом перед нами предстает комплекс города и деревни в период зарождения феодальных отношений в Таласской долине. Немалую роль в данном процессе сыграли карлуки, занявшие в 766 г. эту территорию, и кимако-кипчакские племена, находившиеся с ними в тесных контактах.

Начавшийся в середине I тысячелетия процесс сложения феодальных отношений повлиял как на общий подъем экономической жизни городов Таласской долины, так и на развитие различных ремесел, особенно гончарного, кузнечного, ткацкого, а также на обработку камня и кости.

Это может быть прослежено на материале, собранном и извлеченном из цитадели и шахристана Тараза и городов округи: Джикиля, Нижнего Барсхана, соответствующих по времени IV строительному периоду Тараза, а также на материале некрополей. Какой значительный экономический подъем переживал Тараз и города его округи, лучше всего видно на примере самой распространенной в этих районах отрасли производства — гончарной, представленной наиболее массовым материалом—*неполивной керамикой*.

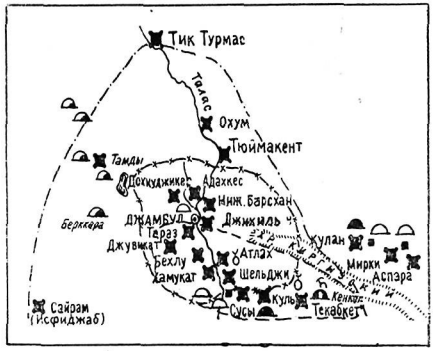

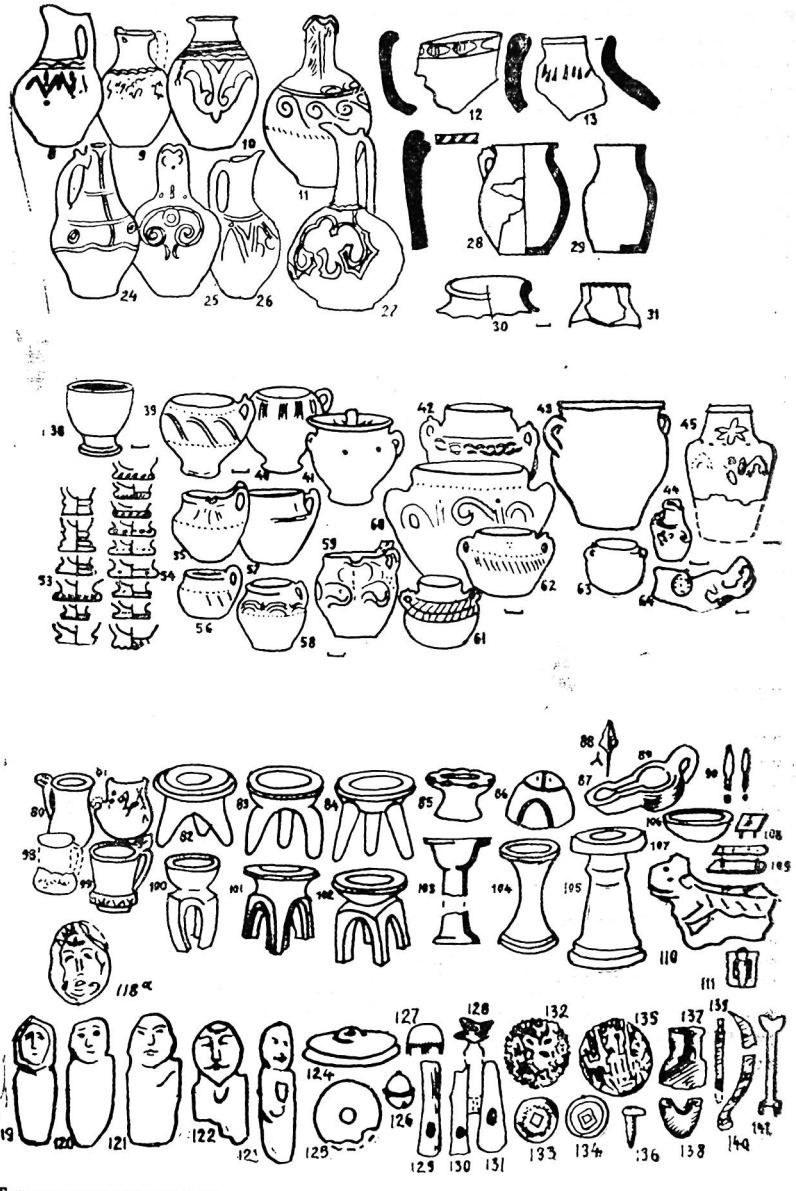
Рис. 20. Схема округи Тараза: *1* — города, входившие в сферу влияния Тараза в VIII — IX вв.; *2* — города, входившие в сферу влияния Тараза в X—XII вв.; *3* — города, входившие в сферу влияния Тараза в XIII—XIV вв.

Как и прежде, по своим техническим особенностям она делится на две группы. Первая — это сосуды, вылепленные от руки, в том числе и тандыры, и вторая — изготовленные с применением гончарного круга. От руки сделаны хумы, тандыры, котлы, столики, некоторые типы кувшинов с цилиндрической горловиной, а также светильники и крышки сосудов. На круге изготовлены водоносные кувшины, миски, кружки. Хотя в этот период и увеличивается количество сосудов, изготовленных на круге (что документируется статистически материалом из раскопа II на шахристане, давшем в слое, соответствовавшем данному периоду, 356 фрагментов красного плотного теста с примесью мелкого песка, из которых 152 были со следами гончарного круга[58]), в целом же для керамики этого времени характерно преобладание лепной посуды, что, по всей вероятности, можно объяснить притоком в город тюркско-карлукского населения со стародавними традициями, в основном занимавшегося этим ремеслом. Появились и новые

[58] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1961 г. Рукописный фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 217, стр. 34, 35.

Таблица IV. Памятники материальной культуры

Тараза и городов округи.

формы сосудов. Однако основные формы посуды сохраняют значительное сходство с сосудами предшествующего периода, что говорит о преемственности техники их производства и генетической связи с культурой предшествующего времени.

Например, такие крупные сосуды, как хумы, тазы, сферические и плоскодонные котлы, кувшины с цилиндрической узкой горловиной, по-прежнему изготовлялись по частям. Горловина и венчик у хумов и кувшинов лепились отдельно, следы их прикрепления к корпусу хорошо видны на внутренней поверхности многих сосудов, в этом убеждают и отпавшие по линии спайки швов некоторые горловины и стенки кувшинов и котлов. Ручки кувшинов лепились отдельно и крепились к сосуду ручным способом.

Как и в предшествующий период, для изготовления сосудов кухонного и хозяйственного назначения: хумов, котлов, а также подставок под котлы, крышек, тандыров и некоторых форм светильников — применялось тесто с большими примесями крупнозернистого песка, дресвы и гипса, особенно заметными в изломе черепка.

Для производства сосудов столового назначения, сделанных на кругу: кувшинов, мисок, кружек, употреблялось плотное, хорошо отмученное тесто с незначительными примесями мелкозернистого песка. В отделке сосудов произошли значительные изменения. Так, пятнистое ангобирование было вытеснено прочерченной орнаментацией и лощением. Особенно богато украшались изделия, имевшие большую площадь поверхности: столики, крышки, котлы, узкогорлые кувшины, «утки», различные черпаки и ступкообразные сосуды с ручкой, реже кружки, миски, основания ступок, бортики светильников, верхняя часть хумов, блюдец, оссуарии, сковородки, маслобойки.

Лощению подвергались кувшины, кружки, чаши, миски, хумы, иногда светильники.

Типологически все сосуды, в том числе и тандыры, рассматриваются нами по группам, начиная с хумов. По венчику хумы делятся на несколько групп. Наряду с известной ранее прямоугольной формой венчика появились две новые. У одних сосудов венчик состоит из двух валиков с ложбинкой (табл. IV, *1*), у других на валике еще имеется жгутик с защипами (*2*). Подобной формы хумы были широко распространены на городище Баба-Ата и на среднем течении Сырдарьи в VIII—IX вв.[59]. Известны они и в Ак-Бешиме в VII—VIII вв.[60]

[59] Е. И. Агеева. Общий обзор находок. В сб.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 192; ее же. Керамика городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1950, № 2, стр. 112.

[60] В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960, стр. 156, рис. 6, *5—6*.

Ко второй группе относятся хумы из цитадели, позволившие более точно датировать сосуды из некрополей. От хумов предшествующего периода они отличаются тем, что имеют на плечиках разнообразный штампованный орнамент из пальметок, цветов, крестов, колес, мифических козлов с крыльями, собак, львов с изображением луны и солнца (*14*). Они использовались для хозяйственных нужд (помещение в цитадели), а также в качестве погребальных сосудов (некрополь 1).

Изображение крылатых козлов в круге из горошин известно и на столике из Семиречья (VI—VIII вв.)[61]. Хумы с фигурами животных были обнаружены в некрополе 1 вместе с юртообразными оссуариями. Подобные им встречены в Согде (VII — вторая половина VIII в.)[62]. Наличие в IV слое цитадели хума со штампованным орнаментом, аналогичного по форме хумам из некрополя, позволяет говорить о сохранении в Таразе заимствованной из Согда традиции изготовления погребальных сосудов.

О развитии гончарного производства свидетельствует и появление новых форм обогревательных сооружений типа тандыров, пришедших на смену очагам. Они полуяйцевидной формы, с толстыми (2,5—3 *см*) стенками и шероховатой пятнистой поверхностью, что, по-видимому, было следствием как добавления в глину значительных примесей шамота и гальки, так и недостаточного обжига (*а*).

Закраины тандыров представляли собой массивные, стоящие прямо или с небольшим наклоном внутрь площадки. Как правило, тандыры ставили внутри двориков или помещений (у стен или рядом с суфой) и также накрывали крышкой.

Так как тандыры предназначались не только для обогрева помещения, но и для выпечки лепешек, то их внутренние стенки покрывали глубокими нарезными бороздками-узорами. Рисунки состоят из различных сочетаний геометрических и волнистых линий, несколько напоминающих орнаментальные мотивы тандыров городищ северных склонов Каратау (X—XII вв.)[63]. Здесь и «елочка», и параллельно идущие друг за другом волнистые и прямые линии и ромбы.

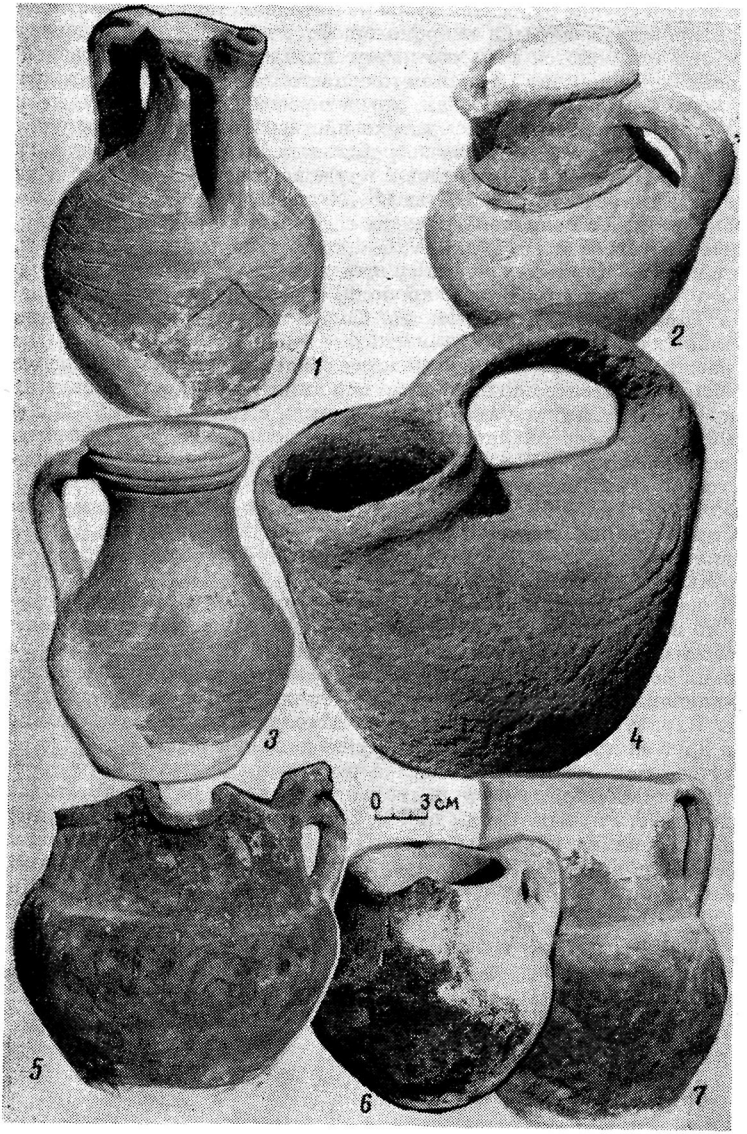
Значительно изменилась и самая распространенная группа сосудов — кувшины. Наряду с существованием старой формы кувшинов появились шесть новых. Среди них наиболее многочисленную группу (первую) составляют кувшины с невысоким узким горлом и широким сферическим корпусом. Иногда переход от тулова к горловине резкий, украшенный волнистым орнаментом (*3*). Эти кувшины отличаются от

---

[61] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь. МИА, № 37, 1953, стр. 95.

[62] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, табл. VIII.

[63] Е. И. Агеева. Общий обзор находок, стр. 206.

1
2
3
4
0 3 см
5
6
7

формы предшествующего времени не только сферичностью корпуса, но и способом крепления ручек. Теперь ручки крепятся к самой горловине. На горловине имеется слив и маленькая ложбинка (табл. VII, *2*; табл. IV, *16*, *17*).

Подобная форма кувшинов была весьма распространена в Пянджикенте, Ак-тепе близ Ташкента, в Семиречье (VI—VII вв.) [64], Ак-Бешиме [65]. Наряду с этой формой имеется и ряд разновидностей (табл. V, *2*, *3*, *7*).

К кувшинам второй группы относятся кувшины с плечиком, от которого поднимается рожок, заканчивающийся сдавленным с боков раструбом. Оттянутый внутренний край раструба упирается в верхнюю часть горловины кувшина (табл. IV, *15*; табл. V, *1*).

Кувшины третьей группы — это кувшины без слива на венчике, с ручкой в верхней части корпуса и отверстием в ней (табл. IV, *23*). Они близки по формам к акбешимским [66] и семиреченским [67]. Серия кувшинов с рожком известна и в Ак-тепе близ Ташкента [68], в Минг-Урюке (VII—VIII вв.)[69], а с отверстием в ручке — в районах Южного Казахстана (VIII—IX вв.) [70].

Кувшины четвертой группы, служившие для переноски воды и по сей день бытующие у таджиков под названием «утка», были весьма причудливой формы с тщательно орнаментированной поверхностью, но небольших размеров, высота их не превышает 15—18 *см* (табл. V, *4*).

Более архаические формы «утки» имели вытянутое по горизонтали тулово с цилиндрическим горлом на одном конце и ручкой на другом. Довольно широкая горловина возвышается над сосудом. Благодаря выпуклой «грудке», загнутому вверх хвостику, а также штриховому в виде полукругов, углубленному на боках узору, имитирующему оперение и крылья, сосуд похож на утку (табл. IV, *5*, *20*).

---

[64] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, Алма-Ата, 1958, стр. 179, рис. 90.

[65] В. И. Распопова. Указ. работа, стр. 149, 150, рис. 1, 2.

[66] Там же, стр. 149, рис. 3, *3*, 151.

[67] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, табл. LXIV, *7*.

[68] А. И. Терножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Труды Института истории и археологии АН УзбССР, т. 1, Ташкент, 1948, стр. 113, 114.

[69] Ю. Буряков. Городище Минг-Урюк в Ташкенте. Труды САГУ, вып. 81, Ташкент, 1956, стр. 126.

[70] Е. И. Агеева. Общий обзор находок, стр. 193, рис. 56.

Таблица V. Керамика: *1—3*, *5—7*—IV строительного периода из помещений юго-восточного шахристана Тараза; *4* — коллекция Джамбулского областного музея.

Разновидностью этой группы являются сосуды со сферическим корпусом, плоским дном, узким, вытянутым носиком (10—13 *см*), нижняя часть которого приплюснута и образует слив. Средняя высота сосудов — 20 *см*. На тулово нанесен прорезной или налепной орнамент в виде рельефных концентрических кругов, соединенных жгутиком, орнаментированным насечкой (табл. IV, *18—19*).

Среди древней керамики Средней Азии сосудов, реалистически изображающих птиц, пока не встречено. Но на территории, входившей в древний Согд, найдены сосуды, по форме близкие к описанным и к посуде, изготовляемой таджиками [71].

Сосуды подобной формы обнаружены и в Южном Семиречье (VIII—X вв.) [72]. Наличие их в культурных слоях Джикиля вместе с тюргешской монетой позволяет указать на их появление здесь в VIII—IX вв.

Кувшины следующей (пятой) группы отличаются от предшествующей грушевидным корпусом, обращенным узким концом вниз, и слегка вогнутыми внизу стенками тулова (табл. IV, *6, 7, 8, 9*).

Горловина, несколько расширяясь вверху, завершается вытянутым венчиком, образуя узкий слив. По бокам слива налепом сделаны лунницы, по горловине нанесен узор. Вертикальная ручка, круглая в сечении, иногда рассеченная бороздкой, прикреплена одним концом к верхней части горловины (редко несколько отступя), другим к тулову в самом широком месте. Как правило, поверхность кувшинов тщательно затерта и залощена, и покрыта разнообразным орнаментальным мотивом, чаще растительного содержания (*10, 11*), реже зооморфного: рога, головки (*24, 25*). К этой же форме сосудов следует причислить и кувшины с невысокой цилиндрической горловиной (*21, 22*).

Для кувшинов шестой группы характерна очень высокая, до 20 *см* цилиндрическая горловина, заканчивающаяся изящным сливом с лунницами по бокам, а также большая сферичность корпуса и богатая рельефная фантастическая орнаментация (табл. IV, *27*; табл. VI, *3, 5*).

К этой группе надо отнести и маленькие узкогорлые кувшины, корпус которых украшен накладными рельефными арочками (Джикиль). В центре арочек имеются либо глиняные приплюснутые горошинки, либо горошины из бирюзы (табл. IV, *26*; табл. VI, *1, 2, 4*). Ин-

---

[71] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. XLII, М.—Л., 1959, стр. 56; Г. В. Григорьев. Архаические черты в производстве керамики горных таджиков. «Известия ГАИМК», 1931, т. X, вып. 10, стр. 8, рис. 3, 5.

[72] А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, стр. 127, табл. LXVI, *1, 2*.

крустация бирюзой, как отмечал А. Н. Бернштам [73], применяемая кочевниками Семиречья, приобретает широкое распространение в V—VIII вв.

Сосуды с оттянутыми вперед носиками встречены в Согде, Чаче (VI—VIII вв.) [74] и Юго-Восточном Семиречье (VIII—X вв.) [75].

Таразские сосуды отличаются от согдийских тем, что имеют форму груши, обращенной вниз узким концом, а не вверх, как согдийские.

Если рассматривать эти группы кувшинов с точки зрения историко-культурной значимости, то следует присоединиться к мнению Л. И. Ремпеля, что изящность пропорций горловины таразских кувшинов и приданные ей черты птичьей головки, как и нанесенные на корпус богатейший прорезной и рельефный узоры, не свойственны для серебряной согдийской утвари, с которой принято связывать форму данного типа кувшинов. Таким образом, данный тип не является заимствованием согдийских образцов, а представляет самобытное явление.

Тараз был тем центром, в котором в VIII—IX вв. эти сосуды получили право на жизнь и впоследствии распространились в других городах Средней Азии. Не случайно, изучая гончарные изделия Чуйской долины, В. И. Распопова отметила, что «развитые формы лепных кувшинов появились в Согде, по-видимому, лишь с приходом караханидских тюрок» [76], столицей которых некоторое время был и Тараз. К сосудам со стойкими традициями форм, широко известных в предшествующее время и имевших большое применение в хозяйстве, следует отнести кухонные горшки с орнаментированным насечкой рельефным валиком на венчике (табл. IV, *12, 13, 28, 29, 30, 31*) и котлы. Эти котлы отличаются от котлов, датированных II—IV вв. (шахристан, раскоп I), разнообразием форм венчиков и орнаментацией на корпусе, состоящей из арочек, косых насечек, поясков.

Котлы можно разделить на пять групп.

Котлы первой группы самые распространенные и генетически близки к котлам предшествующего периода. Они имели сферический корпус без венчика (*32*) и горизонтальные ручки, прикрепленные только концами. По типу ручек их надо разделить: с треугольным завершением, с желобками или тремя пальцевыми вдавлениями у основания ручек.

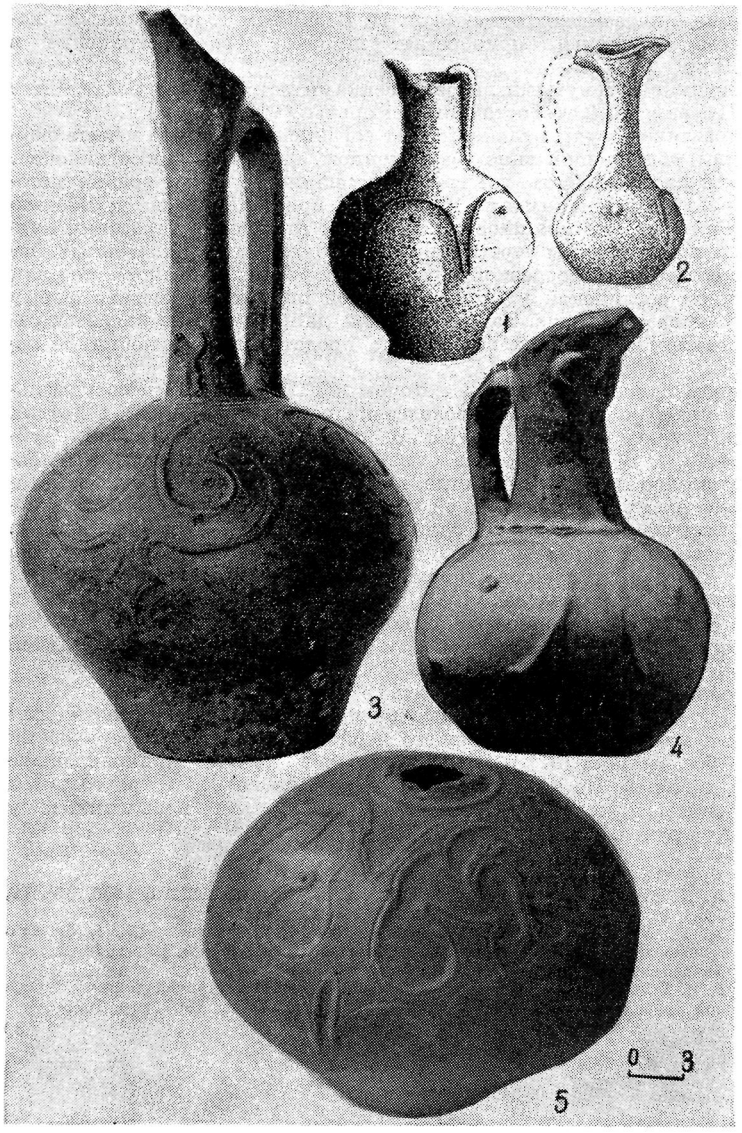
---

[73] А. Н. Бернштам. Указ. работа, стр. 121.

[74] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 69, X, *2, 7*; XXI, *8*.

[75] А. Н. Бернштам. Указ. работа, табл. LXIV, *6*; табл. LXVI, *4*; его же. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, 1949, XI, см. таблицу (вклейка), рис. 108.

[76] В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960, стр. 161.

1
2
3
4
5
0 3

Котлы второй группы имеют слегка отогнутый наружу венчик (*33, 34*) и различные ручки: дугообразные, с перевязочкой посередине, с трезубцем, витые горизонтальные.

У котлов третьей группы более отогнутый наружу венчик и разнообразные ручки прикреплены к котлу по всей дуге. Форма ручек: дугообразная, пластинчатая (*59, 70*), ложная накладная с волнистыми краями, иногда украшенная вмятинами.

Круглодонные котлы с венчиком бытовали в Согде и в Чаче в VI—VIII вв.[77] Но, как отмечено рядом исследователей, котлы типа, подобного нашим, т. е. с большой сферичностью, встречаются в основном на территории Южного Казахстана [78] и в Чуйской долине [79], что свидетельствует о локальных чертах культуры этих районов. Аналогии ручкам с перевязочкой известны в Чаче [80], ручкам дугообразным, пластинчатым и витым горизонтальным, накладным с вмятинами — в Согде, Фергане, Семиречье, где они датируются с VI—VIII по X в.[81]

Ручки с трезубцем характерны для котлов северо-западной и юго-восточной округи Тараза (VII—X вв.) [82]. Они имеют наиболее близкие аналогии с ручками из серии позднесарматских миниатюрных бронзовых котлов Нижнего Поволжья и Приуралья (II—III вв.) [83], что позволяет считать данную группу котлов наиболее ранней семиреченской формой, причем, как отмечает М. А. Бубнова, формой, генетически связанной с сакскими котлами.

Сама форма сферических котлов с петлеобразными ручками говорит о живучести кочевых традиций у населения Семиречья [84]. Они

---

[77] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 155. 167, рис. 69, X, *9*; XXI, *3, 4*.

[78] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, Алма-Ата, 1958, стр. 172.

[79] П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 25, табл. 1.

[80] А. И. Тереножкин. Указ. работа, рис. 69, XXI, *4*.

[81] В. И. Распопова. Гончарные изделия Чуйской долины. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960, рис. 5, 9, 11; К. М. Байпаков. Раскопки раннесредневекового замка в Семиречье. «Вестник АН КазССР», 1966, № 8, стр. 65, рис. 3; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 241—242, рис. 100.

[82] М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе 1 у с. Орловки. Сб.: «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, рис. 9, 13, 14, 15.

[83] Е. К. Максимов. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление. СА, 1966, № 1, стр. 52, рис. 1; стр. 53, рис. 2, 5, 6.

[84] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 44, 45.

Таблица VI. Сосуды IV строительного периода с рельефным орнаментом: *1—3, 5* — Тараз; *4* — Джикиль.

появляются в Таласской долине, судя по материалам курганов и нижнего слоя Тараза, в первых веках нашей эры.

Отличие котлов следующей (четвертой) группы от описанной, состоит в том, что они плоскодонны (табл. IV, *48, 67*), небольших размеров (диаметр 6—10 *см*, высота 8—10 *см*) и имеют лишь одну петлеобразную вертикальную ручку, заканчивающуюся шишечкой наверху, и широкий цилиндрический носик с примятым сливом. Корпус украшен косыми насечками и арочками.

И, наконец, последнюю (пятую) группу котлов, выявленную как в Таразе, так и в Джикиле представляют плоскодонные котлы диаметром до 50 *см* (*65*). Цилиндрическая верхняя часть корпуса, постепенно изгибаясь, переходит к плоскому дну. Иногда по краю намечается слив в виде бандажика. Ручки сплошные, дугообразные, прикреплены по всей дуге в 2—3 *см* ниже края. Корпус, особенно верхняя часть, богато орнаментирован прорезным узором. Аналогичной формы котлы не известны ни в Таласской, ни в Чуйской долине, что дает основание считать Тараз центром их изготовления. Производство этих котлов, вероятно, связано с большим притоком кочевников-карлуков, их потребностью в объемной таре для продуктов молочного хозяйства.

В комплексе с котлами следует рассматривать и массивные глиняные подставки под котлы, выполненные то в виде удлиненной головы барана (*34*) с углубленными глазами и выступающей вперед мордой, то в виде мифического коня-дракона с углубленными глазами и заостренной, слегка загнутой мордой (*66*). Как подставки в форме головы барана находят аналогии в материалах ранних слоев цитадели (II—IV вв.), так и образ мифического существа в виде коня-дракона является древним сюжетом в орнаментике бытовой утвари и керамики Тараза (шахристан, I слой), восходящей к первым векам нашей эры.

Кроме того, подставки являются прообразом ножек тех бронзовых сферических котлов сакского времени (V—III вв. до н. э.), коленчатые изгибы которых заканчиваются скульптурными головками козлов с массивными завитками рогов, химер, львов и т. д. Все это свидетельствует о сохранении у населения Тараза древних традиций в гончарном искусстве.

Появившиеся в оседлом быту горожан подставки котлов с мифологическими образами следует рассматривать не только как предметы утилитарного назначения, но и как предметы, отражавшие религиозно-мифологические воззрения перешедшего к оседлости тюркско-карлукского населения Таразской округи.

Распространенной группой посуды остались конической формы чаши с уступом на стенке (табл. IV, *35, 36*). У одной (Джикиль) дно орнаментировано пятилопастной звездой. Появились чаши со

сферическим корпусом, прямыми краями или чуть загнутыми внутрь и украшенными двумя-тремя каннелюрами (*49*) и без уступа (табл. VII, *7*).

Разнообразнее стали тагары с коническими или вертикальными массивными стенками и двумя ручками (*37, 50*). У тагар орнаментированы края венчика и корпус (*51, 52*).

Найдены миски диаметром 30 *см*, стенки которых отходят от дна под некоторым углом и украшены волнистыми линиями (*68*). Новой по форме оказалась овальная миска диаметром 40 *см* (Джикиль) на четырех ножках (*71*). У нее имелась массивная, полуовальная, сферическая, покрытая узором крышка с вертикальной петлеобразной ручкой в центре. Узор на крышке состоял из двух рядов ямочек, соединенных косыми полосами. Это весьма редкая для Семиречья форма, прототип ее в виде миски на четырех ножках известен в оседлых поселениях Южного Казахстана предшествующего времени (I—IV вв.) [85]

К серии неизвестных ранее форм следует отнести ступкообразные сосуды (*38*), высота 12—17 *см*, диаметр шейки 15—17 *см*, диаметр дна 10—13 *см*. Их резервуар имеет вид опрокинутого приземистого конуса на массивном, суживающемся кверху поддоне с одним-двумя валиками на шейке или без них (*53, 54*). Иногда края резервуара немного загнуты. Аналогичные сосуды встречены в Семиречье в VIII—X вв.[86] Слегка выпрямив край сосуда, округлив корпус и сделав на нем венчик, ручку с выступом (верхний край которой находится в 1—2 *см* от устья), таразские мастера преобразовали эту форму в новый промежуточный вариант между ступкообразным и черпакообразным сосудом, неизвестный пока в соседних районах Средней Азии (табл. IV, *39, 40*).

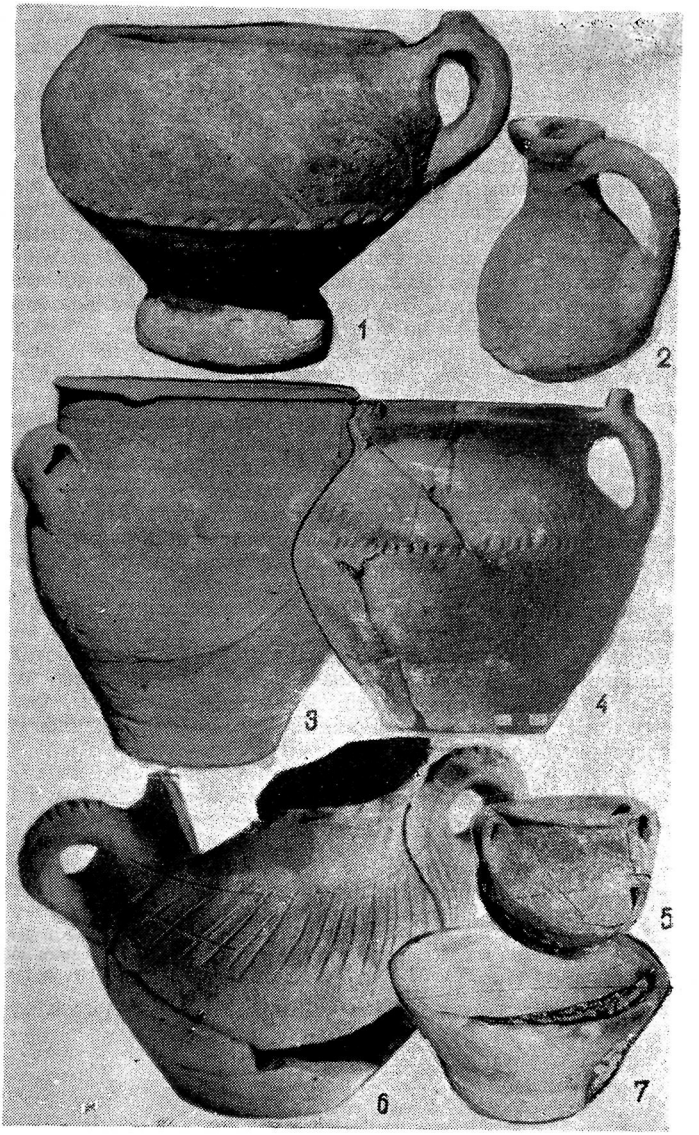
Убрав поддон и поместив на венчике носик, они выработали еще один вариант, который можно назвать «черпакообразным» сосудом (табл. IV, *55, 57*). Особенность этой формы состоит в том, что верхняя часть ручки отходит от венчика и, несколько возвышаясь над сосудом, имеет выступ-шишечку (табл. VII, *4*).

Произошли изменения и в орнаментации. Орнаментом теперь покрывали не только верхнюю, но и нижнюю часть тулова. Разнообразнее стали и формы сосудов в этой группе: от изящных кружечек до объемных кубков (табл. IV, *56, 58*). Исключение составляет один, у которого от носика отходят углубленные точки и полукружья, а венчик украшен извилистыми вмятинами. Над ручкой выступают пятна с прорезным узором в виде листиков (*59*).

---

[85] Н. П. Подушкин. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховьев реки Арысь (I—IV вв.). Сб.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 95, табл. 1, рис. 2.

[86] А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, стр. 128, табл. LXX.

1
2
3
4
5
6
7

Другой тип кринкообразных сосудов отличается симметричными ручками на боках и слегка отогнутым венчиком с прямоугольной муфточкой (*41, 63*). Пояски из ямок и арочек, косых насечек или клеточек и лощение сделали его нарядным (*42, 43, 60—62*; табл. VII, *3, 5, 6*).

Новыми по форме являются сосуды типа кувшина с двумя или одной ручкой по середине корпуса. Тулово в форме груши узким концом вниз или округлое с цилиндрической горловиной, завершающейся рельефным венчиком с пояском (*44, 45, 64*). В середине корпуса имеется отверстие, выделенное рельефным валиком, иногда с насечками, рядом расположена одна петлеобразная витая или плоская, как у котлов, горизонтально прикрепленная к корпусу ручка, реже — две подтреугольной формы. Тулово орнаментировано пальметкой цветка или бараньими рогами (*44, 45*). Судя по этнографическим параллелям, подобные сосуды в Средней Азии употреблялись как маслобойки [87]. Об этом же говорят и находки в городах и мелких поселениях округи Тараза (Джикиль, Нижний Барсхан).

Намного разнообразнее представлены крышки котлов, горшков, мисок, корчаг, хумов. При раскопках сосуды, закрытые крышками, зафиксированы всего три раза: на миске с бортиками вогнутая крышка (Джикиль, раскоп IV); на вазообразном сосуде крышка с загнутыми вверх краями (западный шахристан) (табл. IV, *41*) и на приземистом горшочке плоская крышка с петлей (*91*) (шахристан).

По форме крышки могут быть разделены на три группы: а) плоские, б) конические, в) вогнутые.

Крышки первой группы имеют петлеобразную ручку или ручку в виде столбика, верхняя часть которого бывает плоская, выпуклая и вогнутая (*72*). Сюда же следует отнести и группу плоских крышек с краями, примятыми пальцами (*92*).

Плоские крышки с ручкой-столбиком известны в Согде [88] и в Южном Семиречье (VII—VIII вв.) [89], а крышки с замятыми краями — в Чуйской долине [90], Ак-Бешиме [91] и Пянджикенте. Таразские крыш-

[87] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, т. XLII, М.—Л., 1959.

[88] В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960, стр. 154, рис. 6, 19.

[89] А. Н. Бернштам. Чуйская долина, табл. LIX, рис. 8.

[90] П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 31, табл. IV, рис. 2.

[91] В. И. Распопова. Указ. работа, стр. 154, рис. 5, 6; стр. 157, рис. 19.

Таблица VII. Керамика: *2, 3, 5—7* — из помещений юго-восточного шахристана Тараза; *1, 4* — коллекция Джамбулского областного музея.

ки ближе к семиреченским, их поверхность богато украшена орнаментом растительного и геометрического характера, выполненным от руки, резцом и резным штампом. Богатая орнаментация крышек, насчитывающая свыше 40 разновидностей узоров, ближе всего к орнаментации крышек юго-восточной окраины Тараза (VII—X вв.) и потому позволяет выделить их в местный, семиреченский вариант.

Вторую группу составляют конические крышки с ручкой в виде столбика или с ручкой, заканчивающейся налепами рогов (табл. IV, *108, 109*), что, с одной стороны, свидетельствует о возрождении старых традиций, с другой, сближает их с южносемиреченским типом зооморфных ручек, датированных VII—VIII вв.[92], и с пянджикентскими (VII—VIII вв.). Незначительное количество крышек с такими налепами в Таразе говорит о том, что, по всей вероятности, они были заимствованы из юго-восточной части Таразского оазиса и Чуйской долины, где были широко распространены с VII по X в.[93]

Третья группа крышек имеет приподнятые края и строгий прорезной орнамент из радиально расположенных по отношению к ручке полос (*73, 93, 110, 111*). В быту эта форма крышек была наиболее практичной, так как пригодна для различных сосудов со средним диаметром горла.

Эти крышки известны в поселениях Южного Казахстана еще с первых веков нашей эры[94], они не типичны для других районов Средней Азии данного периода, следовательно, их происхождение можно считать местным, семиреченским.

Изменилась и форма столиков-достарханов. Наряду со все еще бытовавшими столиками на трех ножках, в том числе и алебастровыми (первая группа, *112*), появились столики на дисковидном коническом поддоне (вторая группа, *94*). Особенно распространились алебастровые столики на трех ножках в Кафыр-кале, на Ак-Бешиме[95] и Западной Фергане (VI—VIII вв.)[96], Согде (VI—VIII вв.), в юго-восточной округе Тараза (VIII—IX вв.)[97]. Они, как отмечено В. И. Распопо-

---

[92] А. Н. Бернштам. Чуйская долина, стр. 118, табл. LVII, LVIII; В. И. Распопова. Гончарные изделия Чуйской долины. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV. М., 1960, стр. 157.

[93] М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе 1 у с. Орловки. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 114—124, рис. 9; П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. Там же, стр. 151, табл. II; А. Н. Бернштам. Чуйская долина, стр. 118.

[94] Т. Н. Сенигова. Поселение Актобе. В сб.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 71, рис. 14, *1*.

[95] В. И. Распопова. Указ. работа, стр. 154, рис. 5.

[96] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Труды АН ТаджССР, т. XXXV, Сталинабад, 1955, стр. 151.

[97] П. Н. Кожемяко. Указ работа, стр. 151, табл. II; В. И. Распопова. Указ. работа, стр. 153, 154, рис. 5, *1*.

вой, берут свое начало от трехногих столиков сарматского времени. Находки их во втором слое Тараза (II—IV вв.) подтверждают высказанную мысль и позволяют говорить о генетической связи с предшествующей культурой. Вместе с этими столиками следует рассмотреть и полуовальной формы столик, плоский верхний диск которого лежал на четырех низеньких ножках (*74*). По форме столик напоминает овальные сакские каменные столики на ножках, семиреченские бронзовые светильники — «алтари» и деревянные столики усуней Таласской долины (I—V вв.) [98], у которых они и были заимствованы.

Больших размеров столики на ножках найдены А. Н. Бернштамом в Семиречье [99]. Они, как и рассматриваемые столики Тараза, отличались от «акбешимских и большинства согдийских орнаментацией на нижней стороне» [100].

Вторую группу составляют столики, массивные диски которых диаметром 70 *см*, имеют прямые, но чаще загнутые вниз края и покоятся на дисковидной, в виде усеченного конуса чаше (высота 10—12 *см*, диаметр 12—25 *см*) (*б*). Нижняя поверхность их также богато украшена орнаментом, что характерно для локального варианта Таласской долины. Данная форма столиков оказалась ведущей для этого и последующего периодов. Столики на поддоне в виде чаши весьма распространены в Семиречье в VIII—X вв.[101], на северных склонах Каратау в VIII—IX вв.[102] Исключением в этой группе является столик (Джикиль) в виде миниатюрного диска, конусовидная подставка которого оформлена рельефными колонками. Мы не нашли ему аналогий в сопредельных районах и поэтому считаем местным, семиреченским (табл. IV, *94*).

К бытовой утвари, не претерпевшей изменений, вместе с кухонными горшками следует отнести и известные уже в нижних слоях Тараза сковородки (диаметр 8—12 *см*) с примятыми пальцами краями и вытянутыми вверх (высота 2—3 *см*) бортиками (*75, 76*). В юго-восточной части Таразской округи они зафиксированы одновременно с другими изделиями в слоях VII—X вв.[103] Разновидностью этой группы изделий являются дисковидные тарелочки с невысокими пологими или прямыми бортиками (Барсхан, Джикиль). Для них ха-

---

[98] И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. Сб.: «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 43.

[99] А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, табл. LXXIII.

[100] В. И. Распопова. Указ. работа, стр. 153.

[101] А. Н. Бернштам. Указ. работа, табл. LXXI, LXXII, LXXIV, *1, 6*.

[102] Е. И. Агеева. Общий обзор находок. Сб.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 192, рис. 55.

[103] М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе I у с. Орловки. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, рис. 9, 16—19.

рактерно покрытие внутренней поверхности вдавленным, прочерченным и штампованным орнаментом (*78*) и отличное от сковородок функциональное назначение. По всей вероятности, они предназначались для подачи к столу угощений.

Своеобразной формой посуды, генетически связанной с предшествующей, являются жаровни (*95, 113*). Обычно это большого диаметра (23—40 *см*) сосуды с низкими краями (высота 6—10 *см*). Дно тонкое, закраины толстые. Они отличаются друг от друга размером и формой бортиков. Бортики бывают прямые с закругленным краем, плавно отогнутые наружу или внутрь. Эта посуда сделана из грубого, зернистого, легко крошащегося теста. Кроме того, на ее внешней поверхности иногда имеется орнамент в виде параллельных полос, налепов. Копоть на внутренней стороне некоторых экземпляров позволяет предположить, что в них держали тлеющие угли и употребляли как переносные очаги. По форме эти сосуды приближаются к ташкентским [104], южноказахстанским [105], семиреченским [106] (VI—VIII вв.).

Наряду с широко бытовавшими ранее сосудами появились новые — копилки (5 экз.). По форме они (*112*) напоминают маленький кувшинчик, у которого вместо горловинки сделано овальное прорезное отверстие. К новым сосудам относятся и кружки. Первый тип составляют кружки со слегка суживающимся кверху и более низким, чем корпус, горлом (диаметр 5—6 *см*) с кольцевой ручкой, помещенной на линии соединения корпуса и горла. Горло отделено от корпуса уступчиком (*96*). По форме они ближе всего к кружкам Ак-Бешима и Согда (VII—VIII вв.) [107].

Кружки второго типа с цилиндрическим или слегка расширяющимся вверх туловом. В нижней части корпуса снаружи имеется уступ (*79, 81*). Петлевидная ручка прилеплена к уступу концами. Встречаются и ручки, прикрепленные одним концом у края сосуда, другим — на корпусе (табл. IV, *80, 98, 99*; табл. VIII, *4, 5*). Как отмечено Л. И. Рempелем [108], эти кружки близки к кружкам, изображенным на каменных изваяниях, а также к серебряным кружкам из курганов Чаатаса. Действительно, чуть поднятые накладки со срезанными на-

---

[104] А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента. Труды Института истории, археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 117.

[105] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1956, стр. 173.

[106] П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 29, табл. 3, рис. 1—4; стр. 30.

[107] В. И. Распопова. Гончарные изделия Чуйской долины, стр. 147, рис. 2, *1, 2*.

[108] Л. И. Рempель. Некрополь древнего Тараза. КСИИМК, вып. LXIX, 1957, стр. 104—105.

подобие тупого угла концами и узорами в виде елочки и косых насечек на ручке, а также форма сосудов весьма сближают данный тип кружек с металлическими. Возможно, что они, как и согдийского типа кружки, имели общий прототип и более близки к кружкам из соседних районов, в частности к акбешимским [109] и чаатасским, чем согдийским.

Значительные изменения претерпели и светильники. Наряду с существующей ранее формой светильников на цилиндрической ножке с полыми подставками и рельефными валиками у основания появились новые: а) светильники с чашеобразным резервуаром на трех или четырех ножках (Джикиль, Тараз, Нижний Барсхан) [110] (табл. IV, *82—102*; табл. VIII, *6, 7, 8*); б) массивные светильники на полом коническом поддоне (табл. IV, *103—105*), иногда украшены по краю чашеобразного резервуара округлыми выемками (*85*) (Джикиль); в) светильник в виде небольшой плошки (*106*) (шахристан, Тараз), абажуром или фонарем служил глиняный футляр в виде юрты; г) открытый светильник ладьевидной формы с объемным резервуаром, вытянутым носиком и петлеобразной ручкой (*89*) (Джикиль). Этот тип, приобретя стройность и уменьшившись в размерах, затем на протяжении четырех столетий оставался ведущим типом поливных осветительных приборов в Средней Азии и Казахстане; д) светильник с четырьмя рожками на поддоне (*128*).

В этот период увеличилось и производство облицовочных плиток с зубчатыми парапетами, с горельефными балясинами, ступенчатых плиток с прорезями, дисковидных с пятилепестковыми пальметками, крестовидными узорами и вихревой розеткой (Тараз). Как было отмечено, значительного развития в этот период достигли и другие ремесла, в частности кузнечное.

О высоком уровне кузнечного ремесла свидетельствуют изделия из железа и бронзы, выполненные путем ковки и литья. Они представлены предметами вооружения и хозяйства. Среди предметов вооружения нужно назвать прежде всего наконечники трех групп стрел.

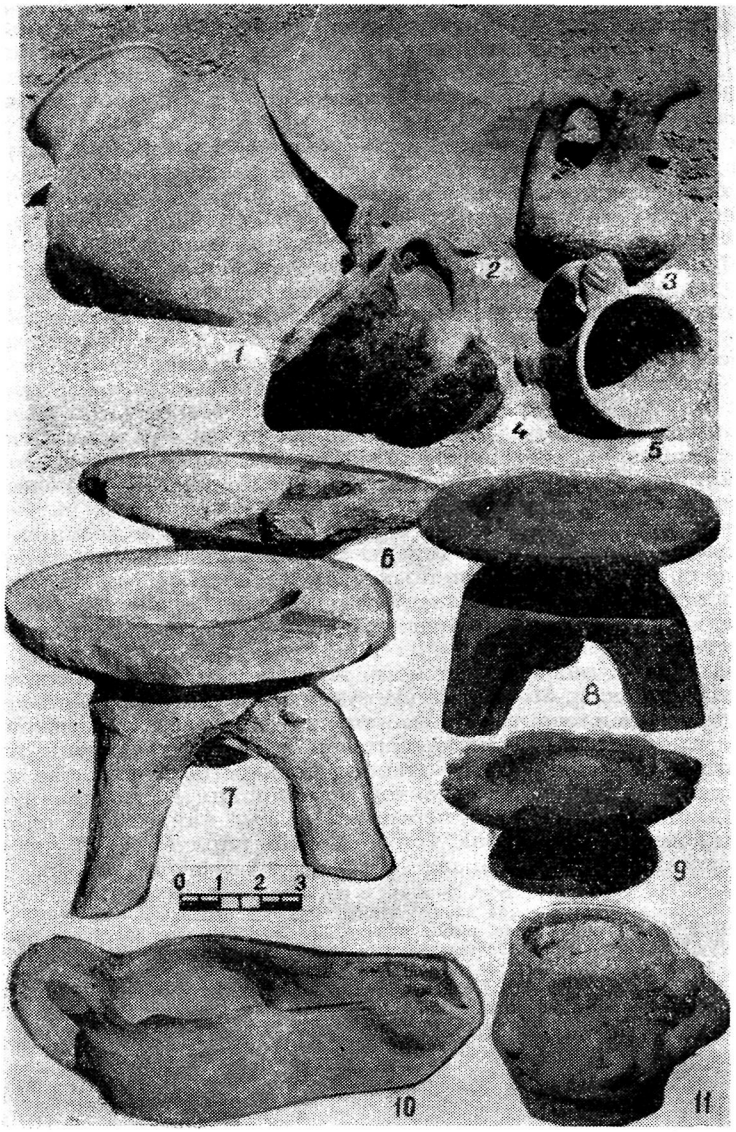
К первой группе следует отнести мелкие трехлопастные наконечники стрел с треугольной головкой и приподнятым основанием лопастей (длина головки 4 *см*, черешка — 5 *см*), найденные: одна у стены западного рабада Тараза, три в кургане карлука у ст. Ак-Чулак и в юго-восточной округе Тараза [111] и две в кургане на р. Кенкол

---

[109] В. И. Распопова. Указ. работа, стр. 147.

[110] Т. Н. Сенигова. Осветительные приборы Тараза и связь их с культом огня. СА, 1968, № 1, стр. 215.

[111] М. А. Бубнова. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX—XII вв.. Сб.: «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 239.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
0 1 2 3

(VI—X вв.)[112]. У стрелы из Тараза нижние части лопастей имеют маленькие отверстия, вследствие чего стрела летела со свистом (*88*). К этой же группе надо присоединить и две массивные трехлопастные стрелы (длина пера от 4 до 9 *см*) с опущенными лопастями, обнаруженные в карлукском кургане[113]. Аналогичные крупные трехлопастные стрелы известны в Фергане в слоях VI—VIII вв.[114] Заметим, что в Средней Азии стрелы с крупными наконечниками становятся массовым оружием несколько раньше, чем в Поволжье. На это указывает А. И. Тереножкин, говоря, что в Средней Азии «крупные трехлопастные наконечники появляются в первых веках нашей эры»[115], а в Поволжье — во II—IV вв. Наличие подобной формы стрел в Ворухском могильнике и в Пянджикенте позволило исследователям прийти к заключению, что в Средней Азии такие наконечники доживают до VII—VIII вв.[116]

Во вторую группу входят четырехгранные наконечники стрел (2 экз.). Одна обнаружена в помещении 2 (юго-восточный шахристан, раскоп I, 1961), другая в том же карлукском кургане у ст. Ак-Чулак. Головки наконечников в сечении имеют вид четырехугольника (2×2 *см*). Аналогичной формы стрелы известны в Фергане в комплексе с материалами VI—VIII вв.[117] и в кимако-кипчакских могильниках Прииртышья (VII—IX вв.)[118].

Третью группу составляют пулевидные наконечники стрел, найденные в том же помещении 2 и помещении 3 (юго-восточная округа Тараза, Джикиль). Они имели очень короткую, отделенную от черешка головку (*90*).

---

[112] Д. Ф. Винник. Тюркские памятники Таласской долины. Сб.: «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 90, рис. 16, *4*.

[113] А. Г. Максимова. Средневековые погребения Семиречья. Сб.: «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968, стр. 148, табл. II, рис. 6, 7.

[114] Г. А. Брыкина. Юго-западные предгорья Ферганы в IV—XII вв. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Архив Института археологии АН СССР, № р2—3034.

[115] А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента. МИА, № 15, 1950, стр. 92.

[116] Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1963, № 2, стр. 84.

[117] Г. А. Брыкина. Указ. работа, стр. 54.

[118] Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, табл. между стр. 100, 101, рис. 23; Б. А. Литвинский. Указ. работа, стр. 90.

Таблица VIII. Керамика шахристана Джикиля: *1* — кринка; *2* — миска; *3* — кувшин; *4, 5, 11* — кружки; *6—10* — светильники.

Наконечники подобных форм встречены в курганах Средней Азии и Казахстана (VI—VIII вв.). Добытые в Таразе, в замках округи (Джикиль) и в курганных комплексах наконечники стрел, а также данные об Аниковском блюде позволяют заключить, что городскому, сельскому и кочевому населению округи были известны все три типа железных черешковых наконечников стрел: крупные трехлопастные, четырехгранные, пулевидные. Судя по разнообразию этих форм, тюркско-карлукское оседлое население Таразской округи владело довольно усовершенствованной для того времени техникой изготовления холодного оружия.

Б. Литвинский с появлением крупных трехлопастных стрел связывает не только распространение нового типа сложносоставного лука, но и нового типа доспехов. В этом плане весьма любопытны пластины, найденные у костяка, извлеченного из верхних слоев цитадели Нижнего Барсхана. Пластины (16 шт.) слегка изогнутые, массивные, шириной 4—5 *см*, длиной до 24 *см*. Они защищали тело воина от стрел и другого оружия. Более усовершенствованные пластинчатые доспехи изображены у всадников на Аниковском блюде.

Находка в курганных комплексах юго-восточной округи вместе со стременем [119] железного [120] двулезвийного меча свидетельствует о том, что воины были вооружены не только стрелами, но и мечами.

Всадники с Аниковского блюда (VII—IX вв.) [121] имели и еще одно холодное оружие типа палицы или булавы.

Кроме предметов вооружения изделия кузнецов в слоях шахристана Тараза представлены прямоугольными пряжками (табл. IV, *108*) с подвижным язычком (*111*), гвоздями с массивными шляпками (*136*), угольниками для скрепления деревянных конструкций, длинными ножами с прямой или несколько сгорбленной спинкой и выделенным уступом черенком (*139*), запорами для дверей в виде массивных длинных (до 30 *см*) стержней, крепившихся посредством скоб. Помимо внутренних запоров изготовлялись и наружные, о чем свидетельствует наличие в помещениях шахристана Тараза ключей в виде длинных стерженьков, один конец которых заканчивался прямоугольной лопаточкой, другой двумя зубчиками (*141*). Широко использовались ручки в виде массивных железных колец (диаметром 6 *см*), вделанные в дверь с помощью скобообразной петли. Несомненно, что наличие таких значительных по назначению и количеству предметов

---

[119] А. Г. Максимова. Указ. работа, табл. II, рис. 11, 12, 13.

[120] Д. В. Винник. Тюркские памятники Таласской долины, стр. 90, рис. 16, *4*.

[121] Н. Забелина, Л. И. Рempель. Согдийский всадник. Ташкент, 1948, стр. 10, рис. 3.

говорит о довольно высоком уровне развития кузнечного ремесла в Таразе в рассматриваемый период.

Изделия из бронзы очень разнообразны. Это бубенчики с петелькой для подвешивания и прорезью у основания (*126*), ложка (фрагмент), вилка, кольца, перстень со щитком, концевая накладка на пояс (*109*), а также небольшие прямоугольные пряжки с прямоугольным отверстием вдоль одной из длинных сторон (*108*), а на оборотной стороне с двумя — четырьмя штырями для прикрепления. Подобные пряжки широко известны в Пянджикенте [122], Ак-Бешиме [123] и Фергане [124] (VI—VII вв.), а накладки и бубенчики — в кимако-кипчакских комплексах Прииртышья (VII—IX вв.) [125].

Комплексы материала сопровождались монетами тюргешского круга и одной китайского образца (Джикиль).

Две из монет тюргешского круга малого диаметра (20 *мм*, вес 1,7—2,5 *г*) имеют надпись на аверсе уйгурским шрифтом «вау — вау» (*133*). Такого типа монеты встречаются реже в слоях Тараза, чем монета, найденная на шахристане Тараза (диаметр 2,53 *мм*) с надписью «Türgas gagan» и дугообразной тамгой.

Как установлено А. Н. Бернштамом, этого типа монеты чеканились в период могущества тюргешей, т. е. с 704 по 766 г., когда ставка их находилась в г. Таразе на р. Талас. Что касается монеты, найденной в Джикиле и выбитой по китайскому образцу, то одна сторона ее не имеет никаких знаков (*134*), а на другой стоит четыре иероглифа (рис. 21). Вероятно, такие монеты являлись весьма редкими типами в Таразе и чеканились в 626—779 гг.[126] В связи с находками тюргешских монет А. Н. Бернштам высказал предположение о наличии в Таразе монетного двора тюргешей [127]. В 766 г. здесь поселились карлуки, господствовавшие в Семиречье до 840 г.

Мнение ряда исследователей о хождении этих монет при карлуках подтверждает уже данную датировку IV строительного периода — VIII—IX вв.

---

[122] В. И. Распопова. Поясной набор Согда VII—VIII вв. СА, 1965, № 4, стр. 88.

[123] Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953 и 1954 гг. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 216, рис. 45.

[124] Г. А. Брыкина. Указ. работа, стр. 176.

[125] Ф. Х. Арсланова. Указ. работа, табл. между стр. 100, 101, рис. 76, 186.

[126] Л. Р. Кызласов, И. О. Смирнова, А. М. Щербак. Монеты из раскопок Ак-Бешима, 1953—1954 гг. «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XVI, М.—Л., 1958, стр. 528.

[127] А. Н. Бернштам. Тюргешские монеты. Труды Отд. истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, т. II, 1940, стр. 109; О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пянджикент. (Материалы 1949—1955 гг). М., 1963, стр. 122, 123, рис. 30, 31.

Весьма значительные успехи были достигнуты местным населением в деле разработки полезных ископаемых Тараза, и особенно в городах юго-восточной округи: Шельджи, Куле, Сусе [128].

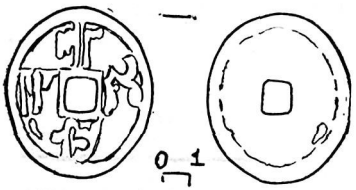

Рис. 21. Бронзовая монета с городища Джикиль.

По всей вероятности, мастера, изготовлявшие железные и бронзовые изделия, а также монеты, работали в описанных производственных комплексах на шахристане Тараза [129]. Им принадлежал и найденный в одном из юго-восточных помещений шахристана глиняный кувшин, наполовину заполненный железной крицей. Обнаруженные в западной части Тараза железный тигелек диаметром 2,5 *см*, высотой 3,5 *см* (рис. 22, *3*), золотое кольцо диаметром 1,5 *см* (рис. 22, *2*), золотая сферическая бусина из двух половинок, соединенных плетеной тесемочкой (рис. 22, *1*)[130], свидетельствуют о том, что жители шахристана Тараза в совершенстве овладели изготовлением не только бронзовых и железных, но и ювелирных изделий из золота и серебра.

Занимавшаяся изучением рудной области Шельджи М. А. Бубнова отмечает, что встреченные на месторождениях (Узун-Вали, Текели) изделия из железа, свинца и серебра указывают на то, что в этой части округа велась разработка полезных ископаемых еще до IX в., на основе чего здесь в X—XII вв. и возникли центры разработки серебро-свинцовых руд в средневековье [131].

О распространении ткачества свидетельствует одна из самых частых находок в Таразе и в усадьбах его округи, столь же обычная, как и обломки глиняной посуды,— пряслица. Они встречены на цитадели, в шахристане и почти во всех жилых помещениях усадеб. По всей вероятности, пряли и ткали в каждой семье. Обычная форма пряслиц — это плоские кружочки толщиной 0,2—0,4 *мм* с отверстием в центре (2—3 *см*). Как правило, они сделаны из глины, реже из камня.

О занятии жителей обработкой кости говорят такие находки, как отпиленные рога, зашлифованные и распиленные ребра, надрезанные «альчики», зашлифованные челюсти крупных животных, рукояти пле-

---

[128] М. А. Бубнова. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX—XII вв. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963.

[129] Спектральный анализ (№ 980), давший свинец в каплях из ямок, сделан ст. инженером ИГН АН КазССР Горовых.

[130] Коллекция Джамбулского областного музея.

[131] М. А. Бубнова. Указ. работа, стр. 238.

ток *(131)*, пуговицы, цилиндрики для колыбели *(129—130)*, изящные гребешки *(127)*, проколки, застежки от кафтанов. Все они обнаружены в жилых помещениях шахристана Тараза и окружавших его усадьбах. Необходимо отметить, что последняя категория костяных предметов покрыта орнаментом в виде различных сочетаний кружков.

Большой интерес представляет найденное в жилом помещении шахристана Тараза костяное изделие в форме цилиндрика (длина 6,5 *см*, диаметр 1,2 *см*) с заостренным концом. На конце имелся углубленный кружковый орнамент, который по размеру соответствует кружкам, нанесенным на пуговицы и рукояти ножей. Это позволяет предположить, что указанный предмет был инструментом костореза.

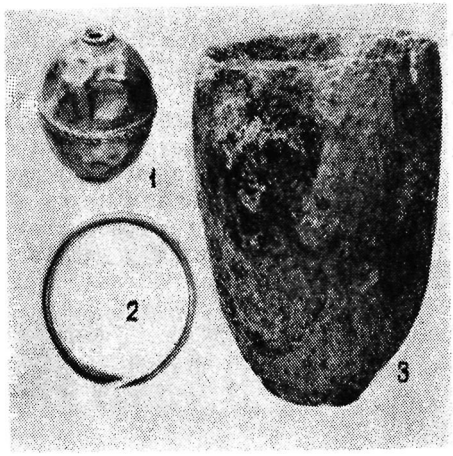

Рис. 22. Предметы из западного рабада № 3. *1* — золотая бусина; *2* — золотое кольцо; *3* — бронзовый тигель.

Каменные изваяния (табл. IV, *119—123*) и жернова *(124, 125)* служат доказательством того, что население округи имело своих скульпторов и резчиков по камню. По манере исполнения удивительно выразительны и объемны скульптурные изображения Урнекского клада. Они выполнены техникой скалывания камня. На предмете делались выемки, валики, рельефы, части лица, головные уборы, одежда, оружие.

Наличие в 40 *км* восточнее Тараза грандиозного фундамента недостроенного архитектурного ансамбля, известного под названием Тасакыра, сложенного из обработанных красных каменных, квадратной формы блоков, свидетельствует о том высоком мастерстве каменотесного дела, которого достигли в тот период мастера Семиречья.

Рунические надгробные надписи на валунах, как и наскальные изображения в юго-восточной части округи, говорят и о другой технике обработки камня местными мастерами.

Процесс сложения феодальных отношений, отразившийся на общем подъеме экономики городов Таласской долины и развитии ремесел, не мог не повлиять на развитие основных отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства.

Земледелие. Физико-географические условия местности определили основное направление развития хозяйства жителей Тараза и его округи.

Так, северо-западные районы округи, обильно орошаемые водами текущих с гор речек, а также жаркий климат края предрасполагали к занятию земледелием. Эта территория была и хорошим пастбищем.

Изучение оседлой культуры усуней Семиречья, в том числе и усуней Таласской долины, дало основание предположить, что уже с I по V в. усуни имели определенные знания в области земледелия: умели выбирать земли, удобные для орошения, знали о значении солнечной активности в период вегетации растений, о трассировке русла арыков для самотечной подачи воды в горной местности [132].

Исследованные материалы Тараза и ряда городов северо-западной части округи: Нижний Барсхан, Джикиль, Чуль-тепе, Кош-тобе рассматриваемого периода позволили прийти к выводу, что одной из распространенных находок в усадьбах округи и в культурных толщах жилищ шахристана Тараза являются жернова (диаметр 35—80 *см*, толщина 4—6 *см*) с отверстием для рычага 2—3 *см* (*124*, *125*). О сравнительно долгом их употреблении свидетельствуют сильно стертые поверхности рабочей части. Вместе с жерновами в памятниках округи (Джикиль, Чуль-тепе) встречались и зернотерки (длина 13—15 *см*). Но зернотерки и жернова — это только орудия переработки готовых продуктов земледелия, поэтому говорить о его распространении можно лишь при находках самих орудий обработки земли — мотыг, сох, серпов. Такие предметы обнаружены на изучаемой территории, как, например, железный наконечник лемеха в Таразе [133]. Он литой, имеет подтреугольное очертание рабочей части и две выемки на поверхности (*138*), а внутри полое отверстие для насаживания на деревянный стержень сохи (высота 15,6 *см*, ширина 12 *см*). Наличие массивных лемехов в Таразе свидетельствует о том, что этот тип орудия, доживший в Казахстане до коллективизации [134] в виде деревянной сохи, имел широкое распространение как основное пахотное орудие обработки полей и у населения Таразского округа в рассматриваемый период.

---

[132] К. А. Акишев. *О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней* Семиречья. Сб.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 73.

[133] Коллекция Джамбулского областного музея.

[134] Э. А. Масанов. Кузнечное и ювелирное мастерство в казахском ауле (вторая половина XIX — нач. XX в.). Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12, 1961, стр. 153, рис. 3; Экспозиция музея археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, № 332.

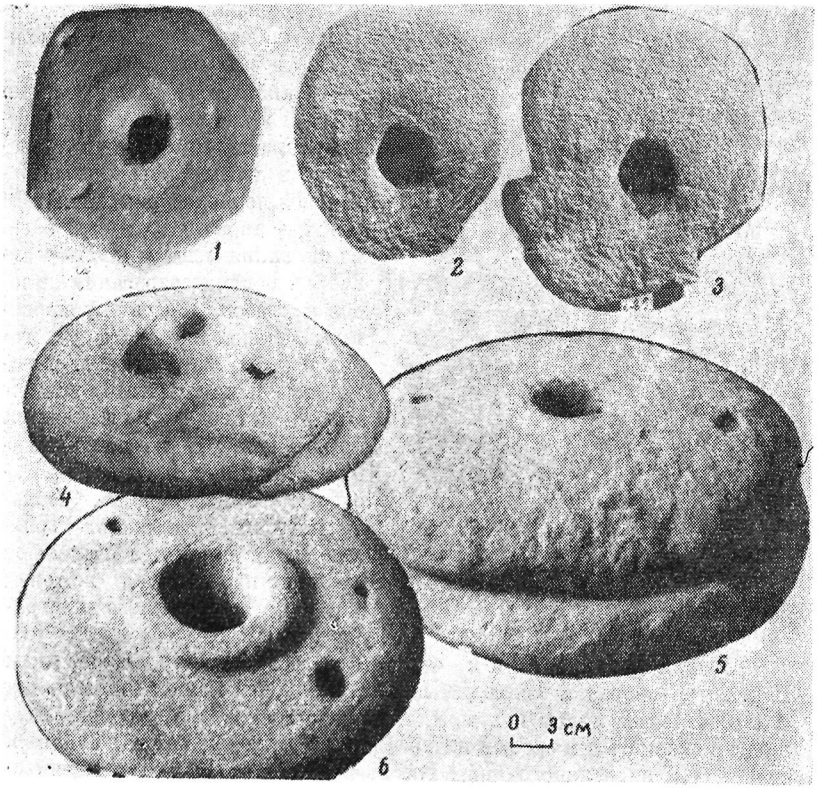

Таблица IX. Диски жерновов из культурного слоя Тараза и крепостей округи: *1, 5* — юго-восточный шахристан Тараза; *2* — Джикиль (помещение 5); *3* — Нижний Барсхан, шахристан, помещение 3; *4* — Урнекский клад, восточная округа Тараза; *6* — северная часть шахристана Тараза.

Находка массивного железного серпа с горбатой спинкой, заостренным концом и загнутой рукоятью в жилом помещении юго-восточной части шахристана Тараза (*140*) и железной крицы на дне глиняного сосуда — не только доказательство наличия земледелия и выращивания посевов жителями Тараза и его округи, но и того, что кузнецы Тараза сами изготовляли эти изделия. Земледельческое направление хозяйства жителей усадеб подтверждается и данными

письменных источников, повествующих о том, что до 751 г. от «города Да-ло-сы (Талас.—*Т. С.*), который являлся большой крепостью Шиго (Ташкента), до Западного моря... с III до IX месяца не бывает дождей, а для полива полей пользуются снеговой водой» [135].

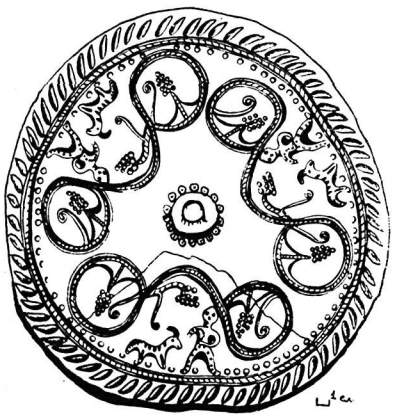

Рис. 23. Фрагмент крышки от сосуда.

Наиболее активное таяние снега и в настоящее время в горах Таласского Алатау происходит в два важные для земледельцев периода: ранней весной (март — апрель) во время засевания полей и летом (июль —август) в период созревания плодов и хлебов. «Здесь произрастают ячмень, пшеница, рис, горох и бобы. Жители пьют виноградные и конопляные вина и айран» [136]. Сведения письменных источников, а также обнаруженные в жилищах шахристана Тараза, в его пригородных усадьбах и городах Джикиль, Чультепе зерна винограда позволяют говорить и о занятии жителей наряду с земледелием виноградарством.

О наличии виноделия в округе, и в частности в Нижнем Барсхане, говорят и приводимые материалы раскопок помещения с алебастровым полом и хумом, т. е. мастерской по производству вина. В связи с этим особый интерес представляют узоры на глиняных столиках в виде виноградных гроздьев и лоз, а также найденные здесь же фрагменты несколько округлой формы крышки глиняного сосуда с весьма рельефным орнаментом. Центральной фигурой композиции являлся человек, ведущий барана. Все изображение обвито виноградной лозой с висящими на ней гроздьями винограда (рис. 23).

Скотоводство. Поймы рек Таласа, Арыси, Курагоита, Каракола, Учкарой и пески северных районов округи Муюнкумы, покрытые богатой степной и полупустынной растительностью, были хорошими пастбищными угодьями. Физико-географические и климатические условия давали возможность для круглогодичного содержания скота

[135] Ю. А. Зуев. *Китайские источники о Суябе.* «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, вып. 3(14), стр. 93.

[136] Там же.

на подножном корму, что практикуется в Джамбулской области и в настоящее время. Большое количество костей домашних животных, найденное как при раскопках жилых помещений цитадели и шахристана Тараза, так и городов округи (Джикиль, Нижний Барсхан, Куль), свидетельствует о развитом скотоводстве. Так, в Таразе обнаружены в основном кости овец (55%) и крупного рогатого скота (25%) [137]. В результате изучения костных остатков V слоя (VI—VIII вв.) Тараза В. Карачаровский сделал вывод о содержании в районе Тараза больших стад мелкого рогатого скота [138].

Данные по городу Кулю (VII—X вв.) показывают, что стада в нем состояли из крупного рогатого скота (33,87%), лошадей (32, 26%), овец (27,4%) [139]. Таким образом, если в северо-западных районах Таразской округи занимались разведением мелкого рогатого скота (овец), то в юго-восточной округе — в основном разведением крупного рогатого скота и лошадей. Наличие специфических форм сосудов — маслобоек в городах округи Тараза, а также упоминание о том, что жители пьют айран, говорит о переработке молока, не только коровьего, но и овечьего. Это свидетельство той большой роли, которую играло скотоводство в жизни населения. Определенное значение в хозяйстве имела и охота, что подтверждают найденные кости диких козлов, кабанов, зайцев, лисиц (Джикиль), а также наскальные изображения замаскированного охотника с луком [140]. Местами охоты были горы Таласского и Киргизского Алатау, а также степи северной части округи.

На зарождение феодального строя в городах Таласской долины оказали влияние и издавна сложившиеся торговые связи с карлукокипчакскими племенами.

Это подтверждается и общностью материальной культуры Тараза и городов его округи (наконечники стрел, накладки на пояс, колокольчики) с карлуко-кипчакской культурой соседних районов (курган около ст. Ак-Чулак) и Прииртышья, что говорит не только о тесных контактах скотоводов и земледельцев, но и о том значительном вкладе, который внесли соседние племена в развитие городской культуры.

Разнообразие форм бытовой утвари, появившейся в этот период (котлы с большой сферичностью корпуса, кувшины с зооморфной формы горловиной, кружки с округлым корпусом, столики, ступкообразные сосуды и производные от них формы, чайникообразного типа сосуды, светильники на поддоне и на ножках, плоскодонные массивные

---

[137] Определение ст. н. с. Института зоологии АН КазССР Б. Кожамкуловой.

[138] См. Труды САЭ. Алма-Ата, 1949, стр. 200.

[139] М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе 1 у с. Орловки. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 137.

[140] В. М. Гапоненко. Наскальные изображения Таласской долины». Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 11.

котлы с двумя ручками), а также богатая их орнаментация, характерная для кожаных, деревянных и кошемных изделий кочевников, указывают на то воздействие, которое оказывали карлуко-кипчакские племена на развитие гончарного искусства Тараза и городов его округи.

Возросшая торговля различными изделиями, имевшими спрос как в среде городского населения, так и у кочевых племен, способствовала развитию экономики городов, выделению домашнего гончарного производства в отрасль гончарное ремесло, а следовательно, и развитию феодальных отношений. Это объясняется не только усилением власти карлуков в городах, но и той главенствующей ролью, которую стала играть в результате торговых связей столица «страны тюрок» — Тараз. Наличие этих связей подтверждается и тем, что многие города Таразского округа были превращены в города-ставки и основные торговые пункты обмена. Некоторые из них использовались для торговли лишь периодически, во время ярмарок. Так, например, в Дих-Нуджикете, опустевшем после завоевания его Исмаилом ибн-Ахмедом в 893 г., торговали только весной, в то время как в Таразе у рабадов существовали постоянно действующие базарные площади.

Торговля возросла не только вследствие притока в города карлуков и кимаков, но и, как указывают источники, вследствие посещения города купцами разных стран. У стен Тараза звучала персидская и арабская речь.

О торговых связях говорят и терракотовые изделия — головка Диониса и торс Анахит (*118*), а также изделия, украшенные орнаментами с изображением львов в сочетании с луной и солнцем, бухарские монеты (*132—135*), широко распространенные в соседних районах Согда.

Иначе говоря, Тараз в Семиречье в рассматриваемый период был, с одной стороны, центром карлуко-кипчакской культуры, в гончарном искусстве которого продолжались древние традиции материальной культуры, присущей кангюйско-усуньским племенам, а с другой — связывающим звеном с оседлоземледельческой культурой Средней Азии: Согда, Чача, Ферганы и городов Чу-Таласского междуречья.

Если первое положение нами уже подтверждено, то второе наиболее убедительно доказывается общностью некоторых видов керамических изделий (светильников на полом поддоне; кружек, подражающих формам предметов из металла; чаш с уступом; дисковидных столиков на трех ножках; дисковидных крышек с защипами у краев; хумов с муфточкой на венчике).

Таким образом, постепенно складывались отношения, способствующие формированию феодального строя.

Ранее приводимое сообщение Нершахи о восстании земледельческого населения Бухары против богатых и правителя Абруя заставляют нас обратить внимание на следующее весьма важное событие. Это упоминание о том, что дихкане и купцы бежали из Бухары в районы Тараза.

С одной стороны, оно свидетельствует о начавшемся в Средней Азии процессе расслоения общины, вынудившем богатых покинуть свои земли, с другой — о наличии в округе Тараза трех социальных прослоек: земледельцев-дехкан, купцов-торговцев, а следовательно, и зависимых от них членов общины.

Это же говорит об усилении в Таразской округе процесса феодализации, связанного с закреплением феодальной земельной собственности за отдельными лицами. Нершахи сообщает, что бежавшие из Бухары к Таразу дихкане и купцы основали город и назвали его в честь «великого дихкана» — Хамукетом. Город вельможи Хамука и явился его частным феодальным поместьем.

Не менее важным фактом для понимания социально-экономических процессов и формирования феодальных отношений является происшедший в тюркском государстве в VI—VIII вв. распад больших округов на многочисленные мелкие владения. Это подтверждает Сюань Цзянь который пишет, что к западу от Суяба (что соответствует месторасположению городов Таласской долины) было несколько десятков городов, в каждом из них был свой начальник, независимый от других, но, однако, все начальники подчинялись тюркам.

Топография Тараза и заселение его округи проливает некоторый свет и на вопросы, связанные с процессом феодализации и закрепления земельной собственности за отдельными лицами.

Чтобы в какой-то степени выяснить связь, существовавшую между Таразом и окружающими его городами и крепостями в социально-экономическом и политико-административном плане, обусловленную процессом зарождения феодальных отношений, мы познакомились с письменными источниками о Самарканде и Бухаре. Из них ясно, что Самарканд в VI—VIII вв. был столицей Маверанахра. Расположенные же вокруг него города и крепости объединяли 12 отдельных волостей [141].

Окрестности Бухары также делились «на 22 волости, из которых 15 находились внутри длинных стен, вне стен было еще семь волостей». Причем такое крупное селение, как Тававис, находилось в 7—8 фарсахах от города, т. е. на расстоянии 50 *км*.[142]

---

[141] В. В. Бартольд. Соч., т. I, М., 1963, стр. 144.
[142] Там же, стр. 149, 163.

Подобным образом заселяли округ Ферганы, о которой пишет в своей работе Г. А. Брыкина [143]. По данным письменных источников, недалеко от Ферганы было 6 городов-оазисов, всего же в Ферганской долине было около 1000 городов, вокруг которых имелись отдельные феодальные владения, впоследствии названные рустаками.

Такое же явление происходило и в округе Кувы, которая уже в середине 1 тысячелетия была крупным центром с развитой системой обороны города и округой, включавшей отдельные замки-кешки [144].

Вполне вероятно, что такое политико-административное устройство было и в Таласской долине.

Данные источников о том, что Дих-Нуджикет (отождествленный с развалинами Бек-Тобе у поселка Кара-Кемер [145]), расположенный в 7—8 фарсахах западнее Тараза, до похода Исмаила саманида на Тараз «был большим городом, но когда Исмаил ибн-Ахмед завоевал этот округ, он опустел» [146], показывают, что этот город, находясь примерно в 50 *км* от Тараза, еще до 893 г. был довольно значительных размеров и являлся столичным городом одной из сельскохозяйственных волостей, подчиненных в свою очередь Таразу.

При обследовании этой территории выявлены остатки стен и крупной ирригационной системы, орошавшей земельные угодья, с которых, как и в землях Самарканда и Бухары, в Тараз доставлялись продукты земледельческого труда. Территория 14—18 *км* южнее Тараза была занята не менее крупным, чем Нуджикет, городом, известным в источниках под названием Джувиката. Вокруг него располагались также усадьбы.

Можно полагать, что и этот город вместе с рассредоточенными вокруг него крепостями являлся центром одной из сельскохозяйственных волостей.

Юго-восточнее этой волости находились укрепленные поселения Шельджи, составлявшие также одну из волостей Таразского округа, известную в письменных источниках под названием области Шельджи. Как было сказано, изменения, происшедшие в это время в сельской округе, в результате которых в деревне зародился новый экономический строй — феодальный, повлекли за собой постепенное пере-

---

[143] Г. А. Брыкина. Юго-западные предгорья Ферганы в IV—XII вв. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Архив Института археологии АН СССР, № р.2—2034.

[144] В. А. Булатова. Жилой комплекс VII в. в Куве. (Результаты раскопок 1964 г.). В сб.: «История материальной культуры Узбекистана», т. 7, Ташкент, 1966.

[145] А. Н. Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, 1939, № 4, стр. 175.

[146] С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, Алма-Ата, 1960, стр. 81.

мещение центра экономической жизни из города в деревню. В этой связи определенный интерес представляют и данные С. П. Толстова, отметившего, что в VI—VIII вв. деревни хорезмских городов оказались сферой появления новых социально-экономических тенденций, знаменующих зарождение элементов феодализма [147]. Наиболее убедительно данное положение доказано А. Ю. Якубовским, показавшим, что основная масса земледельческого населения Средней Азии в VI—VIII вв. «жила и работала в условиях сельской общины, которая, как правило, совпадала топографически с укрепленным селением» [148]. Последнее уточнение А. Ю. Якубовского подтвердили данные по топографии Ферганы [149].

Помогает выяснить социальную структуру общества округи и планировка городов Джикиля и Нижнего Барсхана, состоявших из примыкающих друг к другу жилых строений, объединенных общим двором. Она показывает, что площадь шахристана по существу объединяла все помещения, находившиеся на нем. Отличие городской планировки от планировки феодального замка, например Чультепинского типа, состоит в том, что феодальный замок был лишь лучше укреплен. Единство принципов планировки мелких и крупных усадеб объясняется, по-видимому, как и в Хорезме, одинаковым социальным строем общества и одинаковым образом жизни семей. Это было отмечено и этнографическими экспедициями в Семиречье, зафиксировавшими обширные строения, систему жилых комнат и хозяйственный двор, объединенные под одной кровлей. «Отдельные помещения связаны общим центральным двором, который сообщается с улицей и усадьбой и из которого ведут двери во все остальные помещения» [150]. Подобного типа планировка восходит к очень древним приемам застройки городов и поселений в Средней Азии. В социальном отношении она обусловлена заселением поселений в прошлом членами сельской общины.

В этой связи интересно высказывание А. Н. Бернштама о том, что в рассматриваемый период в Таласской долине не только закончилось ее максимальное заселение, но и сложился тип «городского и сель-

---

[147] С. П. Толстов. Топрак-кала. «Известия АН КазССР, серия истории и философии», 1944, № 4, стр. 186.

[148] А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в VI—XII вв. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 21.

[149] Г. А. Брыкина. Указ. работа. Архив Института археологии АН СССР, № р2—2034.

[150] И. В. Захарова. Материальная культура уйгуров Советского Союза. Труды Института этнографии АН СССР, т. XI, М., 1959, стр. 248.

ского поселения со всеми характерными чертами, прошедшими через всю историю города и деревни Средней Азии» [151].

Но это положение более правомерно для северо-западной части округа. В результате изучения прилегавших к Таразу с юго-востока земель области Шельджи были выявлены сельские поселения, возникшие здесь лишь в IX в. Сравнительно позднее их появление, по всей вероятности, следует объяснить отдаленностью данного района от экономического центра округа — Тараза и более поздним развитием горных промыслов и связанных с ним производств [152].

Таким образом, из сказанного следует, что в административном отношении исследованная территория застраивалась не бессистемно, а, как и в Средней Азии, продуманно. Все объекты, объединенные в волости, образовали Таразский округ, в свою очередь, входивший сначала в Западнотюркский каганат, а позднее в государство карлуков. В политико-административном отношении такая система соподчинения объяснялась экономическими связями между центром и периферией. Она способствовала удержанию власти правителем и была продиктована складывающимися феодальными отношениями.

Вопросы идеологии. Сложение в городах исследуемого района феодальных отношений, контакты с кочевниками (карлуками и кипчаками) и с населением земледельческих центров Средней Азии сказались на идеологии местного населения, в частности на их религиозных воззрениях.

Изучение религий и отдельных культов, распространенных в Западном Семиречье, как и изучение верований, бытовавших в других городах Средней Азии этого периода [153], важно не только потому, что религия была орудием закабаления трудящихся, но и серьезным общественным фактором, без учета которого нельзя понять ни историю самого народа, ни историю его культуры и искусства.

Археологические находки прошлых лет свидетельствуют о том, что население Тараза VI—IX вв. (некрополь 1 и 2) и городов округи (Нижний Барсхан) исповедовало зороастризм [154], согласно которому запрещалось осквернять священную землю трупом. Поэтому очищенные от мяса кости захоранивались в глиняных оссуариях, имевших

---

[151] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 36—37.

[152] М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе 1 у с. Орловки. Сб.: «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 140.

[153] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, А. Е. Мончадская. Пянджикентский некрополь. МИА, № 39, 1953, стр. 64; Г. Я. Дресвянская. Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ташкент, 1968.

[154] Г. И. Пацевич. Зороастрийское кладбище на горе Тик-Турмас. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, вып. 1, стр. 98—104.

подквадратную (VI—VII вв.; табл. IV, *113*) и юртообразную формы (VII—VIII вв.; табл. IV, *114*). Кроме зороастризма были распространены христианство (церковь в Таразе) [155], по обряду которого хоронили в деревянных гробах, буддизм — захоронение в каменных склепах (иконографические изображения на медальонах Семиречья) [156].

Накопленный за последние годы материал (III и IV строительных периодов и из некрополей) свидетельствует о том, что, кроме этих религий, в Таразе существовал особый вакхический культ, связанный со стародавними традициями согдийских земледельцев, а также культ неба и культ лошади. В то же время сельское и кочевое население округи продолжало почитать более близкие им стародавние культы огня, умерших, обожествляло предков и занималось шаманизмом.

О наличии в Таразе «вакхического культа», отображающего, как и в городах Средней Азии, духовную жизнь широчайших масс [157], говорит формочка для оттиска мужской головы с округлыми чертами лица, большим с горбинкой носом, широким разрезом глаз, на лбу имелся трилистник. Это местное изображение греческого бога земледелия и виноградарства Диониса (табл. IV, *118а*) [158].

Следует упомянуть женскую терракотовую статуэтку с драпировкой и ожерельем на пышной груди и в высоком головном уборе, найденную еще В. Каллауром на цитадели. Это была богиня очага и плодородия Анахит (табл. IV, *117*).

С тем же по существу религиозным миром сказок и преданий [159] связаны изделия, относящиеся к культу неба, широко известному в рассматриваемый период среди тюркских, кимако-кипчакских племен. как культ Тенгри [160]. Наличие этого культа в городской среде документируется ранее опубликованными находками — глиняными поделками в виде полушарий с ручками, заканчивающимися головками птиц (табл. II, *13*). Полушария — это символ вселенной, а головки птиц, поднятые вверх,— обращение к небу.

Быть может, со все еще продолжавшим бытовать в местной среде с периода саков культом почитания быстрого животного — лошади

---

[155] Л. И. Ремпель. Некрополь древнего Тараза. КСИИМК, вып. LXIX, 1957, стр. 102—110.

[156] Г. И. Пацевич. Древний гуристан Тараза на горе Тик-Турмас. Труды САЭ, стр. 140—145; Т. Н. Сенигова. Новые находки в Семиречье. Сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 278, рис. 3; стр. 284.

[157] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965, стр. 158.

[158] Там же, стр. 159.

[159] Там же, стр. 66.

[160] Б. Е. Кумеков. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Алма-Ата, 1970, стр. 12.

следует связывать терракотовые фигурки, которые также встречаются в слоях Тараза рассматриваемого периода. Но на одной из статуэток наряду с четко переданными в глине высоким седлом с вертикально поднятой передней лукой и богато украшенной бляхами сбруей голова животного выполнена весьма условно. Без седла и сбруи было бы трудно принять статуэтку за изображение лошади (табл. II, *14*). Очевидно, мастер уже был под влиянием канонов ислама и отобразил более близкий ему культ боевого коня, которому еще с середины I тысячелетия до н. э. его предки посвящали свои художественные произведения [161].

Вероятно, с мало распространенным еще в среде горожан культом следует связывать и опубликованные ранее из Тараза терракотовые головки обезьян с приплюснутыми переносицами и оттянутыми маленькими ушками и глазками в виде налепных горошин (табл. II, *12*). Как в это время, так и позже (X—XII вв.) [162] они изображены на тюркском календаре, один из них найден на городище Баба-ата.

Культ огня, как мы утверждали ранее на основе археологических коллекций Тараза, играл значительную роль во все времена жизни округи [163]. О его существовании у саков Семиречья свидетельствуют массивные бронзовые светильники — алтари с изображением на бортах крылатых львов, козлов, баранов. Наличие в нижних слоях Тараза скульптурки Анахит позволяет предположить, что ее культ был широко известен в среде кангюйско-усуньского населения Семиречья с I в. н. э.

Судя по находке керамической юрты в Таразе (VII—IX вв.), возможно, что в идеологии как живших около Тараза в юртах карлуков, так и находившихся на расстоянии 80 дней пути от Тараза кимаков [164] продолжал занимать значительное место культ зажженного в юрте домашнего очага.

Интересно, что до недавнего времени у казахов-скотоводов считали священным все, что было связано в юрте с очагом и с камнями — подставками под котел. Поставленная же в центре аула главная юрта, предназначенная для наиболее почетных членов рода, имела собственное название Утау, что означало «место священного огня» [165].

---

[161] М. П. Грязнов. Древнейшие памятники героического прошлого народов Южной Сибири. «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», № 3, 1961, стр. 7—31.

[162] Т. Н. Сенигова. Монетовидный календарь. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14, Алма-Ата, 1961, стр. 41—47.

[163] Т. Н. Сенигова. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня. СА, 1968, № 1.

[164] Б. Е. Кумеков. Указ. работа, стр. 12—13.

[165] Сообщение получено от академика АН КазССР А. Х. Маргулана.

Зародившийся в глубокой древности и получивший особенно большое развитие в рассматриваемый период культ огня сохранялся у населения Тараза и его округи до XIX в., что подтверждалось обычаем ставить глиняные светильники в мазарах Тараза (Айша-биби, Бабаджи-хатун, Кара-хана).

Шаманизм был распространен у обитавших на территории Семиречья племен еще в первых веках нашей эры, о чем свидетельствуют изделия, сопровождающие погребение шаманки, связанные с верой в духов и тотемов [166]. Им родственно изображенное на диадеме заросшее волосами мифическое существо, очень близкое страшилищу Убю в казахских верованиях [167]. О широком бытовании шаманства в рассматриваемый период говорят письменные источники, в которых описано посещение Земархом ставки тюркского верховного правителя. В источниках сказано, что «некоторые люди из этого (тюркского.— *Т. С.*), племени, о которых уверяли, что будто они имели способность отгонять несчастья, пришли к Земарху, взяли вещи, которые римляне взяли с собой, сложили их вместе, потом развели огонь сучьями дерева ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили и ударяли в тимпан над поклажею. Они внесли в круг ливанскую ветвь, которая трещала от огня: между тем, приходя и в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им (шаманам.— *Т. С.*) приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла, отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Земарха через пламя и этим, казалось, они и самих себя очищали» [168].

О сохранении религиозных обрядов, связанных с шаманизмом у казахов, проживавших в Семиречье в XVIII в., сообщает П. С. Паллас: «... бакша начал петь чародейские песни, бить в обвешанный кольцами чародейский барабан, кобиц называемый, скакать и ломаться» [169].

О той роли, которую играл этот родовой культ, как и культ огня, в последующее время в среде кочевого казахского населения не только Семиречья, но и других районов Казахстана, свидетельствуют дошедшие до нас довольно многочисленные этнографические данные [170].

---

[166] А. Н. Бернштам. Золотая диадема из шаманского погребения на реке Каргалинке. КСИИМК, вып. V, 1950; См.: его же. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, стр. 69.

[167] Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов узбеков Хорезма. М., 1969, стр. 72.

[168] «Византийские историки». Пер. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1861, стр. 375.

[169] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I, СПб., 1773, стр. 577.

[170] Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1952, стр. 177. Ф. Поярков. Джины. Из области киргизских верований. «Этнографическое обозрение», 1894, № 1.

Г. П. Снесарев, исследовавший домусульманские верования узбеков, пришел к выводу, что некоторые черты шаманства у казахов, близкие к культам среднеазиатских народов, могут быть объяснены наличием сако-массагетских компонентов в этногенезе казахов [171], что выделяет дальнейшее изучение казахского шаманства в одну из первостепенных проблем религиоведения.

Культ поминания умерших представлен двумя видами каменных изваяний. Одни передавали определенные образы, другие абстрактные. На наличие этого культа у кочевого населения Таласской долины указывают не только опубликованные данные [172], но и найденный в восточной части округи комплекс изваяний Урнекского клада [173].

Одно из них — изображение пожилой женщины (кемпир-тас, высота 90 *см*) с прищуренными глазами, вытянутым лицом, провалившимся ртом и с кимешеком на голове (табл. IV, *119*), другое — молодой женщины (келимшек-тас, высота 101 *см*) с миндалевидными глазами, изящными бровями, соединенными над узким прямым носом, расчесанными на прямой пробор волосами, прикрытыми платком, спускающимся на круглые, слегка покатые плечи (табл. IV, *120*).

Третье — мужское изваяние (кси-тас, высота 1 *м*). Фрагмент. Правая рука воина, согнутая в локте, большим и указательным пальцами держит округлой формы сосудик. Согнутая в локте левая рука лежит на ручке подвешенного к поясу меча.

Хотя другие изваяния менее выразительны, однако по ним можно судить об облике человека.

Изваяние юноши (бала-тас, высота 180 *см*) с маленькой шапочкой на голове, широко известное в быту у современного казахского населения под названием такья, выполнено в виде округлой скульптуры. Нос и верхняя линия глаз сделаны одним рельефом. Рот резко очерчен, а глаза четко окаймлены веками. На груди была округлой формы чашечка (табл. IV, *122*). Другое изваяние — средних лет мужчина (высота 63 *см*) с четкой моделировкой носа, бровей и загнутыми вверх усами. Подбородок слегка удлинен, шея отделена от торса углубленной линией (табл. IV, *121*).

Еще одно мужское изваяние имеет сходство с описанным, но при

---

[171] Г. П. Снесарев. Указ. работа, стр. 72.

[172] Я. А. Шер. Древнетюркские каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966, стр. 70.

[173] Найдены в 1958 г. колхозником А. Тагайбаевым на участке Урнек колхоза Кзыл ту, близ станции Аккыр-тюбе. Место находки обследовано в том же году мною совместно со старшим научным сотрудником Джамбулского областного музея А. П. Поповым и фотографом экспедиции А. А. Поповым. Коллекция хранится в фондах Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Вместе с изваяниями обнаружено два каменных диска-жернова, 40 заготовок-балбалов и сколы камней.

детальном рассмотрении можно заметить отличия. Так, если усы у первого мужчины выполнены одной линией, то у второго — двумя, т. е. «грядкой» (табл. IV, *123*). Нос в первом случае четкий, прямой, во втором — резко расширяющийся книзу. Глаза у первого изваяния большие, миндалевидные, у второго значительно меньше, в виде овальных кружков. Шея намечена широким бортиком.

Изваяние старика (аксакал-тас, высота 69 *см*) в отличие от описанных, для которых использованы уплощенные камни, выполнено из камня округлой формы. Голова лысая, на область лица пришлась не плоская часть камня, а бугристая. Она и использована для изображения глаз, бровей, слегка удлиненного носа и узких грядок усов. Рот сделан в виде ямки. Кроме того, у изваяния намечен подбородок, но, как и в старческом женском изваянии, не выделен переход к плечам.

Таким образом, антропологический тип изваяний единый, монголоидный, но все они различны по возрасту (юноша, старец, воин, старуха, девушка). Это дает основание предполагать, что изображения в какой-то степени связаны с определенными усопшими лицами и отражают установленный для Семиречья в VI—VIII вв. обряд поминания умерших [174].

Изваяние старика (аксакал-тас, высота 69 *см*) в отличие от оппруга являются не абстрактными, а определенными культовыми образами, следует привлечь данные письменных источников. Так, посетивший в 568 г. кочевую ставку тюркского каганата византийский посол Земарх отметил, что «на другой день они были приведены в другую кущу, обитую и испещренную также шелковыми покровами. Здесь стояли и кумиры, различные видом» [175].

Здесь особенно важно упоминание об изображениях, являвшихся, видимо, изваяниями известных живым умерших близких членов аристократического рода. Эти данные свидетельствуют о том, что каменные изваяния Семиречья могли быть связаны с поминанием умерших членов рода, в том числе и представителей родоплеменной знати, которым и могло поклоняться кочевое население Семиречья.

Это подтверждается и этнографическими данными: тюрки-язычники, «когда умирал любимый... сын или дочь, или брат, делали похожую на него статую и, поставив ее в своем доме, говорили: это такой-то из наших ближних; оказывая ему любовь, первую часть от кушанья клали перед ней, целовали ее, натирали мазями лицо, глаза... кланялись ей» [176].

---

[174] А. Я. Шер. Древнетюркские каменные изваяния Семиречья, стр. 45, рис. 15; стр. 70.

[175] «Византийские историки»..., стр. 378.

[176] Н. П. Березин. Библиотека восточных историков, т. III, Казань, 1854, стр. 10.

Для культа, связанного с абстрактными фигурами, характерны изваяния, выполненные в ином изобразительном каноне. Обычно делалась мужская фигура с сосудом в руках на уровне живота. Деталей одежды и оружия не было. Такие изваяния встречены в юго-восточной части Таласской долины. Под каменной насыпью кургана найдено шесть каменных изваяний с чашами в руках, являвшихся, очевидно, обожествленными предками умершего и поэтому помещенными вместе с ним в могилу. В этой связи особый интерес представляют и этнографические данные о своеобразной кукле, известной у киргизов под названием «тула». Ей поклонялись как духу умершего [177]. Обращают на себя внимание и материалы по казахскому ритуалу: «Иные до истечения года, ежедневно возобновляют их (моления.—*Т. С.*) по утрам и вечерам перед куклою или болваном, который, будучи одет в платье покойника, служит плачущим вместо его изображения» [178].

О существовании такого культа с глубокой древности в местной тюркской среде Семиречья свидетельствует и наличие в Таласских древнетюркских надписях слова «тул» [179].

Подобные сведения содержит и средневековая рукопись (XIV в.). Встречающееся в ней слово «сим» расшифровывается как изображение умершего [180]. По данным В. А. Каллаура, один из курганов, расположенных несколько восточнее Тараза (район Мерке), называется «Симтюбе», потому что на нем имелась каменная баба. В районе Нижнего Таласа находится урочище Сим-Таш, по всей вероятности, оно получило наименование от стоявшего там камня [181]. М. Е. Массон под словом «сим» также подразумевает изображение умершего [182]. В словаре тюркских наречий оно означает образ, лицо, изображение умершего.

С каменными бабами связал слово «сим» и В. В. Бартольд [183]. Культом предков вместе с анимистическими представлениями и верой в загробную жизнь следует объяснять и возведение в северо-западной округе Тараза мавзолеев из сырцового кирпича (XVIII—XIX вв.) [184].

---

[177] С. М. Абрамзон. «Тул» как пережиток анимизма у киргизов. Сб. «Белек». Посвящен С. Е. Малову. Фрунзе, 1946.

[178] А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей, ч. III, СПб., 1832, стр. 110, 111.

[179] И. А. Батманов. Современный киргизский язык. Фрунзе, 1946, стр. 153.

[180] М. Е. Массон. О происхождении некоторых каменных надмогильников Южного Туркменистана. «Материалы Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции», вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 53.

[181] В. А. Каллаур. Каменные бабы в Аулиеатинском уезде. ПТКЛА, 1898 (1897—1898), 3. Прот. № 1 от 11.XII 1897, стр. 9.

[182] М. Е. Массон. О происхождении некоторых каменных надмогильников..., стр. 53.

[183] В. В. Бартольд. Соч., т. IV, М., 1966, стр. 380.

[184] А. И. Тереножкин. Казахские фрески XIX в. «Искусство», 1938, № 2, стр. 159—160.

Росписи стен воспроизводят убранство юрты: шанрак, сцену перекочевки на лошадях, боевое оружие, предметы быта. Мы были свидетелями того, как на ночь в мавзолее оставались верующие, разводили огонь и совершали молитву. Все это говорит о разновидностях и живучести культов, выполнявшихся в основном сельским казахским населением округи до недавнего времени.

Вместе с тем нельзя не учесть указания источников о том, что после завоевания Тараза в 893 г. Исмаилом саманидом главная церковь Тараза была перестроена в мечеть [185]. Следовательно, в конце рассматриваемого периода в Таразе утвердилась новая религия — ислам. Это подтверждают и данные В. В. Бартольда. В Таразе и его округе «происходила торговля мусульман (прибывших и местных) с тюрками, дальше Таласа мусульмане обыкновенно не заходили, так как страна была занята кочевниками-карлуками» [186]. Из этого следует, что в отличие от городского населения Тараза и городов его округи, вынужденного принять ислам, карлукские кочевые племена близлежащей округи Тараза (откуда изваяния и где вскрыты погребения с богатым инвентарем VII—X вв.) были более свободны в своих идеологических воззрениях и не признали ислама. По заключению А. И. Михайловой, в начале VIII в. (812—817 гг.) население области тюркского Семиречья было наиболее упорным противником арабов и их религии — ислама [186].

Изучение вопросов, связанных с идеологическими воззрениями населения Семиречья во всей сложности их проявления,— это задача будущего, решение ее возможно только после длительного археологического исследования как соседних городов Южного Казахстана: Отрара, Мерке, Кулана, Сыгнака и других, так и окружавших их курганных комплексов.

Однако уже достаточно материала, чтобы сказать о существовании в Семиречье различных религий.

На идеологию местного населения, что сказалось и на погребальных обрядах, сильно повлияло наличие на территории Семиречья в I тысячелетии нашей эры двух культур: оседлоземледельческой городской и скотоводческой степной. К тому же благодаря своему удачному географическому положению — на перекрестке торговых путей — Тараз привлекал к себе согдийцев, сирийцев, персов, вместе с которыми проникали сюда и зороастризм, христианство, буддизм, манихейство.

---

[185] В. В. Бартольд. Соч., т. IV, стр. 33.

[186] А. И. Михайлова. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. «Эпиграфика Востока», т. V, М.—Л., 1951, стр. 18, 19.

Пополнявшие ряды городского населения кочевники: тюрки, карлуки, кимаки, попавшие в зависимость от того или иного кагана (Кара-Джурина, 580; Арслан иль Тюргюка, 766—840), — вынуждены были исповедовать ту религию, которой придерживался правитель.

Вместе с тем указания источников (X в.) о том, что тот, кто выходит за пределы земель Тараза и его округи, «попадает в шатры харлуков» [187] и «что эти люди не знают государства (эль)» [188], свидетельствуют о живучести в рассматриваемый период у окружавших Тараз карлуков родоплеменных традиций. Этим, очевидно, и следует объяснить, что в отличие от городского населения Тараза и крепостей его округи кочевые племена ближайших степей были более свободны в своих идеологических воззрениях и продолжали чтить близкие их быту древние культы, связанные с почитанием культа предков, огня, и заниматься шаманством.

Все это и явилось причиной того, что независимо от имевших место в VI—IX вв. тесных контактов, отразившихся на развитии материальной культуры городов Тараза, идеологические воззрения оседлого и кочевого населения Таразской округи не представляли собой единого целого.

Иным оказался этнический процесс сложения населения в рассматриваемый период. Однако, поскольку он связан с последующим развитием исследуемого района, постольку мы будем говорить об этом в заключительной части работы.

---

[187] С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, Алма-Ата, 1960, стр. 79.

[188] А. А. Валитова. К вопросу о классовой природе Караханидского государства. Труды Киргизского филиала АН СССР, т. I, вып. 1, 1943, стр. 134.

РАСЦВЕТ ТАРАЗА В X—XII вв. (ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА)

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА И ОКРУГИ

Быстрый подъем экономической жизни, который переживали в рассматриваемый период города Средней Азии и Казахстана, сказался и на их топографии. Поэтому выявление топографических особенностей города эпохи феодализма является большой и важной проблемой. Значительное место в ней должно быть отведено изучению застройки и планировки развивавшихся в данное время частей города. Ибо, по заключению А. Ю. Якубовского, социальная структура феодального города ярче всего отражалась в топографии, характере планировки и типе жилищ [1].

Археологические наблюдения по топографии городов Таласской долины свидетельствуют о том, что в этот период города пережили резкий подъем в экономической и культурной жизни. Они, подобно городам других районов Средней Азии, по существу оформились как феодальные города со своей классовой структурой и топографией, рез-

[1] А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда. Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. II, Л., 1940; А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 41; его же. Городище Миздахкан. «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академия наук СССР)», т. V, Л., 1930; его же. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. Труды Тадж. филиала АН СССР, т. XXIX, 1951.

ко отличной от той, которая была у них, когда пульс городской жизни находился в шахристане (рис. 24) [2].

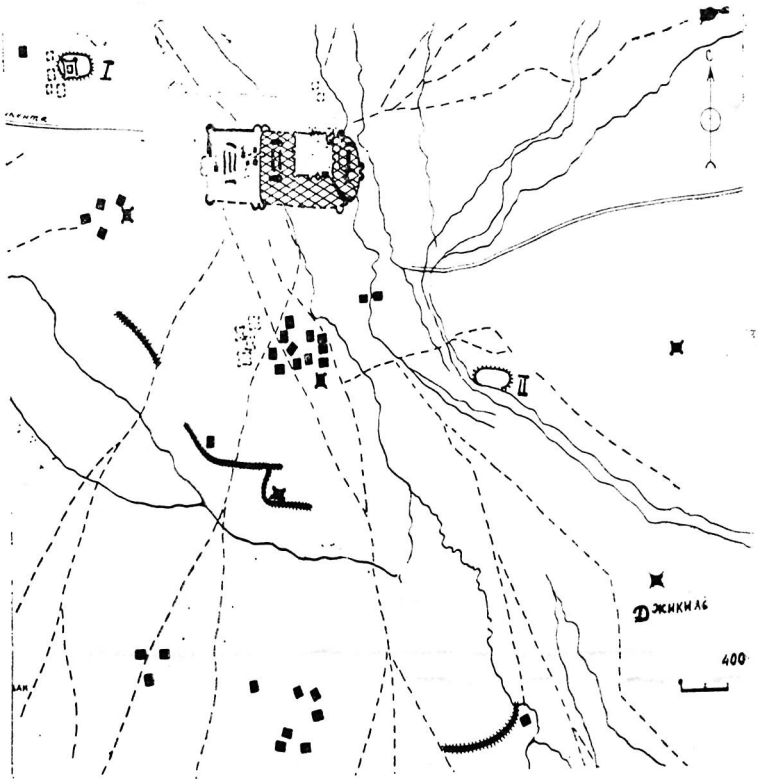

Рис. 24. План Тараза X—XII вв. с некрополями: I — городской; II — сельский.

Это явилось результатом интенсивного развития городской жизни в условиях сложившегося феодального уклада и тех изменений, которые произошли в классовом составе. Последнее обстоятельство

[2] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4; его же. Прошлое Ташкента (Археолого-топографический и историко-архитектурный очерк). «Известия АН УзССР», 1954, № 2; его же. Старый Сайрам. «Известия Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928; Б. А. Литвинский. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. «Известия АН ТаджССР, отделение общественных наук», вып. IV, 1953.

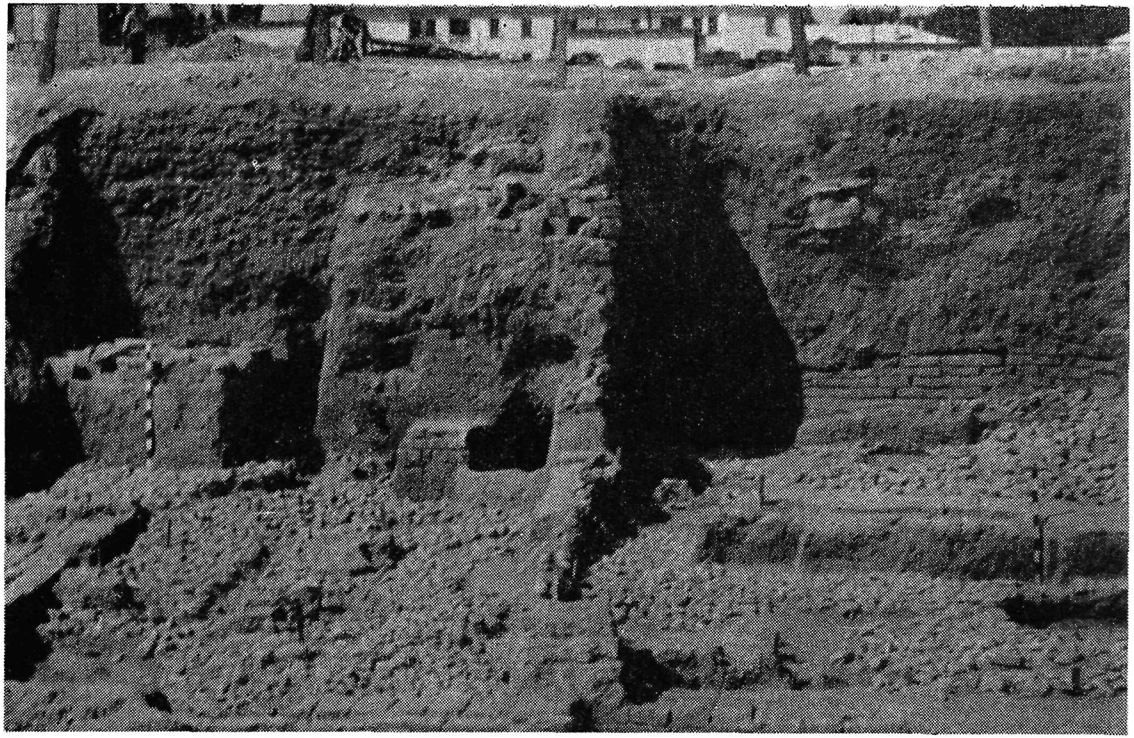

Рис. 25. Двор, выложенный галькой (шахристан Тараза).

наиболее заметно в топографии западного рабада Тараза, где имеются как жилые строения горожан, так и дома феодалов.

Быстрый рост численности горожан, заселивших огражденную стенами площадь рабада, разумеется, не мог произойти только вследствие расширения жилых строений торгово-ремесленной знати, духовенства и зависимого от них населения. К этому процессу имеет отношение и сельское население округи.

Шахристан. Развитие городской жизни в условиях феодального уклада сказалось и на топографии шахристана.

Отсутствие больших различий в топографии Тараза X—XI и XI—XII вв. и значительная нарушенность культурных слоев (VII—VI ярусы, раскоп VI; VIII—VII ярусы, раскоп II), давших в основном остатки строительных конструкций и материал из выгребных ям, позволили говорить лишь об изменении материальной культуры этих периодов, но не о планировке города. Это послужило основанием для вывода, что в застройке шахристана имеется определенная закономерность.

Так, в центре шахристана (раскоп VI, 1962 г.) в ярусе VII—VI обнаружены остатки стен, сложенных из сырцового кирпича (51—52×24—25×7—8 *см*), высотой 1,53 *см*, толщиной 98 *см*. Кирпич уложен путем последовательного чередования вдоль и поперек стены и в перевязку как между рядами, так и внутри рядов. Стены примыкали к открытому двору, вся площадь которого (12,6×10,6 *м*) выложена речной галькой (рис. 25) [3].

Остатки каменной вымостки прямоугольной формы обнаружены и в VIII ярусе (раскоп II, 1961 г.), сопровождавшемся поливной керамикой X—XII вв. Она свидетельствовала о тех перестройках, которые производились на шахристане в рассматриваемый период.

Вымостка сооружена из камня-плитняка, уложенного в два ряда без связующего раствора. Вплотную к ней с востока примыкали остатки стены из четырех, стоящих на узком ребре сырцовых кирпичей (50—51×24—25×7—8 *см*) и обрывок канализационной сети из пяти звеньев. С этим же слоем связан и колодец, устье которого выложено жженым кирпичом [4].

В северо-восточной и юго-восточной частях шахристана также выявлены участки стен, возведенных из сырцового кирпича. Местами основанием их служила каменная кладка.

Если к предшествующему периоду (VIII—IX вв.) относится водоотстойник в шахристане и колодцы в цитадели, то к данному — маги-

[3] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1962 г. Рукописный фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 218, стр. 15—18, 42; ее же. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1961 г. Там же, № 217, стр. 19, 39.

[4] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1962 г., стр. 13.

Рис. 26. Магистральная система водопровода.

страль для подачи воды посредством водопровода (рис. 26). Изменилась и планировка северо-восточной части шахристана. Появилось монументальное сооружение — баня. Недалеко от нее находилась сложной конструкции гончарная печь с двойными стенками и подведенной к основанию системой гончарных труб [5].

Наличие шлаков и большого количества стеклянных изделий (до 400 образцов) в центре шахристана свидетельствует о том, что здесь располагались мастерские по производству стекла.

Приведенные данные по планировке шахристана с остатками стен и фундаментов говорят не только о его густой заселенности, но и о значительных в нем перестройках. К тому же территория шахристана застраивалась как жилыми строениями с хозяйственными дворами, так и производственными комплексами, связанными с выплавкой стекла, изготовлением гончарных изделий.

Густая заселенность шахристана подтверждается наличием на площади 600 *кв. м* 20 выгребных ям (раскоп VI). Это доказательство того, что в шахристане Тараза пульс жизни, определяемый транзитной торговлей, бился не менее интенсивно, чем в рабаде, в котором в это время возникли жилые кварталы горожан и ремесленников (рис. 27).

Возведенные вдоль стен шахристана жилые строения и упомянутая магистральная водопроводная линия (юго-восточный участок, раскоп I, 1961 г.) свидетельствуют о том, что в отличие от предшествующего времени в этот период стены его утратили фортификационное значение. Эту функцию стали выполнять вновь возведенные стены разросшихся в западном направлении рабадов № 2 и 3.

Такая же примерно картина заселения шахристанов городов наблюдалась и в юго-восточной округе Тараза — Шельджи [6].

В завершении краткой характеристики шахристана следует подробнее остановиться на бане, планировка которой сохранилась лучше, чем планировка подобных строений во всех других раскопанных среднеазиатских городах, и поэтому позволяет более четко представить себе внешний вид данного памятника, говорящего об интенсивном развитии городской жизни.

Опубликованный план фундамента бани [7] позволяет утверждать, что планировка ее помещений выдержана в четких геометрических пропорциях; в основном они квадратной конфигурации, наиболее удобной для сооружения некогда завершавших баню купольных пере-

---

[5] Г. И. Пацевич. Раскопки на территории древнего города Тараза в 1940 г. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I, Алма-Ата, 1956, стр. 77, 78, рис. 2, 3, 4.

[6] Сб.: «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963.

[7] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941; А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

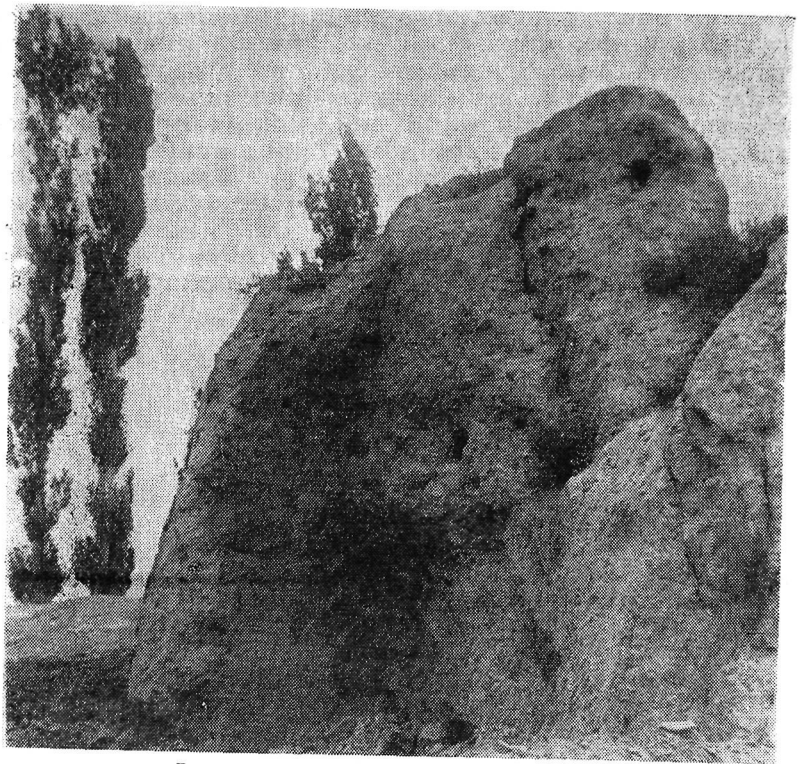

Рис. 27. Башни восточных ворот шахристана.

крытий. Посредством основной стены здание разделено пополам на два изолированных отделения. Первое, по всей вероятности, мужское, с тремя комнатами — прихожей и помещениями для омовений и массажа — и второе, женское, с четырьмя помещениями. Наличие отделений давало возможность одновременно пользоваться баней людям различного пола, а при нехватке топлива закрывать одно из них. Это было удобно и экономно. Каждое отделение имело просторную раздевальню, купальный зал с ваннами и парную, расположенную над топкой в восточной части бани. Наиболее интересными по убранству были прихожие и купальные залы.

В орнаментальном убранстве купальных помещений [8] бани глав-

[8] А. Н. Бернштам. Баня древнего Тараза и ее датировка. ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 177—183.

ное место занимали мотивы повторяющихся элементов геометрического и растительного узоров, весьма распространенных в архитектуре того времени. Если в надмогильных сооружениях наиболее частыми были узоры из восьми- и шестилучевых звезд, переплетающихся с крестами, имеющими заостренные углы, то несколько измененные такие узоры обнаружены на стенах бани. Так, одна из стен помещения 2 и резервуара ванны была покрыта буро-красной росписью, а на ней в шахматном порядке размещались желтые шестиконечные и восьмиконечные звезды, оконтуренные черной каймой. В других помещениях наблюдалось такое же чередование цветов росписи. Но сам орнаментальный мотив состоял не из крестов, а из пальметок цветов (рис. 28).

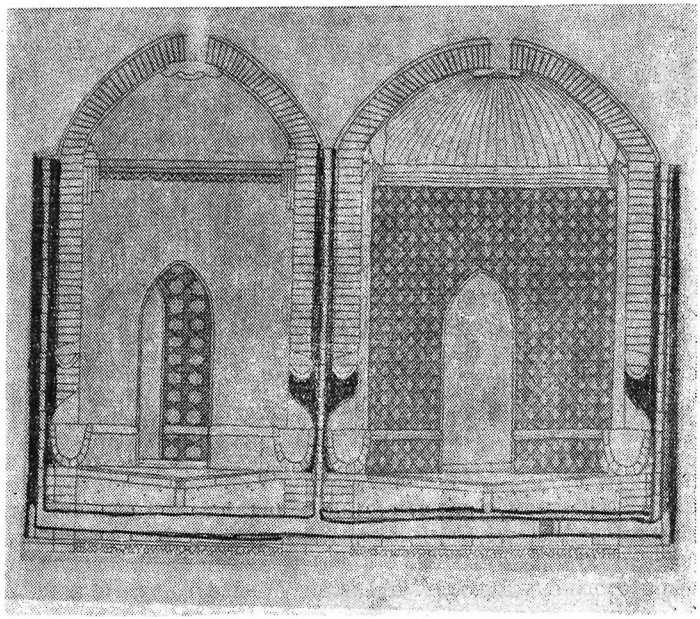

Рис. 28. Реконструкция купальных помещений бани.

С точки зрения стилистической первый тип геометрической росписи бани имеет параллели в ранних памятниках Тараза. Известен он и на бронзовых медальонах Центрального Казахстана (Былкылдак I, II; Атасу) с XIV—XII вв. до нашей эры [9]. В росписи бани значитель-

[9] А. Х. Маргулан. Комплексы Былкылдак. Сб.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 191, рис. 19, *1—3*.

ное место занимает также узор растительного содержания в виде стеблей и выгнутых листьев. На одной из стен мужского отделения сохранились два ряда желтых и три неполных ряда красных пальмет в виде трилистников [10]. Рисунок трилистников, как и звезд, оконтурен черной полосой, благодаря чему создавалось впечатление, будто одна пальмета выходит из другой. Этот тип рисунков с повторяющимся трилистником или цветком-бутоном — весьма характерный узор в орнаментике дворцовых зданий и резном ганче Варахши (VI—VIII вв.) [11], а также на тканях Балалык-тепе (V—VI вв.) [12]. Особенно богато он представлен на неполивной керамике и терракотовых дисках Тараза (V—VIII вв.). Это свидетельствует о преемственности местного орнаментального узоротворчества. Узор в виде пальметок и крестов уходит своими корнями в керамику эпохи бронзы той же Бетпак-Далы I тысячелетия (Дандыбай, Бегазы и Бугулы — «кошкармиюз» и ковровый узор креста с округлыми лопастями). В этом, как отмечает Г. А. Пугаченкова, и проявилась локальность «характера феодального зодчества Семиречья в X—XI вв.», заимствовавшего свои мотивы из степных геометрических узоров алаша, текеме и гончарных изделий Тараза V—VIII вв.

Для обогрева пола и стен бани под плитами пола были сделаны жаропроводящие каналы, а в кирпичные стены вмонтированы вертикально стоящие гончарные трубы.

Вполне вероятно, что баня отапливалась подобно средневековым баням Армении [13]. Здесь раскаленные газы из топки через отверстия в боковой стене поступали в подпол купального зала, а затем по гончарным трубам в стенах выходили наружу, обогревая таким образом пол и стены.

Наличие в развалинах фундамента бани фрагментов стеклянных дисков [14] позволяет предположить, что свет в баню проникал через разноцветные стеклянные диски, вставленные в люки куполов.

Существование бани с двумя отделениями говорит о высокой организации градоустройства. Подобного типа сооружения пока не обнаружены в других местах Средней Азии. В свое время В. Л. Воронина писала: «Если нисинская баня совпадает по планировке с типом среднеазиатских бань, многие черты планировки которых весьма близки

[10] А. Н. Бернштам. Баня древнего Тараза и ее датировка. ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 179.

[11] Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана (История развития и теория построения). Ташкент, 1961, рис. 20; рис. 26, *3*.

[12] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, рис. 142, 143.

[13] О. Х. Холпахчьян. Средневековые бани Армении. СА, 1960, № 1, стр. 215—229.

[14] А. Н. Бернштам. Баня древнего Тараза, стр. 177; его же. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, 1939, № 4, стр. 173 и сл.

баням Крыма и Булгар, то таразская стоит особняком как по характеру планировки, так и по убранству. Напротив того, ее формы ближе к типу античному, турецкому (с двумя отделениями.— *Т. С.*), каковы и некоторые кавказские бани» [15]. По плану она напоминает баню Дманиси [16]. В результате В. Л. Воронина сделала вывод, что на территории Казахстана в древности существовал тип бани, корни которой уходят в глубину античного времени.

Орнамент на стенах и на архитектурных фрагментах от куполов также склоняет к тому, что в таразской бане налицо античная традиция расписывать интерьеры. Виднейшие мусульманские врачи IX—XI вв. приписывали росписям гигиенические свойства.

Так, Мухаммед ибн Закария ар-Рази (864—925 гг.) писал, что врачи древности, зная о расслабляющем действии бани на человека, считали также необходимым расписывать бани сценами, созерцание которых должно было укрепить все жизненные силы человека [17].

Ибн Сина (980—1037 гг.) также заявлял, что в хорошей бане должна быть умеренная температура, яркий свет, просторный предбанник, а в нем картины (сувар) хорошей работы, явной красоты, вроде влюбленного и возлюбленной и вроде парков и садов. «Эти картины и подобные им — одна из деталей совершенной бани» [18].

Таким образом, в условиях феодального уклада происходило быстрое развитие города. Города, не вмещавшиеся в прежние границы шахристана, стали разрастаться, и центр городской жизни переместился в торгово-ремесленные рабады.

Рабад. Судя по плану и сохранившимся в западной части городища стенам, территория рабада состояла из трех примыкавших к шахристану частей: восточной (№ 1) и двух западных (№ 2, № 3).

Найденные при современных строительных работах в восточной части рабада обломки чаш с зеленой и белой поливой позволяют говорить о жизни восточного рабада в X—XII вв. Как и в предшествующий период, основными ведущими в город воротами были восточные, фланкированные выступающими на $^3/_4$ из плоскости стены округлой формы башнями. Кроме башен у ворот, в северной и юго-восточной частях стены рабада имелось еще по одной башне.

По-прежнему русло р. Талас делило город на две части. Перекинутый через реку каменный мост (о наличии которого известно из ис-

---

[15] В. Л. Воронина. Об узбекских банях. СЭ, 1951, № 11, стр. 133.

[16] А. Л. Якобсон. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. СА, 1946, VIII.

[17] О. Г. Большаков. Ислам и изобразительное искусство. Труды Государственного Эрмитажа, т. X, Л., 1969, стр. 148.

[18] Там же.

точников) служил основной магистралью, соединявшей обе части города. Что касается жилых строений этого района рабада, то из-за современной застройки мы не можем сказать что-либо определенное.

В 1938 г. А. Н. Бернштам отмечал [19]: «Весь путь движения Таласа на восток представляет собой гравийное ложе старых русел, в толще которых при рытье колодцев и строительных работах находят черепки посуды и тому подобные древние предметы быта, оставшиеся от смытой правобережной части древнего Тараза» [20]. Возможно, вследствие этого город X—XII вв. в основном стал разрастаться в западном направлении (раскоп I—III, 1962 г.).

Участок вновь воздвигнутой западной стены рабада № 3, располагавшийся параллельно прежной стене рабада № 2 и прослеженный в длину на 140 *м*, сохранился в высоту на 2,5—3 *м*, в ширину по основанию — до 12 *м* (рис. 24). Уцелевшая же местами на высоту до 3 *м* северная сторона в данное время сплошь застроена и потому не могла быть прослежена.

Изученные вдоль западной стены рабада помещения (раскоп I, 1961 г., 10,80×38 *м*; заложен в 20 *м* северо-западнее мавзолея Кара-хана) позволяют заключить, что в основе планировки строений лежало деление их осевым коридором. Чтобы получить полное представление о строительных особенностях комплекса, остановимся на характеристике помещений 3 и 4 (рис. 29).

Помещение 3 прямоугольной формы (620×320 *см*), стены его сильно закопчены, а местами обожжены докрасна. Они сохранились на высоту от 20 *см* до 1 *м*.

У западной стены располагалась вымостка (120×90 *см*) типа невысокой (20 *см*) суфы, обложенной по краям кирпичом (28×16 *см*), а внутри заполненной строительным мусором и битым кирпичом. К ней примыкал тандыр, стенки которого украшены ромбической сеткой. Рядом с этим помещением находилось такое же прямоугольное помещение 4 (620×260 *см*).

В юго-восточном углу его имелась прямоугольной формы вымостка типа суфы (160×80 *см*), в середине которой находился тандыр (диаметр 53 *см*, высота 50 *см*). Внутренние стенки его орнаментированы зигзагообразными полосами и елочкой. Пол у вымостки покрыт слоем золы. В северо-восточном углу помещения располагалась другая вымостка (135×115 *см*), выложенная обломками жженого кирпича (28×17×4; 22×17×4 *см*). В северо-западном углу имелся проем, который вел в соседнее помещение. В восточной стене на высоте 20 *см*

---

[19] См. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Таласская долина». Алма-Ата, 1949, стр. 26.

[20] Там же, стр. 27.

от пола сделана ниша (50×70 *см*). Она заполнена хозяйственной утварью: мелкими горшочками, кринками, тазиками. Пол около нее выложен обломками жженого кирпича.

Наличие в помещениях суф и очагов в виде углубленных в полу ямок или тандыров указывает на то, что эти помещения могли иметь как жилое, так и хозяйственное назначение.

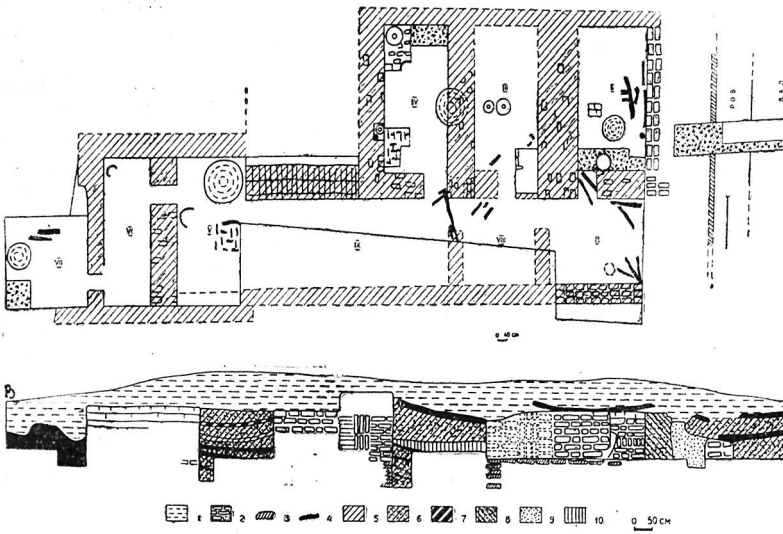

Рис. 29. План и разрез жилых строений западного рабада Тараза: *1* — мусульманские захоронения; *2* — каменная кладка; *3* — камень; *4* — зола; *5* — глина; *6* — глина с рыхлой золой; *7* — глина с углем; *8* — пахса; *9* — песок; *10* — культурный слой.

Обрушившиеся на пол обгорелые балки кровли перекрытия, сильная прокаленность стен ряда помещений (1, 2, 3 и др.), а также оставленные в нише мелкие изделия, как и врытые в пол замурованные хумы, свидетельство того, что жители покинули эту часть города мгновенно, в результате пожара, быть может, возникшего во время нашествия на город неприятеля.

Извлеченный из этих комплексов материал позволил определить время обживания этой части города X—XII вв., что будет более обстоятельно аргументировано в разделе материальная культура.

Что касается планировки вскрытых узких, расположенных параллельно друг другу помещений, соединенных между собой осевым коридором, то подобного типа планировка помещений выявлена в замке Кала и Боло. Е. А. Давидович и А. Б. Литвинский [21] считают, что она характерна для XI—XII вв. и появилась в связи с решением проблемы освещения. При такой планировке коридор выполнял роль светового дворика. В сами помещения дополнительно свет попадал через выходящие в коридор дверные проемы. Подобная планировка хорошо известна в жилищах тюркских каганов.

Окружавшая эти строения западная стена рабада была возведена, как и строения, на галечно-гравийном грунте. Она имела толщину 4,50 *м* и была сложена из мощных пахсовых блоков (90×60 *см*), располагавшихся в стене вперемежку с двумя рядами сырцового кирпича (42×22×10 *см*). Подобный прием кладки был широко распространен в строительной технике раннего средневековья как в архитектурных храмовых комплексах Ак-Бешима Киргизии [22], так и в замке Ак-тепе вблизи Ташкента [23] и говорил о продолжавшихся в Таразе в X—XII вв. прежних строительных приемах.

Раскоп II (497 *кв. м*) был заложен в рабаде на холме около 200 *м* восточнее раскопа I (рис. 30). В результате раскопок выявлена восточная часть планировки одиночно стоящего дома. Основанием его являлся массивный каменный цоколь, возвышавшийся на 60 *см* над теснившимися у стен рабада жилищами. Стены сохранились до высоты 50—80 *см*. Толщина внешних стен — 1,20 *м*, внутренних — 60—80 *см*. В планировке дома преобладал центрический принцип композиции. Его центральным помещением оказался подквадратной формы зал (38 *кв. м*). Вокруг него с трех сторон располагались прямоугольной (4,25×3,50; 3×2,5 *м*) и подквадратной (3,6×3,6 *м*) формы небольшие покои и хозяйственные помещения, в общей сложности шесть. Дверные проемы соединяли помещения между собой, к тому же помещения 1 и 2, 5 и 6 сообщались коридорами. К южной части дома примыкал прямоугольный тамбур (2×1,2 *м*). Вход в дом был с площади открытого дворика в рабаде. Мелкие помещения, располагавшиеся в юго-восточном и северо-западном углах дома, имели хозяйственное назначение. Об этом свидетельствуют частично сохранившиеся остатки тандыров (диаметр 40—50 *см*), предназначенных для обогревания помещений и выпечки хлеба.

[21] Е. А. Давидович, А. Б. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, стр. 192.

[22] Л. П. Зяблин. Второй буддийский храм Ак-Бешимского города. Фрунзе, 1961, стр. 27—42.

[23] В. Л. Воронина. Элементы архитектуры замка Ак-тепе близ Ташкента по данным археологических работ 1941 г. «Сб. материалов по археологии Узбекистана». Ташкент, 1955, стр. 144, 145, рис. 6.

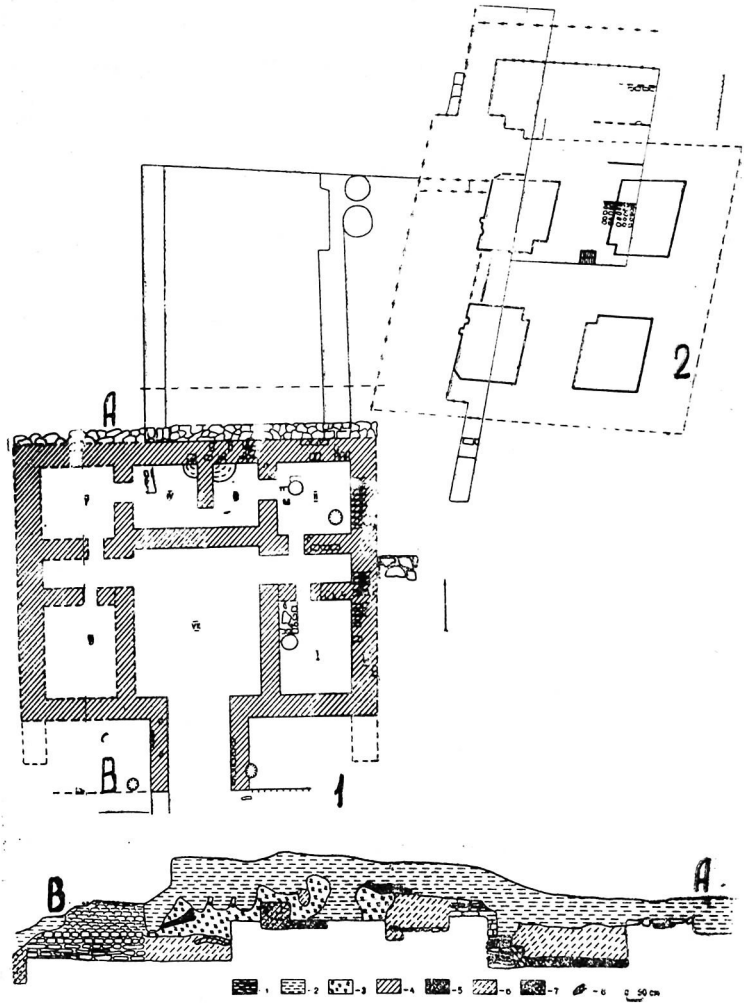

Рис. 30. План и разрез отдельно стоящего здания 1: *1* — кладка кирпича; *2* — захоронения; *3* — рушеный кирпич; *4* — глина; *5* — глина с галькой; *6* — зольник; *7* — пахса; *8* — очаг; 2 — план культового сооружения.

Внутренние стенки печей украшены елочным орнаментом. Под фундаментом западной стены помещения 2, ближе к юго-западному углу, в полу, на глубине 70 *см* обнаружен погребок (диаметр устья 60 *см*), стенки которого облицованы каменными плитами, уложенными на глиняном растворе.

У западной стены другого помещения 1 находился очаг в виде углубленной в грунт ямки диаметром 80 *см*. Около него имелась площадка (1,5×0,7 *м*), вымощенная жженым кирпичом (20×20×5 *см*).

Прием выкладки пола жженым кирпичом был распространен в X—XII вв. не только в жилых комплексах самого Тараза (в том числе выкладка пола сырцовым кирпичом в предшествующее время), но и в других средневековых городах Южного Казахстана [24] и Киргизии [25].

В отличие от описанных строений в помещениях 3 и 4 очаги были в виде ямок. Стены помещений сложены из серого сырцового кирпича (42×22×6—7; 42×27×10 *см*), положенного вперемежку: один ряд вдоль стены, другой — поперек.

Участок фундамента западной стены помещения 1 по краям обложен каменными плитами, часть которых уложена на ребро, а середина заполнена строительными отходами и мелкой галькой. У входа в центральное помещение лежали две большие, квадратной формы плоские плиты (85×30 *см*). Сохранившаяся высота стен 1,1—1,5 *м*. Кирпич (25×10×7 *см*) в стенах уложен в три ряда (табл. X).

У основания северной стены дома располагался подземный потайной ход (ширина 80 *см*, высота 1,20 *м*), боковые стены которого укреплены плитами, углубленными в землю и поставленными на ребро.

Судя по планировке вскрытых помещений, примыкавших к залу и покоившихся на мощном каменном цоколе, а также по расположению объекта в черте центральной части рабада, возможно, этот жилой комплекс принадлежал влиятельному феодалу. В более малых покоях и окружавших зал хозяйственных помещениях жили члены его семьи и прислуга.

Массивы таких одиночно стоящих домов придавали городу весьма парадный вид и, как в других городах Средней Азии [26], удачно включались в силуэт городской композиции.

Раскоп III (28×14 *м*), ориентированный длинной стороной с запада на восток, был заложен на холме, располагавшемся в 200 *м*

---

[24] М. С. Мерщиев. Городище Актобе 1 (IV — нач. XIII в.). Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 133, рис. 14.

[25] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, табл. XIV, *14*.

[26] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 338.

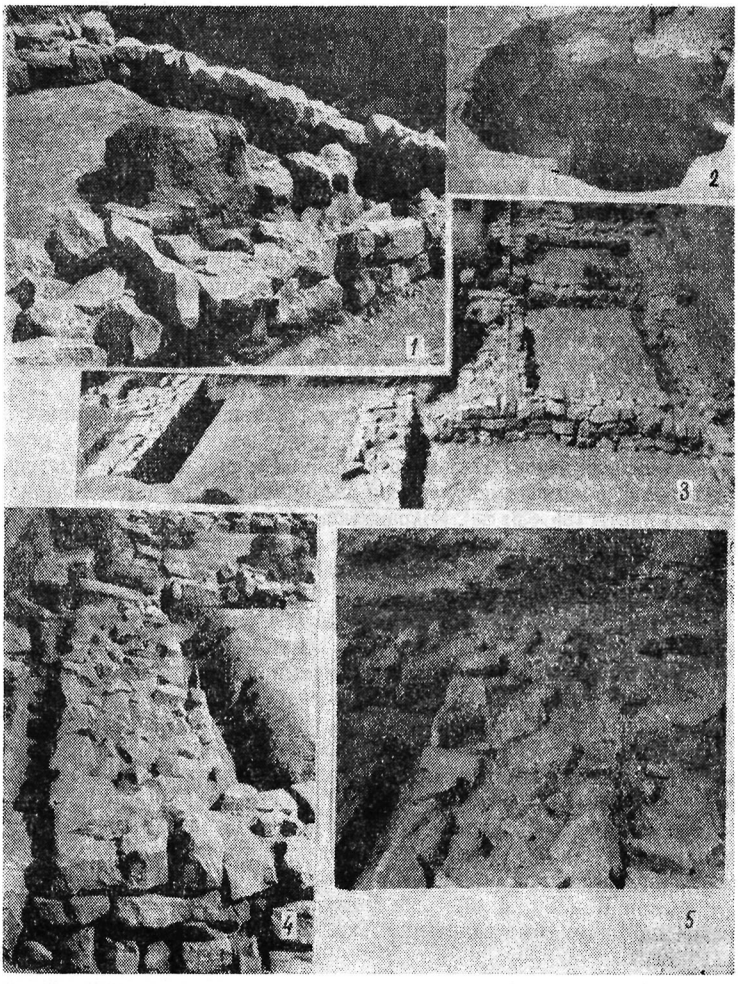

Таблица X. Кладка: *1, 3—5* — детали фундамента здания; *2* — устье погреба.

северо-восточнее описанного комплекса. Вскрытый участок оказался сооружением, окруженным мощными, толщиной до 4 *м*, стенами, возведенными из набивной глины. Оно состояло из трех частей и было ориентировано портальной частью на канал, прорезавший рабад. Примыкавшая к нему с запада пониженная площадка была занята двором (14×9 *м*), обнесенным дувалом. Пол двора был устлан каменными плитами (60×30×5; 40×25×5 *см*).

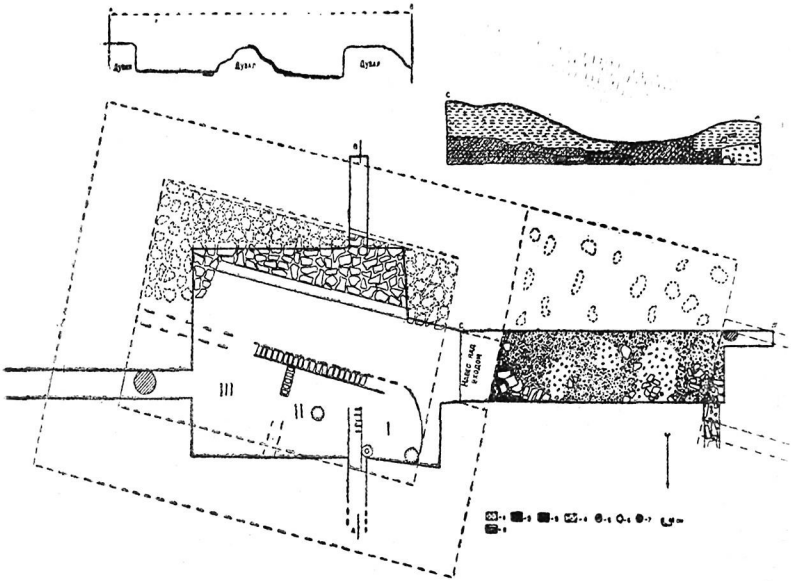

Рис. 31. План и разрез караван-сарая: *1* — грунт; *2* — лёсс; *3* — гравий; *4* — забутованная стена; *5* — хум; *6* — тандыр; *7* — очаг; *8* — камыш.

В жилом массиве, примыкавшем ко двору, обнаружены многослойные остатки камыша и обломки дерева, по всей вероятности, остатки кровли открытого айвана.

Помещение 1 (3,6×2,6 *м*), как и площадь двора, было окружено массивными стенами. В северо-западном углу помещения располагался тандыр (диаметр 50 *см*), стенки которого внутри были украшены елочным орнаментом. Пол помещения покрыт многослойной обмазкой (рис. 31).

Стены второго помещения (4,5×3,8 *м*) также сложены из кирпича (42×22×8—10 *см*). В центре его находился тандыр (диаметр 56 *см*). Он сохранился на высоту 0,90 *м*. Пол помещения был также покрыт многослойной обмазкой. С восточной части к этому помеще-

нию примыкало третье (3,8×6,1 *м*), имевшее в отличие от других помещений не тандыр, а очаг, обложенный обожженным кирпичом. Рядом с очагом находились сферической формы котел с подтреугольными ручками и алебастровая плита с рельефным спиралеобразным узором. В южной части строения (13×2 *м*) на высоте 20—25 *см* от пола обнаружена прослойка камышового перекрытия. Пол выложен каменными плитами. Отсутствие находок в этой части здания, а также наличие плитчатого пола и камышового перекрытия позволяют предположить, что часть вскрытого объекта предназначалась для хранения товаров.

Довольно толстые стены (4 *м*) и незначительная отведенная под жилье площадь с вымощенными просторными открытыми дворами с навесами наводит на мысль, что именно это сооружение было караван-сараем.

Несколько юго-восточнее караван-сарая исследован еще один холм. Заложенный в его центральной части раскоп IV (14,5×8 *м*) вскрыл четыре симметрично расположенных, отдельно стоящих квадратных основания: 3,5×3,5 *м* (№ 1); 3,35×3,35 *м* (№ 2); 3,5×3,75 *м* (№ 3) и 3,5×3,5 *м* (№ 4). Сохранившаяся их высота 1,6—2 *м*. Основания сложены из плит (60×40×10 *см*). Поверх основания выложены сырцовым кирпичом, уложенным комбинированной кладкой: восемь слоев кирпича лежат ложком вперевязку, а рядом три слоя тычком (рис. 32).

Внешние поверхности отделаны пилястрами, тщательно оштукатурены (толщина обмазки 2 *см*) и побелены известкой. Наличие значительного количества светильников с граненым резервуаром и с пятой на ручке, а также резервуара бронзового светильника с инкрустацией серебром, датированного И. Ивановым IX — началом X в. и отнесенного к церковным атрибутам, позволяет предположить, что эти основания были колоннами какого-то культового сооружения, возможно, той церкви, о которой упоминается в источниках в связи с завоеванием Исмаилом саманидом Тараза в 893 г. и которую он заставил перестроить в мечеть.

Очевидно, по этой причине выкладки соединены между собой стеной, сложенной из одного ряда кирпичей (40×18,5×6 *см*) с большой примесью соломы. Они отличаются от желтых плотных кирпичей оснований. Создается впечатление, что эта перестройка сделана из-за преобразования церкви в мечеть. К тому же расположение комплекса в населенной черте города, у караван-сарая, рядом с которым довольно большая площадь не застроена, наводит на мысль, что свободная территория рабада могла быть базарной площадью. Тогда становится понятным уточнение в источниках, что «соборная мечеть [находится] среди рынков». Наличие в районе этого комплекса

сооружений, чирагов и блюд с бирюзового цвета поливой говорит о том, что служба в мечети, как и жизнь в рабаде, продолжалась и в последующие XIII—XIV вв. Но, поскольку строительные остатки этого времени в рабаде не сохранились, характеристика подъемного материала будет дана в главе IV.

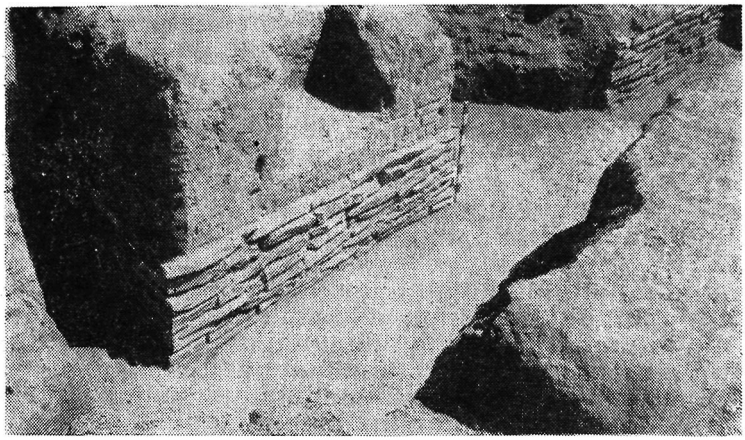

Рис. 32. Фундамент культового сооружения.

К находкам, сопровождавшим жилые комплексы, кроме упомянутых керамических изделий, следует отнести многочисленные остатки стеклянных изделий (оконные диски, рюмки, бусы), железных изделий (дверные скобы, кольца, гвозди), а также костей домашних животных (овец, коров и лошадей).

В целом же описанные формы неполивной и поливной утвари раскопов I, II, III, IV — сферические котлы с налепными подтреугольной формы ручками, тагары, хумы с прорезным орнаментом и отпечатками штампов, кругов на плечиках, кувшины с широкими и узкими горловинами и раскрашенной поверхностью [27], сфероконусы, поливные чаши и горшочки — находят почти полные аналогии в материалах городов юго-восточной округи Тараза X—XII вв.[28]

Найденные на суфе и на полу помещения 4 монеты с куфическими надписями, по определению А. А. Быкова, относящиеся к концу X — началу XI в., позволяют датировать этим временем обживание

[27] М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе I у с. Орловки. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 13.

[28] П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. Там же, стр. 159, табл. V; стр. 193, табл. VIII.

вскрытых жилых строений у стены рабада, а материалы из отдельно стоящего дома, караван-сарая и культового сооружения — X—XII вв.

Раскопки рабада помогли воссоздать общую картину его застройки. Вдоль западной стены рабада № 3 располагались прямоугольной планировки жилые помещения горожан. Недалеко от ворот возвышался мавзолей Кара-хана, а северо-восточнее одиноко стоял на массивном каменном фундаменте дом знатного аристократа, севернее его располагалось культовое сооружение, а северо-восточнее — караван-сарай.

Вскоре в результате катастрофы, сопровождавшейся большими разрушениями в связи с пожаром (обгорелые балочные перекрытия, обожженные стены из сырцового кирпича), жизнь в районе рабада прекратилась. Причиной этого были походы каракитаев и хорезм-шаха. Возрождение жизни приходится примерно на конец XII — начало XIII в.

В заключение общей характеристики топографии города следует сказать об остатках двух бугров высотой 10 *м*, находящихся в районе северной стены рабада, на границе двух стен: рабада № 2 и 3. Возможно, это остатки башен городских северных ворот.

Приведенные археологические данные по исторической топографии Тараза дополняются и сведениями источников того времени. Так, посетивший этот город путешественник Макдиси писал: «Тараз — большой укрепленный город, с множеством садов, густо заселенный (имеется в виду шахристан.—*Т. С.*), у него ров (выявленный нами вдоль западной стены рабада № 3.—*Т. С.*), четверо ворот (имеются в виду трое ворот западного рабада № 3 и одни восточного рабада № 1.—*Т. С.*) и населенный рабад.

У ворот медины (у восточной стены шахристана.— *Т. С.*) большая река, за ней — часть города (восточный рабад № 1.—*Т. С.*), через нее есть переход. Соборная мечеть среди рынков» [29] (западный рабад № 3.— *Т. С.*).

Данные Макдиси могут быть конкретизированы выявленной нами планировкой жилых строений шахристана и рабада. Она обусловлена классовой структурой заселившего город общества и представлена двумя типами строений.

К первому типу относятся жилые строения рядовых граждан с внутренними дворами (шахристан), а также примыкавшие к западной стене рабада строения. Они имели узкие параллельные комнаты, соединенные между собой длинным осевым коридором, и отапливались посредством открытого типа очагов и тандыров.

[29] С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, Алма-Ата, 1960, стр. 91.

Ко второму типу принадлежат отдельно стоящие на каменном фундаменте здания (рабад № 3). В отличие от жилых строений первого типа в этих зданиях малые помещения располагались вокруг обширного квадратной формы зала. Эта планировка характерна для замков и городов северных склонов Каратау (Баба-ата, VII—XII вв.) [30].

Таким образом, Тараз в рассматриваемый период предстал перед нами как город, отличающийся от Тараза предшествующего периода, когда вся городская жизнь протекала в шахристане.

Значительные изменения претерпела и его округа.

Заселение округи. Исследования топографических особенностей крупных городов округи — Нижнего Барсхана, Шельджи, Куля позволяют отметить, что, концентрируясь вокруг Тараза, они приобретают общие типические черты вследствие единого процесса развития городского общественного организма в рамках феодального общества. Так, по планировке и разрастанию за счет рабадов города юго-восточной части округи аналогичны городам северо-западной части. Вокруг квадратного шахристана, бывшего в предшествующую эпоху центром города, располагаются различной конфигурации рабады, застраиваемые жилыми зданиями, гончарными мастерскими, мастерскими по изготовлению металлических изделий.

Развитие феодальных отношений и начавшийся в степи распад родоплеменных отношений привели к большому притоку в город как кочевого, так и сельского населения, что повлияло на топографический облик городов округи, на заселение прилегавших к ним рабадов. Приобщаясь к земледелию, а также к быстро развивавшемуся в это время горному промыслу на юго-востоке округи, кочевое и сельское население пополняло ряды горожан.

В результате этого города округи стали не только торгово-ремесленными центрами, но и центрами сосредоточения в их пригородах сельских поселений и вновь образовавшихся рудников. Эта топографическая структура городов округи подтверждается данными письменных источников, а также археологическими материалами. Макдиси (X в.) так писал о городах северо-западной округи: «1. Барсхан, в мили к востоку. Имеет стены, теперь разрушенные; соборная мечеть — среди базаров.

2. Бехлу — больше Барсхана. Лежит левее Джикиля, на расстоянии 0,5 фарсаха; имеет 5 волостей, ... цитадель и соборную мечеть среди базара.

3. Атлах — по своим размерам близок к Таразу, имеет стены. Большую часть города составляли сады. В его окрестностях возделы-

---

[30] Е. И. Агеева. Цитадель. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 130.

вался виноград. Соборная мечеть находится внутри города, базары — в предместье.

4. Хамукет — большой город. Имеет стены, около них — соборная мечеть, базары — в предместье.

5. Джикиль — небольшой город в полмили от Тараза. Имеет стены и цитадель; соборная мечеть находится на базаре» [31].

Если города северо-западной части округи интенсивно росли за счет развития ремесел, торговли и возделывания полей, то города юго-восточной части округи развивались в основном вследствие разработки в IX—XI вв. месторождений полезных ископаемых рудной области Шельджи, о чем также говорит Макдиси:

«Шельджи — небольшой город, в нем много иностранцев; говорят, что в нем 10 000 исфаханцев. Имеет цитадель, соборная мечеть находится вне ее. Город расположен среди гор; из последних вытекает река, посреди ее — 7 селений.

Сус — большой город.

Куль — меньше его. Оба города имеют стены и расположены по берегу реки.

Текабкет — большой город, половина жителей неверные. Последние три города расположены вблизи гор, в которых находятся серебряные рудники» [32].

Интенсивной разработкой месторождений юго-восточной округи Тараза объясняется появление в IX—XI вв. целой серии поселений городского типа, в культурных слоях которых обнаружены остатки металлургических шлаков [33],— это Чалдывар, Чештепе и другие, а также поселения Сарымсак и Текели.

Изучение топографии одного из городов северо-западной округи Нижнего Барсхана, обследование местности вокруг него, сбор подъемного материала с разных частей городища свидетельствуют о том, что в отличие от городов рудной области его население было занято возделыванием сельскохозяйственных культур и обработкой земли. Город вырос за счет разрастания рабада и сельских поселений. Так, к его шахристану с юга примыкало два прямоугольных по форме рабада. Общая площадь города достигла 363×186 *м*.

Собранный с восточной части рабада подъемный материал в виде фрагментов чирагов с белой и зеленой поливой и блюд с белой поливой и вихревой розеткой говорит об обживании этой части рабада

---

[31] В. В. Бартольд. Соч., т. IV, М., 1966, стр. 34.

[32] Там же, стр. 38.

[33] М. А. Бубнова. К истории средневековой горной промышленности в Средней Азии. СА, 1963, № 2, стр. 90; М. А. Бубнова. Из истории металлургии серебра в Средней Азии. «Известия отделения общественных наук АН ТаджССР», 1961, вып. 1 (24), стр. 3—10.

в IX—XII вв., а материал с западной части рабада в виде поливной керамики с прочерченным по черепку подглазурным орнаментом, а также зеленополивной двухрожковый светильник с граненым корпусом, заканчивающимся мифической головкой птицы-женщины, датируемый XII — началом XIII в.[34], свидетельствуют об обживании данной части города в более позднее время.

Кроме основных частей города, к юго-западу от городища на расстоянии от 20 до 200 *м* располагалось еще в 1938 г. несколько холмов (81×60; 100×80; 53×21; 42×32 *м*), являвшихся не чем иным, как остатками сельских усадеб земледельцев.

К сожалению, отсутствие больших раскопок на территории города и сильная его разрушенность в связи со строительством не позволили выяснить что-либо о планировке жилых строений рабада и сельских усадеб. Что касается усадеб юго-восточной округи, связанных с разработкой рудников и в меньшей мере с сельским хозяйством, то благодаря раскопкам П. Н. Кожемяко одной из сельских усадеб у Текабкета и М. А. Бубновой сельской усадьбы у г. Куля (Ак-тобе 1) можно получить представление о местной застройке.

Усадьба у Текабкета состояла из двух примыкавших друг к другу прямоугольных помещений, образующих площадь внутреннего двора. В ее северной части располагался жилой комплекс, состоящий из двух комнат, изолированных друг от друга и имевших отдельные выходы во двор усадьбы (рис. 33, *а*). Стены здания возведены на каменном фундаменте, без оконных проемов и сложены из пахсы и сырцового кирпича

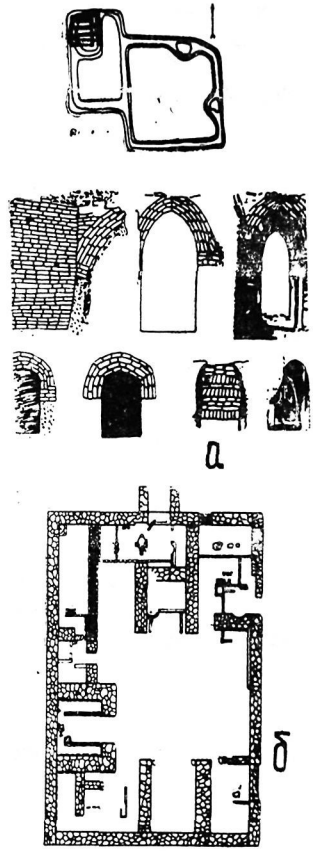

Рис. 33. а) План усадьбы возле Текабкета и детали строительных проемов; б) план усадьбы около городища Куля.

[34] Т. Н. Сенигова. *Осветительные приборы Тараза и связь их с культом огня*. СА, 1968, № I, стр. 220, рис. 13.

(46×23×12 *см*). Жилые помещения имели коробовые своды и довольно сложной конструкции арочного типа дверные проемы, свидетельствующие о том высоком мастерстве, которым владели строители городов Таразской округи. Кроме архитектурных проемов, на стене, выходящей во двор усадьбы, был орнаментальный фриз в виде побегов какого-то растения.

Сельская усадьба у города Куля представляет собой также прямоугольное здание (25,3×19,4 *м*), вдоль внешних стен которого располагалась серия помещений, соединенных с расположенным в центре здания внутренним двором (рис. 33, *б*). Обнаруженные на полу помещений плоские очажки и остатки шлака вокруг двух усадеб говорят о занятиях жителей металлургическим производством.

Из сказанного следует, что рост феодальных отношений, повлиявший на увеличение разработки рудников в Шельджи, способствовал не только развитию крупных городов, но и концентрации вокруг них сельского типа усадеб и поселений, а в связи с этим и замиранию жизни в мелких городах северо-западной округи — Дих-Нуджикете и Адахкете. Об этом говорят и письменные источники. Когда Исмаил завоевал Дих-Нуджикет, город имел цитадель, шахристан, но затем он опустел. Причины развития крупных городов и затухания жизни мелких городов связаны как с развитием производительных сил внутри общества, так и со стабилизацией феодальных отношений.

В этом процессе, как отмечает А. Н. Бернштам, следует учитывать значительную роль кочевников, которые, отражая процесс феодализации и физически уничтожая существовавшую ранее «многополисную» систему расселения, способствовали вымиранию многих мелких городов, обеспечив тем самым расцвет и рост отдельных крупных городов.

Б. А. Литвинский [35] также связывает рост городов Средней Азии с развитием феодальных отношений и объясняет его большим притоком в города сельского населения.

В целом подъем крупных городов Таразского округа не следует рассматривать как изолированное явление. Рост городов за счет увеличения площади отмечен и в соседнем с Таласской долиной районе — Чуйской долине [36]. Это наблюдалось и в других районах Средней Азии [37]. Данный процесс был связан с интенсивным развитием

[35] Б. А. Литвинский. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. «Известия отделения общ. наук АН ТаджССР», 1953, вып. IV.

[36] А. Н. Бернштам. К исторической топографии Чуйской долины. ВДИ, 1940, № 2.

[37] В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии. СА, 1959, № 1; Е. А. Давидович. Город, ремесло и денежное обращение в Средней Азии в эпоху так называемого серебряного кризиса. Труды второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М., 1959.

производительных сил, которое имело место в среде населения, проживавшего как в этих городах, так и в окружавших их поселениях.

РЕМЕСЛА

Развитие производительных сил, проходившее в условиях новой социально-экономической формации, явилось главной причиной дальнейшего роста различного рода ремесел. Особенно наглядно видны изменения на изделиях керамического производства. Это выразилось как в усовершенствовании и стандартизации отдельных форм неполивной керамики, так и в появлении и широком распространении поливной. Керамический материал, добытый из VI—VII ярусов шахристана Тараза и рабада № 3, а также другие находки позволяют проследить, как изменялась посуда на протяжении рассматриваемого периода. Значительно выросло количество керамики, изготовленной на гончарном круге (80%), и сократилось число изделий ручной лепки, особенно с богатой орнаментацией.

Качественно улучшается неполивная керамика. Лощение и ангобное покрытие используются как украшение. Посуда становится более разнообразной по форме, продолжают бытовать и формы предшествующего периода.

По-прежнему господствуют круглодонные котлы с шаровидным туловом, без венчика или с венчиком, чуть отогнутым наружу, различные уплощенные кувшины с цилиндрическими горловинами и с крышками, имеющими загнутые вверх края, миски с рельефными валиками по краю, кружки двух форм с петлеобразными и удлиненными ручками, сковородки, тандыры, копилки. Это говорит о генетической связи с культурой предшествующей эпохи. Однако отсутствие ручек с трезубцем и перевязочкой и ручек с волнистым краем у котлов, сферичность уткообразных сосудов, приобретших короткую горловинку, изготовление большого количества посуды на гончарном круге свидетельствуют об усовершенствовании и стандартизации старых форм.

Одновременно исчезают некоторые из бытовавших прежде видов посуды, такие, как кувшины с приплюснутым носиком, соединенным с горловиной, светильники с цилиндрическим основанием, столики на трех ножках. На их место приходят новые различной профилировки тагары, кувшины, столики на коническом поддоне.

Если котлы, сковородки и крышки почти не претерпели изменений, то этого нельзя сказать о другой посуде. Кувшины и горшки приобрели горловину более сложной профилировки, появились хумы с венчиком, не отделенным от корпуса, с ангобным покрытием, штампо-

ванным и гравированным узором по венчику и верхней части корпуса, тагары с орнаментом по краю, миски разнообразной профилировки.

Улучшилась и обработка поверхности керамических изделий. Теперь посуду стали не только ангобировать и лощить, но и раскрашивать в виде потеков и наносить фигуры. Такой отделке в основном подвергалась посуда закрытого типа. Гончарные изделия по-прежнему украшали гравировкой, реже штампом, а ручного изготовления — еще налепами.

В этот же период гончары Тараза начали производить посуду новым способом, собирать ее из отдельных частей, заготовленных в специальных формах — колыбах и частично на кругу (горло и дно). К нововведениям данного периода относится и клинкерный обжиг, каким сделаны так называемые сфероконусы.

Наличие значительного количества целых форм сосудов и их стандартизация дают возможность не только проследить генетическую связь с культурой предшествующего периода, отметить ее высокий уровень, но и выявить некоторое своеобразие керамического производства гончаров Тараза.

С этой целью дадим более подробную характеристику основным формам неполивных изделий, представленных хумами, кувшинами, котлами, горшками, мисками, ступками, тагарами, кружками, крышками, сфероконусами.

Хумы сделаны на круге по частям, из глины с примесью дресвы. По форме венчиков они делятся на две группы:

а) отогнутый наружу в виде прямоугольной площадки или с бороздками по краю (формы, генетически связанные с предшествующим периодом, Тараз).

б) почти слившийся с горловиной (новый тип, рабад № 3).

Поверхность сосудов тщательно заглажена, вследствие чего в верхней части остались следы кругового изготовления — тонкие концентрические линии. В ряде случаев с наружной стороны хумы покрыты беловатым ангобом, поверх которого сделана коричневатая с потеками роспись (табл. XI, *2*). У некоторых плечики украшены прочерченным орнаментом в виде волнистой линии или узором из стилизованных четырех пальметок со штриховым заполнением, которые чередовались со схематическими фигурками (*4*), заканчивающимися птичьими головками (юго-восточная округа), реже штампом в виде концентрических кругов с точкой в центре (рабад № 3). Этот узор весьма распространен на костяных изделиях предшествующего времени. Иногда встречались хумы с венчиком, украшенным не только в нижней части, но и верхней в виде волнистого жгутика, выполненного защипами пальцев (*5*).

Кувшины составляют самую многочисленную группу изделий. По технике изготовления они делятся на три группы. К первой относятся а) круговые кувшины с грушевидным туловом, невысокой цилиндрической горловиной, подтреугольным в сечении венчиком, иногда расчлененным бороздками, и петлеобразной также с бороздками по верху ручкой (*3*); б) узкогорлые кувшины с почти сферическим корпусом. Один имел воронкообразный оттянутый вверх сливной носик (*6*), другой высокую цилиндрическую горловину и воронкообразное устье и ярко выраженное основание корпуса (*7*). Оба орнаментированы скупо: волнистыми линиями и полосочками, нанесенными гребенкой; в) чайникообразные сосуды-кумганы со сферическим корпусом, цилиндрическим носиком с закруглением на конце и воронкообразной горловиной или без нее и петлеобразной ручкой (*33—36*). Эта форма ведет свое происхождение от уткообразных сосудов предшествующего времени.

Подобная посуда известна в Семиречье [38], Южном Казахстане [39], в Чардаре [40], юго-восточной округе Тараза [41] (X—XII вв.). В Согде, Чаче и Хорезме кумганы не обнаружены.

г) Кувшинчики с цилиндрической невысокой горловиной и носиком в виде конуса, прикрепленным в верхней части корпуса со стороны, противоположной ручке (*37*).

Вторую группу составляют кувшины (*38, 39*), рельефный орнамент которых оттиснут в форме. Техника производства подобного типа сосудов достаточно подробно описана С. Б. Луниной [42]. В данном случае нас интересует оригинальный узор верхней части сосуда, вписанный в круги с кружковым орнаментом, подобным орнаменту на костяных изделиях из нижних слоев Тараза (VIII—IX вв.). Центральной композицией является узор из четырех медальонов и вписанных в них пяти лепестков. Пространство между основным рисунком занято мелким кружковым орнаментом. В центре одного медальона оттиснуто имя «Фазл» [43], вероятно, мастера, как и на керамике Термеза [44].

---

[38] А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, стр. 134.

[39] Е. И. Агеева. Общий обзор находок. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14, 1962, стр. 200.

[40] М. С. Мерщиев. Городище Актобе I (IV—нач. XIII в.). Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 154, рис. 22, 62.

[41] М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе I у с. Орловки. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, рис. 13, 81, 82; П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, табл. XIV, рис. 8.

[42] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—нач. XIII в. Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 285.

[43] Чтение научного сотрудника Института ИАЭ АН КазССР В. П. Юдина.

[44] М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение. Труды Уз. ФАН СССР, серия 1, вып. II, Ташкент, 1940, стр. 98—99.

Между медальонами имеются вертикальные, поставленные в ряд рыбки, выполненные высоким рельефом. Их короткое туловище разделено полосой на две части. Треугольные с одним поперечным уголком хвосты и две линии, отделяющие туловище и голову с двумя рельефными глазками и плавниками, несколько схематичны. Мотив орнамента в виде рыбки широко распространен на территории Казахстана начиная с сакского [45] по тюркское время [46]. Наличие его на кимакских бронзовых зеркалах, на ременных наконечниках (VII—X вв.) [47], в штуковой декорации дворца в Варахше (VII—VIII вв.) [48], в керамике Мерва [49] свидетельствует о связях, которые существовали между населением Тараза и городов Средней Азии.

И, наконец, последнюю, третью группу образуют широко бытовавшие ранее лепные кувшины с вытянутым вперед сливом на горловине, с прорезным или налепным орнаментом по корпусу. Наиболее интересным оказался сосуд с налепным орнаментом в виде зубчатой гривки и свернувшейся змейки на ручке (табл. XI, *40*).

Изображение змеи в Казахстане относится к первым векам нашей эры. По всей вероятности, этот орнаментальный мотив имел магическое значение [50]. Несмотря на внедрение ислама, в искусстве кустаря-ремесленника это изображение все еще сохранило свое значение и в средневековье [51].

Известные в предшествующий период котлы с серповидными, петлеобразными, треугольными ручками и ручками в виде налепов получили широкое распространение и в этот период (табл. XI, *41*, *47*). Некоторые из них изготовлены на круге и покрыты черным ангобом. Котлы с шаровидным корпусом найдены в Фергане [52], Самарканде [53], в

---

[45] С. С. Черников. Восточно-Казахстанская экспедиция. КСИИМК, вып. XXXVII 1951, стр. 146.

[46] Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, стр. 49, рис. 2, 5.

[47] Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв). Сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, табл. между стр. 100 и 101, рис. 181, 183.

[48] В. А. Шишкин. Архитектурная декорация дворца в Варахше. ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 253.

[49] С. Лунина. Указ. работа, стр. 271, 308—310.

[50] М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. XLII, М.—Л., 1959, стр. 110.

[51] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 162.

[52] И. Ахраров. Кухонная керамика Ферганы IX—X вв. Сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 129, рис. 3, *в*; стр. 131, рис. 6.

[53] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 154, рис. 69, XII, *7*.

Чуйской долине [54] и в юго-восточной части Таласской долины [55], Южном Казахстане, Семиречье, где датируются IX—XII вв. В это же время появились плоскодонные котлы, которые отличались от предшествующих плоскодонных котлов отсутствием уступа в профиле стенок и более строгим орнаментом (*а*).

Кроме перечисленных форм котлов и кувшинов найдены фрагменты подобных сосудов, по которым можно судить, что наряду с существовавшим ранее и имевшим место теперь ангобным покрытием в виде потеков для орнаментации стали применять и фигурную роспись (*8—16*). Расписывалась в основном верхняя часть сосудов: горловина, плечики, корпус наверху. Раскраска делалась поверх беловато-желтоватого ангоба черной, красной и буро-коричневой красками.

Особенно разнообразны по мотивам рисунки в виде волнистых линий, завитков, заходящих концами друг на друга, радиально расположенных линий, простых пятнистых потеков. В основном данные образцы росписи повторяют мотивы, широко известные и в поливной посуде.

Накопленные в разные годы материалы позволили выяснить, что посуда с фигурной раскраской характерна для X—XII вв. Это же подтверждено и наблюдениями Е. И. Агеевой, отметившей, что в средневековых городищах Южного Казахстана «раскрашенная керамика встречается только в слоях X—XII вв.» [56]. В это же время она известна в Киргизии [57], на северных склонах Каратау [58] и в юго-восточной округе Тараза [59].

Горшки, предназначенные для варки пищи на огне, по-прежнему изготовлялись ручной лепкой. Их форма также изменилась. Они стали более приземистыми, округлыми, на цилиндрической горловине некоторых появился подтреугольный валик (табл. XI, *43*). Теперь

---

[54] А. Н. Бернштам. «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, табл. XXIX, *5*, *4*.

[55] М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе I у с. Орловки, рис. 13, 14, 16.

[56] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, Алма-Ата, 1956, стр. 193.

[57] Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 году. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960, стр. 225.

[58] Е. И. Агеева. Общий обзор находок. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14, Алма-Ата, 1962, стр. 202, рис. 62.

[59] П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 161, табл. VI.

не венчик, а верхняя часть корпуса орнаментирована волнистой линией, пояском елочки, вдавлениями ногтя (*23, 42*).

Сюда следует отнести и приземистые горшочки с укороченной горловиной и отогнутым наружу в виде валика венчиком. У них маленькие петлеобразные ручки, прикрепленные прямо к венчику или у места сочленения корпуса с венчиком (*44, 45*).

Наряду с продолжавшими бытовать краснолощеными массивными мисками с пояском по краю (*48*) появились новые с конической формой корпуса и подтреугольным венчиком (*49*). Значительно стандартизировалась форма тазиков-тагар, известных в это время в Южном Казахстане [60] и Киргизии [61]. Стенки их стали выше (*50*). В основном преобладали тагары с посаженными на верхнюю площадку ручками или без них. На внутренней части венчика некоторых тазиков появились уступы для держания крышки. Венчики и внутренние части дна иногда орнаментированы длинными волнистыми полосами.

Почти исчезли из употребления ступкообразные сосуды и их разновидности. Обломки некоторых донцев не имеют орнамента. Не обнаружены и столики на ножках, их заменили столики на коническом поддоне (*6*).

К р у ж к и по форме близки к кружкам предшествующего периода. Они имеют подцилиндрической формы тулово с легким перегибом в центре. К венчику тулово расширяется. Ручка, прикрепленная у нижней части корпуса и у венчика, с пятой (*17*). В отличие от ручек VI—VIII вв. она не орнаментирована. Некоторые из них без пяты и покрыты красным ангобом. Среди кружек есть кружки и с округлым корпусом и небольшой петлеобразной изогнутой ручкой у края (*18*).

По-прежнему изготовлялись крышки трех форм. Выгнутые крышки не орнаментировались (*25, 28*). Они отличаются от крышек предшествующего времени тем, что выполнены из глины лучшего качества, зачастую покрыты белым ангобом и отделаны более четкими линиями. Это говорит о ремесленном навыке, который уже был приобретен мастерами к тому времени.

Орнамент выполнен двумя известными и в предшествующее время способами: прочерчиванием стеком и пальцами. На некоторых крышках он состоит из семиконечной звезды с заштрихованными концами (*46*). Эта центральная композиция обрамлена канвой из S-образных завитков с точечным заполнением фона, ограниченного с

---

[60] Е. И. А г е е в а. Общий обзор находок. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14, Алма-Ата, 1962, стр. 202, рис. 62.

[61] М. А. Б у б н о в а. Средневековое поселение Актобе I у с. Орловки, стр. 138, рис. 13, *5—8*.

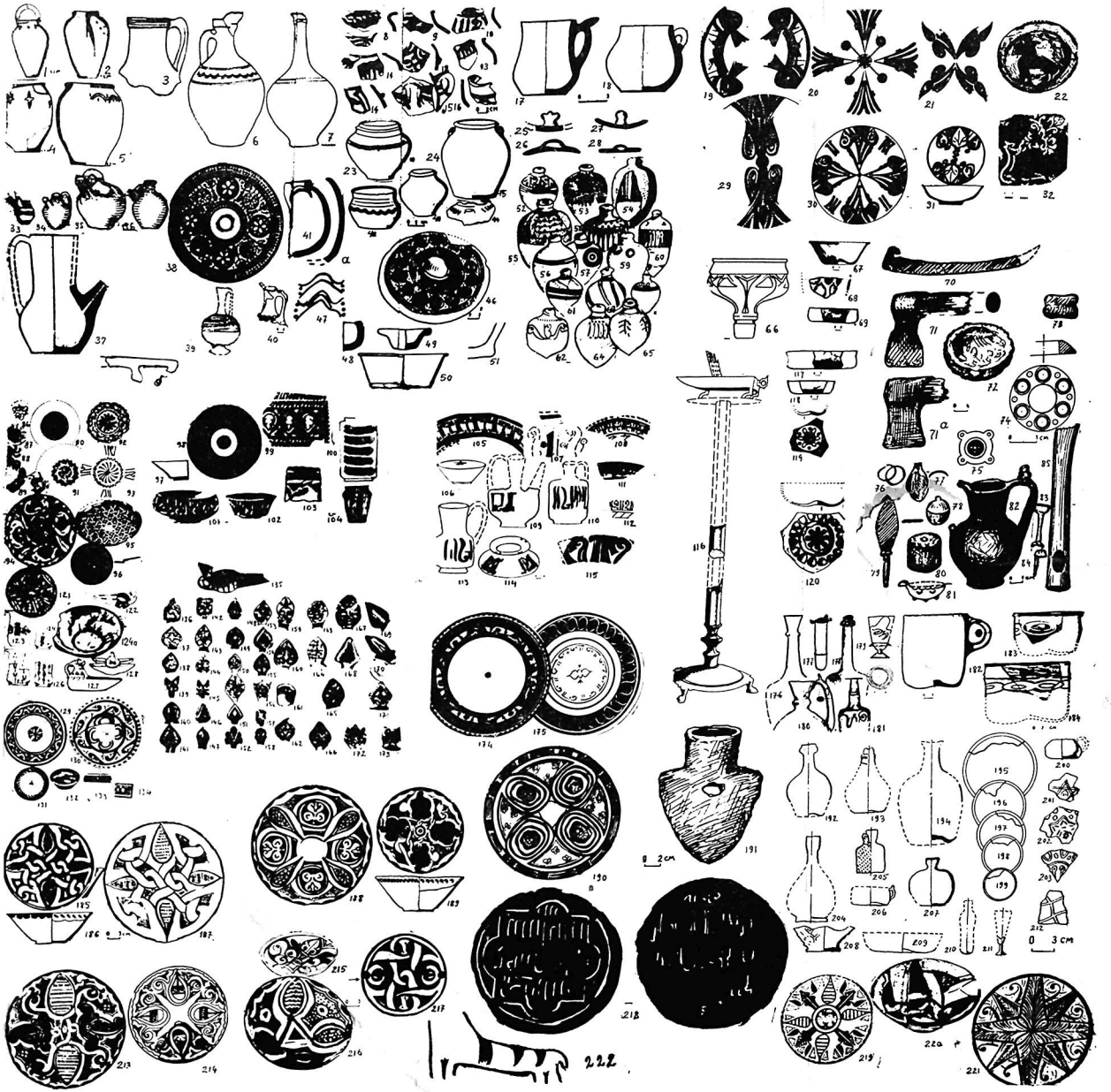

Таблица XI. Памятники материальной культуры Тараза X—XII вв.

обеих сторон прочерченными концентрическими линиями. Композиция завершается бордюром «падающей волны». Данный мотив широко известен из предшествующего времени и характерен, как и мотив заштрихованных углов, для поливной керамики Самарканда второй половины X в.[62] Копилки не изменили формы.

Сфероконусы. Это небольшого объема толстостенные сосудики с очень узким отверстием в невысоком горле, оформленном по краю валиком. Дно у них выполнено в виде конуса, массивное, тяжелое. Различия в форме корпуса позволили разделить их на две группы: высокие (*54—60*) и низкие (*52, 53, 56—65*).

Высокие сосудики имели цилиндрический корпус, приподнятые бока и богато орнаментированные поверхности. Диаметр корпуса 10—14 *см* при толщине стенок до 2 *см*, высоте 9—22 *см*, общей емкости 200—400 *г*. Низкие сосудики приземистые, с коническим дном и также орнаментированы. Узор на обеих группах сосудов расположен не столько в верхней части корпуса, сколько на боках. Он состоит из концентрических кругов, вертикальных и горизонтальных полос, реже роспись растительного характера.

Привлекает внимание орнамент в виде гофров и треугольников, выполненных выемчатой техникой (*55, 58, 60*). Нельзя не остановиться и на орнаменте нескольких фрагментов, поверхности которых имеют рельефные налепы, расчлененные косыми насечками с кружками. Судя по аналогично украшенным фрагментам сосудов из Ахсыкета, кружки, которые передают рыбью чешую, а выступы — плавники, орнамент на фрагменте таразского сосуда также следует считать изображением рыбьей чешуи (*53*). Часты и сочетания вертикальных накладных ребер с точечным и пунктирным штампом. Фрагменты сфероконусов, заканчивающихся в форме рыбьего хвоста, известны и в керамике Афрасиаба. Сфероконусы с налепными ребрами имеют довольно широкий ареал распространения. Так, они встречены в Грузии [63], Армении [64], Оренкале [65], в Мерве в комплексах XII—XIII вв.[66], в армянских средневековых городах в слоях, относимых к X—XIII вв.

---

[62] Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX—нач. XIII в. Ташкент, 1967, стр. 48, рис. 11, 12.

[63] В. В. Джапаридзе. Керамическая промышленность Грузии XI—XIII вв. Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1955, стр. 13.

[64] Б. А. Шелковников. Художественная керамическая промышленность средневековой Армении. «Известия Армянского филиала АН СССР», 1942, № 3 (4), стр. 7.

[65] А. А. Иессен. Работы Азербайджанской экспедиции в 1953 г. КСИИМК, вып. LXIX, 1957, стр. 124, рис. 48, *4*.

[66] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — нач. XIII в. Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 359, рис. 81; стр. 366.

Сфероконусы без орнамента и со строгим орнаментом отмечены в юго-восточной части Таласской долины [67], в Чуйской долине [68], в Южном Казахстане [69], Чардаре [70], Фергане [71] (X—XII вв.). С этим же временем следует связывать их широкое распространение и в Таразе.

Многообразие форм исследованной керамики, высокая и разнохарактерная техника ее изготовления (гончарный круг, колыб, ручная лепка) и орнаментация (штамп, гравировка, выемчатость фона) говорят о том высоком искусстве гончарного ремесла, которого достигли мастера Тараза в исследуемый период.

Особенно наглядно развитие керамического производства в рассматриваемый период может быть прослежено на богато представленной в Таразе поливной керамике. Она сделана из хорошо промешанной глины, не содержавшей посторонних примесей. Черепок ее в изломе красного цвета. Эта керамика изготовлена на гончарном круге. Ее отличают высокое качество, яркость красок, высокохудожественность орнаментальной тематики и хорошее выполнение узора.

Основным видом поливных изделий этого времени являются чаши, пиалы, блюда, тарелки, кувшины, горшочки, вазочки, туваки, чираги. Чаши представлены двумя формами: конической (табл. XI, *186*, *189*) и с плавно выгнутыми стенками (*31*). Единично встречены чаши с наклоненными внутрь бортами (*101*), небольшие низкие чашечки с плавно выгнутой, заканчивающейся вверху округленной закраиной (*102*) и небольшие низкие чашечки на дисковидном поддоне. Вследствие различия деталей они образуют несколько вариантов (*97*).

Пиалы близки по форме к конусовидным чашкам. Они лишь меньше размером и в основном покрыты одноцветной поливой: белой и зеленоватой (табл. XI, *106*). Исключение составляют три пиалы, поверхность которых покрыта сложными орнаментальными композициями, напоминающими по сюжету узоры чаш, характеристика которым будет дана далее.

Блюда уплощенной формы, с прямыми или слегка отогнутыми бортиками, на кольцевом поддоне (*95*, *190*).

Тарелки с перегибом стенки, на кольцевом поддоне (*96*).

---

[67] П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 159, табл. V.

[68] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, рис. 70.

[69] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, стр. 106.

[70] М. С. Мерщиев. Поселение Ак-тобе 1 (IV — нач. XIII в.). Сб. «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 154, рис. 22, 53, 73.

[71] Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 году. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960, стр. 236.

Кувшины миниатюрных форм на дисковидном поддоне с цилиндрическим корпусом. Некоторые различия в деталях форм дают несколько вариантов (*133*). Горшочки с приземистым туловом, низкой шейкой и широким отогнутым наружу краем (*99*, *114*, *134*). Вазочки-альбарелло с цилиндрическим или суженным к донцу корпусом (*100*, *103*, *104*). Кувшины и горшочки украшены стилизованными куфическими надписями.

Туваки. Они цилиндрической формы, с отогнутым наружу краем и дисковидным поддоном или без него (*123—126*). Эти предметы отделаны одноцветной коричневой росписью на белом фоне. Некоторые из них покрыты подкрашенной зеленоватой поливой.

Чираги представлены двумя основными типами. Первый тип почти полностью повторяет форму неполивных светильников с округлым корпусом, петлеобразной ручкой, известных в Таразе в предшествующее время. Но теперь они покрыты белой поливой с темной росписью и украшены точками и стилизованной надписью (*122*).

Второй тип чирагов также в плане круглой формы, но корпус их разделен вертикальными каннелюрами и поэтому носик приобретает четкие граненые формы, что создает впечатление металлического сосуда (*135*). Ручка имеет пяту, являющуюся центральной в композиции художественного оформления светильника. Узор выполнен рельефным штампом, чаще всего это мотивы растительного характера, виньетки, пальметки (*148—160*). Встречаются и геометрические клеточки, елочки, концентрические круги (*164—173*). Иногда изображены древние традиционные сцены борьбы зверей (*136*) или пара птиц (*142*, *148*).

Чираги, как правило, покрыты одноцветной поливой: зеленой, желтой, большей частью коричневой, есть и зеленая с желтыми пятнами. К редким формам фигурных светильников относятся: закрытый четырехрожковый светильник, обработанный горчичного цвета поливой, со сферическим корпусом, заканчивающимся вверху цилиндрической трубочкой, предназначенной для вливания жира (*128*), и по бокам имеющий по два симметрично расположенных вытянутых рожка, и закрытые ладьевидные чернополивные светильники с массивным широким носиком. У них корпус в верхней части с прорезными квадратными отверстиями, а выше помещена округлая головка, как бы имитирующая головку птицы. Головка и корпус орнаментированы подтреугольными углублениями (*127*).

Мы не будем давать подробный анализ всем орнаментальным мотивам, представленным в керамике Тараза, а рассмотрим лишь наиболее характерные и наиболее редкие из них, встреченные на чашах, блюдах, тарелках. Они покрыты бесцветной или окрашенной в золотисто-желтый или зеленоватый цвет глазурью и украшены многоцвет-

ной росписью: коричневой, красноватой, зеленоватой, реже горчично-сероватой и черной. В ряде случаев роспись краской дополнена частичной прорисовкой узора и гравировкой.

По сюжету орнаментальных мотивов узор можно разделить на четыре группы: линейно-геометрический, растительный, эпиграфический и зооморфный. Каждый орнамент выполнен своеобразно, но разграничить узоры весьма затруднительно, так как многие из них даны в различных сочетаниях.

К первой группе (линейно-геометрический) относится самый распространенный в Таразе на поливной посуде с белым фоном мотив вихревой розетки, насчитывающий свыше 20 разновидностей (*86—94*). Обычно он украшал донную часть чаш, блюд и тарелок. Как правило, из одной точки выходили полукруглые, постепенно расширяющиеся к концу лепестки, число которых зависело от формы сосуда: чем меньше чашечка, тем скромнее узор (от трех лепестков до пяти), чем крупнее сосуд, тем богаче и пышнее узор (порой до 50 лепестков) (*90*). Чаще всего центральную розетку узора составляли темно-коричневые лепестки, по краям оконтуренные пальметками, исполненными зеленоватыми и желтовато-красными красками. Иногда розетка заключалась в двойные концентрические круги коричневого, фисташкового и красного цветов. От внешнего круга в свою очередь отходили двойные черные и темно-коричневые лепестки пальметки, цветка или завитки рогов.

Обычно мастер украшал не только дно сосуда, но и его борта. Правда, орнамент был менее сложен. Это точки или фестоны, иногда их дополняла благожелательная надпись [72]. Различные мотивы вихревой розетки в сочетании с роговыми узорами широко известны в X—XII вв. в Хорезме [73], Самарканде [74], в Мерве [75] и Южном Казахстане [76], в Таласской долине [77].

При этом следует отметить, что данный мотив на поливной керамике Самарканда XI в. считается проникшим из северо-восточных районов Семиречья. В то же время наличие этого узора на неполивной

[72] О. Г. Большаков. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. «Эпиграфика Востока», 1963, XV, стр. 82.

[73] Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, рис. 58, *9*; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, т. IV, М., 1959, рис. 11, *2, 3*; рис. 1, *2, 3*.

[74] Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в. Ташкент, 1967, рис. 6 Ж; рис. 22, стр. 83.

[75] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — нач. XIII в., стр. 270.

[76] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. О работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I, Алма-Ата, 1956, стр. 39.

[77] П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 193, табл. VIII.

керамике Тараза предшествующего периода, а также многочисленные варианты его в Таразе в рассматриваемый период позволяют говорить о его семиреченском и, быть может, таразском происхождении. Следовательно, если для самаркандской поливной керамики данный орнамент был характерен в XI в., то в таразской он получил широкое распространение в X в.

В эту же группу входит и узор «падающей волны» — символ воды, помещенный в двух концентрических кругах на борте чаши, между волнами имеются завитки (табл. XI, *129*). На другой чаше ниже бордюра из точек в таких же кругах расположены завитки (*130*), на третьей завитки помещены ниже двух кругов (*131*). Подобные завитки украшали и корпус горшка (*133*). Несколько по-другому этот рисунок выглядит на пиале. На ней ниже зубчатого бордюра идут ломаные меандровые линии, передающие движение волны (*98*). К этой же группе надо причислить и узор многолучевой звезды, наносимый на борта чаш и тарелок. Внутри нее располагалась композиция в виде четырехлопастного креста. Лопасти разделены линиями (*121*).

В единственном случае на белом фоне блюда выполнено сложное плетение типа гериха, составлявшего шестиугольные звезды с многолепестковыми розетками внутри (*95*). На бортиках блюда имелась стилизованная надпись «обеспеченность». Сюда же следует отнести узор «узел счастья», узор в виде разводов (*103, 104, 124 а*) и упомянутые орнаменты ромбов (*134, 171*), клеток (*156*), звездочек (*161*), елочек (*132*), кругов, овалов, а также выемчатый орнамент на чирагах.

Отмеченные формы сосудов и узоры имеют аналогии в самаркандской керамике X — нач. XI в.[78]

Ко второй группе относится не менее распространенный в Таразе, чем мотив розетки, рисунок граната — символ плодородия, выполненный очень реалистично. Изображение граната дано в разрезе (*185, 187, 213*), иногда вместо зерен внутри помещали благожелательную надпись (*214*). Как правило, таким узором украшали только борта конических чаш с золотисто-желтым фоном. Симметрично расположенные по борту четыре граната выполнены темно-коричневой краской и переплетены тесьмой, соединенной на дне узлом или концентрическим кругом. Промежутки между завитками заполнены коричневым точечным орнаментом и расцвечены красными пятнами. Иногда между гранатами помещали медальоны с деревом (*188, 219*), иногда рисовали подснежники (*189, 216*).

Чаши с лимонно-желтой и оранжевой поливой характерны не только для керамики шашско-ангренских гончаров[79]. Такая поли-

---

[78] С. Ш. Ташходжаев. Указ. работа, стр. 99.

[79] М. Е. Массон. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, стр. 49.

ва бытовала в Таразе, городах его юго-восточной округи [80] и в Самарканде [81]. Эти районы в рассматриваемый период были связаны с добычей серебра, а окись серебра в соединении со свинцом дает желтые и оранжевые оттенки [82].

Весьма редким орнаментальным мотивом посуды с этим фоном является узор, нанесенный на чаши и по сюжету орнаментальной композиции несколько отличный от предыдущих. Основу рисунка составляют соединенные полосой полуовалы (с четырехлепестковым розоватым цветком в центре), в промежутках между которыми размещены подтреугольной формы фигуры, заполненные точками, с тремя подснежниками (*190*). Композицию завершает кайма из прямоугольных рамок, содержащих три и четыре полуовала.

Не менее редок также узор, состоящий из четырех соединенных между собой концентрических окружностей, внутри которых заключены полуовалы. Контуры окружностей жирно обведены коричневой краской, а с противоположной стороны украшены многолепестковой красноватой пальметкой. Пространство между окружностями заполнено точками (*217*). К этому же типу относится бортовая композиция одной из чаш с сероватым фоном и четырьмя полупальметками в овалах (*215*). Орнамент оживлен красными точками. Наиболее интересна чаша с центрической композицией донца, из которого на борта «произрастают» восемь кипарисов (*221*), между ними имеются завитки. Эта композиция сходна с композицией чаши из Самарканда (X—XI вв.)[83]. На другой чаше древо жизни «растет» из пальметы, между стволами помещены гранаты. Деревья выполнены зеленоватой краской.

Из сказанного видно, какое большое место в поливной керамике Тараза занимали растительные узоры. Цветок, плод, древо жизни лежали в основе сюжетов. Исследователи поливной керамики Самарканда высказывают весьма интересную мысль о семантике граната, подснежника, кипариса. Не ведет ли эта композиция языком символов: «Дерево — плод — дерево — плод» и надпись о долголетии к воспеванию сил умирающей и воскресающей природы [84], т. е. отображению идеи вечного круговорота.

---

[80] М. А. Бубнова. К истории средневековой горной промышленности в Средней Азии (Рудный район Шельджи). СА, 1963, № 2, стр. 88, 89.

[81] Ш. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX—начала XIII в. Ташкент, 1967, стр. 51, рис. 4.

[82] М. А. Бубнова. Указ. работа, стр. 89.

[83] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965, стр. 217, рис. 51.

[84] Ю. Ф. Буряков. Надписи на глазурованных сосудах Тункета. «Материалы по истории Узбекистана». Ташкент, 1963, стр. 123—130; О. Г. Большаков. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. «Эпиграфика Востока», 1963, XV, стр. 82—87; Ш. Ташходжаев. Указ. работа, стр. 33—34.

К третьей группе орнамента относится не менее распространенный, чем два описанных,— эпиграфический. В нем представлены надписи от простого куфи до стилизованной арабески, в которой отсутствует всякий смысл написанного. Как правило, им украшались борта открытой посуды (табл. XI, *105—108, 111, 112, 115*), а также горшочки (*114*), кувшинчики (*109, 110, 113*), чираги с белым фоном и без пяты (*122*).

Стилизованные арабские надписи содержали изречения из корана и благопожелания, которые компоновались либо в виде сплошной орнаментальной полосы, либо прямоугольными отрезками сильно вытянутых букв. Узор выполняли черной, коричневой, иногда красной красками с пальметкой.

Бортовая композиция двух чаш (одна с надписью по борту, *174*; другая с надписью на дне, *175*) состояла из мотива падающей волны, выполненной гравировкой по черному фону, в центре одной было пятно, а в другой — две сердцеобразные фигуры.

Керамика с эпиграфическим узором имела широкое распространение в среднеазиатских городах в X—XII вв.[85] Надписей более раннего времени в Таразе не обнаружено.

И, наконец, последнюю, четвертую группу орнаментальных узоров составляет зооморфный мотив, встреченный только на бортах открытой посуды. Это мотив «распахнутых крыльев» пернатого. Обычно он переходит от центрального пятна донной части на борта чаш (*19—21*). Имеется значительное количество его образцов и сочетаний: он чередуется то с эпиграфикой, то с двумя лопастями (*21, 31*), то с пропеллеровидным орнаментом (*19, 20, 30*).

Стилизованные образы пернатых и частей их тела в узоре — весьма распространенное явление на посуде XI—XII вв.[86]

К этой же группе узоров следует отнести и изображения животных на поливных изделиях Тараза.

На одной чаше в центре имелась фигура льва, на фрагменте закрытой формы сосуда — лиса и на выступе ручки чирага — барс, набросившийся на оленя.

Лев изображен в минуту ярости, он стоит с раскрытой пастью и подогнутым под себя хвостом. У него большая голова, вздутые ноздри, широко открытые глаза, взъерошенная грива. Фигура заключена в медальон из эпиграфической надписи (*22*).

---

[85] Г. А. Пугаченкова. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда. «Изв. АН ТаджССР, серия общественная», 1952, вып. II, стр. 57; Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX—нач. XIII в., стр 62.

[86] Ш. Ташходжаев. Указ. работа, стр. 116, рис. 29; стр. 120, 121, рис. 31.

Изображение льва известно и на пластинке из Термеза. Сделанная вокруг него надпись гласит: Могущество, благоденствие, богатство, покой, счастье, блаженство»[87]. Подобные мотивы встречены также в Мерве[88]. В эпическом творчестве и мифологии народов Средней Азии и Южного Казахстана герои сравнивались со львом или тигром, олицетворявшими силу, могущество, власть. Лев зафиксирован в Сукулуке и на самаркандской керамике второй половины X в.[89], где он олицетворяет образ Али, культ которого играл не последнюю роль в религиозно-философском мировоззрении и населения Таразского округа.

Фигура лисы на сосуде обнаружена один раз. Она имеет небольшую заостренную мордочку, острые торчащие ушки и длинный, поднятый над спиной пушистый хвост. Голова отделена от тела двумя полосками (*32*). Орнамент выполнен рельефно и покрыт вместе с сосудом темно-коричневой поливой. Лиса стоит на задних лапах, а передними как бы тянется к ветвям виноградной лозы. Рисунок лисы известен на керамике Мерва X—XII вв.[90] Таразское изображение отличается большой реалистичностью. Лиса испокон веков почти у всех народов была одним из популярных сказочных персонажей. Она олицетворяла хитрость, лукавство, коварство, иногда смелость и ум.

Этот рисунок можно использовать как иллюстрацию к крыловской басне «Лиса и виноград». Мастер-керамист, создавая свое высокохудожественное произведение, вкладывал в него особый смысл, связанный с бытующими в ту пору сказками о лисе.

Сцена борьбы барса и оленя передана весьма реалистично, в позах животных чувствуется движение и энергия (*136*).

Фигура оленя выполнена в динамике. Его сильная голова, увенчанная ветвистыми рогами, обращена к хищнику. Очень хорошо очерчена мускулатура его стройных ног и округлого крупа. Хищник стоит на задних ногах, а передними упирается в круп оленя. Его мощная голова с острой мордой и маленькими стоящими ушками наклонена в сторону повернутой к нему головы оленя. Видимо, художник хотел изобразить тот момент, когда хищник намеревался впиться в шею беззащитного животного. Хвост хищника высоко поднят, на конце он переходит в растительный побег.

---

[87] М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение. Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. Ташкент, 1940, стр. 53—54.

[88] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в. Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 20, рис. 58.

[89] Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX—нач. XIII в., стр. 72.

[90] С. Б. Лунина. Указ. работа, стр. 318, рис. 57.

Орнаментальная композиция завершается растительной пальметкой. Рисунок выполнен штампом и покрыт коричневой с черноватым оттенком краской. Благодаря этому узору чираг с граненым туловом следует датировать XI—XII вв. Повинуясь спросу, мастер из среды, ревностно исповедующей ислам, ввел в узор мотивы скифо-сарматского стиля, более близкие народной идеологии тюрок-кочевников. Изображения даны столь живо, что их нельзя связать с общим характером искусства того времени.

Изображения птиц на отворотах ручек чирагов с граненым корпусом представлены голубями, стоящими друг против друга под виноградником. Голуби запечатлены с вытянутыми шеями и опущенными крыльями. В такой же позе изображены павлины под «древом жизни».

Наиболее часто встречается орнаментальный мотив, особенно мотив голубя, в средневековой поливной керамике Самарканда, Мерва [91] и Херсонеса [92].

Из сказанного следует, что, несмотря на значительные изменения, которые произошли в исследуемый период в области керамического производства, все еще немало посуды изготавливалось ручной лепкой. Это шаровидные котлы, кувшины с зооморфной горловиной, плоскодонные котлы с серповидными ручками, крышки с орнаментом в виде вихревой розетки, роговым и звездчатым. Все говорит о генетической связи с предшествующим периодом.

Появившиеся новые формы кувшинов, сделанных в калыбах, и сфероконусов с узорами рыбок, известными в искусстве кимако-кипчакских племен Прииртышья VII—X вв., в Варахше и Мерве VII—X вв., свидетельствуют о тесном контакте карлуко-кипчакских племен с оседлым населением Тараза и о связях последнего с городами Средней Азии. В свое время на основании изучения орнаментов неполивной керамики Тараза об этом писал А. Н. Бернштам.

В IX—X вв. в этом крупнейшем ремесленном центре, оказавшем большое влияние на культуру городского и кочевого населения Семиречья, победила новая феодальная линия в искусстве. «Она содействовала почти полному исчезновению реалистических образов и замене их... орнаментальными формами,— правда, не без влияния кочевников» [93]. Происходившие в это время тесные контакты населения Тараза с населением городов Средней Азии способствовали и проникновению в Согд некоторых форм неполивной керамики Тараза.

---

[91] С. Б. Лунина. Указ. работа, стр. 240.

[92] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес XII—XIV вв. МИА, № 17, 1950, стр. 197, табл. XXVIII, рис. 109.

[93] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 157.

Поэтому не случайно, что в ряде городов Согда и в Самарканде XI—XII вв. не обнаружено лепных сосудов, богато представленных в Таразе. Что касается афрасиабских лепных кувшинов, близких к семиреченским, то «по профилю они представляют собой лишь следующую ступень развития того типа, к которому относятся семиреченские лепные кувшины» [94], получившие, как мы видели, развитие в Таразе еще в предшествующую эпоху. В этой связи справедливо заключить, что лепные кувшины появились в Согде с приходом караханидских тюрок — карлуков [95], резиденция которых в 1026/27 г. находилась около Бухары и, судя по монетам, называлась Xarlyg Ordu [96].

Широкое применение гончарного круга как при изготовлении неполивной посуды (кумганов, котлов, хумов, кувшинов, тагар, кружек), так и поливной (чаш, кес, мисок, тарелок, кувшинчиков, горшочков) свидетельствует о той возросшей роли гончарного ремесла, которую оно стало играть в связи с увеличением спроса на керамические изделия, а также с ростом Тараза как торгового центра.

Разнообразие форм и высокое художественное мастерство гончаров-ремесленников, ярче всего выразившееся в стандартизации и разнообразном узоротворчестве поливных изделий (вихревая розетка в усложненной комбинации, роговые мотивы, узоры граната, лотоса, крыльев птиц, лев, лиса и пр.), способствовали не только широкому спросу их на рынке и расширению денежных оборотов, но и влиянию ремесленников Тараза на гончарное искусство других городов Семиречья и Средней Азии: Самарканда, Асхикета, Узгена, Ташкента, Согда, которые были тесно связаны с Передней Азией и в свою очередь воздействовали на культуру городов Семиречья.

Все это позволяет подтвердить точку зрения А. Н. Бернштама о том, что Средняя Азия в X—XII вв. знала почти все типы передневосточной керамики, а среднеазиатскую керамику знало все Семиречье. Ее распространению в городах Семиречья способствовало высокое мастерство гончаров Тараза, «задававших общий тон таласско-чуйским мастерам и регламентировавших вкусы степей». Расцвет керамического искусства в Таразе и городах округи, как и во всем Семиречье, был не изолированным явлением, а оказался результатом общего экономического подъема культуры городов Средней Азии и Казахстана после объединения под властью караханидов.

Росту нарождавшегося феодального общества содействовало не только усовершенствование гончарного производства, но и развитие

[94] В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960, стр. 161.

[95] А. Н. Бернштам. Указ. работа, стр. 160.

[96] Von Omelian Pritsak. Die Karachaniden (mit einer geneologischen Tafel). «Der Yslam», XXXI. Heft I, Berlin, 1953, S. 37.

других ремесел: кузнечного, ювелирного, а также появление новой отрасли — производства стеклянных изделий. Эти достижения проявляются как во внедрении в производство новых технических приемов, инкрустации серебром, медью, цветными камнями, так и в применении токарного станка.

Наряду с изделиями хозяйственного и военного назначения большое место стало занимать изготовление изделий религиозно-эстетического характера.

Так, путем отливки и дополнительной обработки производили подставки и подножки для богато представленных в Таразе курильниц, связанных с отправлением религиозных культов [97]. После отливки детали, очевидно, обтачивались на токарном станке [98], а затем орнаментировались. Основания подножек и стволы гравировались дополнительно. Они были различными по высоте (от 85 до 160 *см*) и форме, то в виде полого круглого стержня, то в виде шестигранника, расчлененного на массивные фигурные базы (табл. XI, *116*). Некоторые базы, как и сами подставки, украшались ажурным или рельефным узором. В нижней части базы припаивали фигурные ручки, предназначенные для переноса курильниц.

Подставки крепили на полусферическом основании из трех ножек, имевших форму лап животного. На них покоились отлитые плоские круглые блюда диаметром 12—25 *см* (иногда с приподнятыми, украшенными рубчиками бортами), на которые ставились курильницы. Нетрудно заметить, что прототипом этих сложносоставных приборов были сакские бронзовые светильники с архитектурными ножками и плоским однообразным завершением.

Но в отличие от сакских светильников, в которых отдельные части, в том числе и бронзовые скульптурки, соединены спайкой, на круглых блюдах описываемых подставок имелись съемные резервуары курильниц различных форм с четырьмя-пятью рожками или без них (рис. 34), с богато орнаментированными крышками и ручкой, украшенной сердцеобразно переплетающимися виноградными лозами с заостренными листьями, восходящими своим узором как к таразскому орнаменту на крышках (VI—VII вв.), так и к пянджикентскому (VI—VIII вв.) и нижнесырдарьинскому (VIII—IX вв.) [99].

---

[97] Т. Н. Сенигова. Осветительные приборы Тараза и связь их с культом огня. СА, 1968, № 1.

[98] А. А. Иванов. О первоначальном назначении иранских «подсвечников» XVI—XVII вв. Сборник в честь академика И. А. Орбели. Исследования по истории культуры народов Востока». М. — Л., 1960, стр. 349.

[99] В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента. В кн.: «Скульптура и живопись древнего Пянджикента». М., 1959, стр. 122, 123; Л. М. Левина. Керамика нижней и средней сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971, стр. 81, рис. 20, 38.

Этот узор имеет аналогии не только в керамике рассматриваемого периода (на пятах глиняных светильников), но и в архитектуре надмогильных сооружений Тараза.

Не менее художественно выполнена курильница с округлым ажурным резервуаром, состоящим из переплетающихся лент. Основание и верхняя часть ее утрачены.

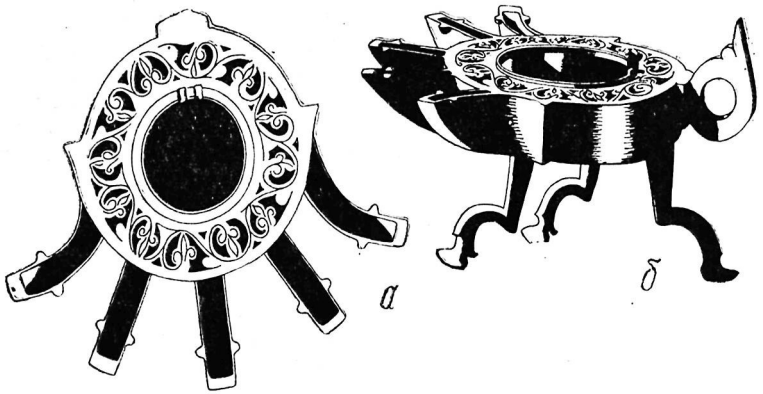

Рис. 34. Светильник: а) вид сверху; б) вид сбоку.

К цилиндрической с невысокими бортиками курильнице мастер припаял полую ручку, украсив ее в верхней части также ажурным узором из побегов виноградной лозы. Но наиболее изящно сделана курильница с округлым резервуаром и расходящимися веерообразно от него пятью рожками. Верхняя часть резервуара покрыта тем же классическим орнаментом — побегами виноградной лозы с листьями.

Наряду с изделиями, выполненными путем литья и орнаментированными гравировкой, стали изготовлять предметы, в отделке которых применялась инкрустация серебром, например бронзовый светильник (*6б*). Его резервуар имел форму чаши с плоскими краями венчика. Внешняя поверхность светильника обработана рельефной техникой. Он состоял из шести лепестковых полуовалов, каждая долька которого инкрустирована серебром в виде человеческих фигур, распространенных, по заключению старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа А. Иванова, в отделке церковной утвари IX—XII вв.

Следует отметить, что инкрустация медных предметов серебром считалась большим мастерством и применялась для украшения особо

ценных предметов, предназначенных для знати. Не менее высокохудожественно украшен и бронзовый водолей [100]. Мастер придал сосуду грушевидную форму с узким горлышком, заканчивающимся головкой волка. Выпуклые зрачки зверя сделаны из красной меди и обведены кружком с насечками на желтой бронзе (рис. 35). Весьма искусно припаяны к головке короткие, слегка оттопыренные уши волка, на них выгравирован тончайший узор. Об использовании сложных приемов при изготовлении бронзовых предметов свидетельствует и узор на сосуде с обрывками надписи. Он состоял из 12 циркульных арочек, опиравшихся на витые колонки с ромбами в тимпанах, а также из выгравированного крупного медальона с вписанными в него шестью кольцами и двенадцатью ямочками. В последних, по предположению Л. И. Ремпеля, возможно, были укреплены кусочки цветного стекла или камня [101].

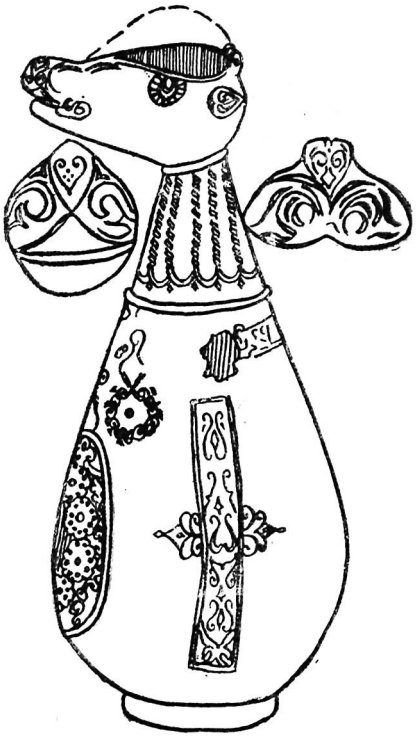

Рис. 35. Бронзовый водолей.

Посредством отливки в форме были сделаны женские украшения в виде несомкнутых серег (*76*), бляшек с ушками (*75*), коробочки (*80*), колокольчики (*78*), ложки (*77*), сосудики с двумя ручками (82), чашечка с коническими шишечками (*81*), стрелы (*79*), зеркала из Ургенлисая (округ Тараза). Одно из пяти дошло до нас с воспроизведенной на нем сценой охоты и с благожелательной надписью (рис. 36).

Наличие в одном из слоев Тараза трех каменных разъемных формочек для отливки женских украшений из серебра с геометрическими узорами (рис. 37), напоминающими узоры кимако-кипчакских жен-

---

[100] Л. И. Ремпель. Интересная археологическая находка в долине Таласа. «Вестник АН КазССР», 1952, № 4, стр. 79.

[101] Там же, стр. 80.

ских украшений VII—IX вв.[102], позволяют заключить, что таразские ювелиры производили эти изделия на широкий рынок.

Наряду с ювелирными изделиями большим спросом пользовались хозяйственные предметы, которые по-прежнему изготовлялись из железа путем ковки. Это топоры (*71 а*), дверные скобы, навесные кольца, ключи (*83*), гвозди с массивными шляпками (*84*), ножи с тупыми спинками. Наличие крицы в жилых помещениях цитадели (*72*), каменных формочек, а также больших залежей медных, железных и серебряных руд в юго-восточной округе свидетельствует о том, что мастера могли делать из этих материалов предметы не только в городах округи, но и в самом Таразе.

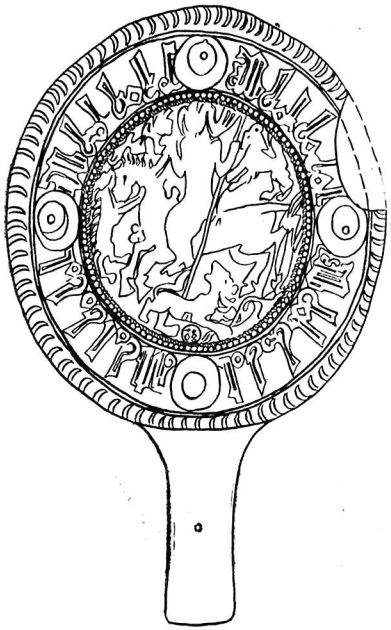

Рис. 36. Бронзовое зеркало.

Производство стеклянных изделий явилось новой отраслью ремесла. Оно обусловлено развитием экономики в рассматриваемый период.

Поскольку типология основных форм стеклянных изделий, добытых из культурных толщ шахристана Тараза X—XII вв., достаточно подробно разработана Е. И. Агеевой [103], а полученный нами в 1958—1965 гг. дополнительный материал из раскопов на шахристане и рабаде лишь количественно дополняет уже известные формы: миски, тарелки, рюмки, флаконы, графины, оконные диски, то, чтобы выявить ту значительную роль, которую играл этот вид ремесла в развитии производительных сил местного общества, мы сочли необходимым остановиться лишь на некоторых моментах стекольного производства и попутно осветить вопрос о назначении некоторых форм сосудов.

[102] Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв). Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 100, 101, рис. 168, 173, 174, 183, 184.

[103] Е. И. Агеева. Средневековое стекло из Тараза. Сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 7—21.

Наличие различных по технике изготовления стеклянных изделий свидетельствует о том, что ремесленникам были известны практиковавшиеся в средневековье два метода производства сосудов. Первый — это метод свободного выдувания полых стеклянных изделий сложной профилировки: графинов (*176, 178, 180, 181, 192, 194, 204*), рюмочек (*179, 211*), флаконов (*205, 210*). При этом основным орудием мастера была стеклодувная трубка, на конец которой он набирал жидкую стеклянную массу, а затем вдувал в нее воздух для образования полости, потом путем быстрого вращения добивался нужной формы [104]. Второй метод — выдувание изделий в форме. Таким путем изготовлялись изделия с более простыми по профилю стенками типа мисок (*67—69, 117—120*), чашечек, кружечек (*206—212*), украшенных на дне ячейками или узором в виде шестиконечной звезды, или пальметками в кругу перлов, известными на сосудах предшествующего времени. Для особо парадных изделий — графинов (*191*) и рюмочек (*179*) применялась и более усовершенствованная техника производства. Секрет ее заключался в том, что на уже охлажденную выдутую основную форму накладывались волнистые голубовато-желтые или красноватые, иногда с позолотой нити [105]. Из стеклянной массы изготовлялись также оконные стекла — диски (*195—199*).

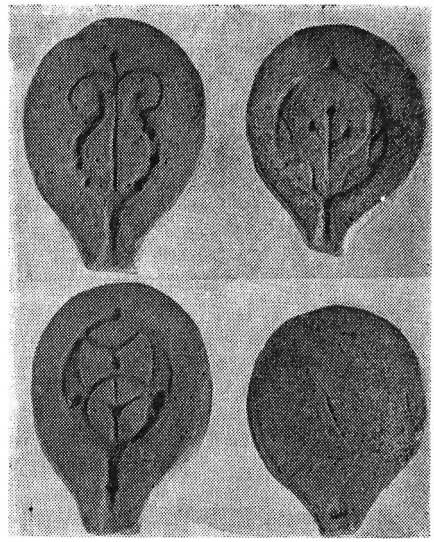

Рис. 37. Каменные формочки для отливки женских украшений.

О довольно высоком уровне развития стекольного ремесла в Таразе свидетельствует и обнаруженная, хотя и в небольшом числе, но весьма ценная по назначению так называемая техническая посуда. Это цилиндрической формы пробирки с тремя симметрично расположенными у края ушками для подвешивания, различные удлиненные

---

[104] Н. Качалов. Стекло. М., 1959, стр. 70—80.

[105] См. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Таласская долина». Алма-Ата, 1949, стр. 159.

рожки (*177*) [106], а также миниатюрные флакончики (для косметики) с яйцевидным корпусом и длинным горлышком, заканчивающимся раструбом [107].

В связи с установлением назначения сосудов несомненный интерес представляют и фрагменты [108], ранее найденные вместе с монетами X—XII вв. Созданная нами на основании этих фрагментов реконструкция позволяет предполагать, что сосуд имел шарообразный корпус (15×15 *см*) и воронкообразную горловину, на поверхности сохранился налет зеленовато-сероватой губчатой массы (*207*). Вместе с ним обнаружены еще фрагменты сосуда типа кувшина со сферическим корпусом.

Вопрос о назначении средневековой посуды еще мало исследован. Однако на основе сопоставления этих сосудов с данными трактата «Описание технологии», составленного во второй половине XII в. крупнейшим средневековым ученым-энциклопедистом, уроженцем Тифлиса (в работе дана характеристика утвари химико-технологического производства, применявшейся для приготовления из природной киновари высокохудожественных красителей), удалось определить назначение некоторых из них [109]. Первый сосуд применялся в химико-технологических процессах как тара для киновари, используемой при производстве поливных изделий, а второй как тара в быту для хранения хмельного напитка (*фокка*).

Обнаруженные в юго-восточной части шахристана шлак, куски кварцевой породы свидетельствуют о том, что стеклянные изделия производили в местных мастерских, причем в большом количестве. Кроме бытовой утвари и химической посуды здесь собрано немало бисера зеленого, красного, синего и белого цвета.

Столь разнообразный набор изделий говорит о том высоком уровне, которого достигла эта отрасль ремесла в городах Семиречья и Средней Азии в рассматриваемый период [110].

На основе анализа шлака, найденного в юго-восточной части шахристана Тараза [111], выяснено, что стекло Тараза, как и Тмутаракани [112], относится к группе натриево-кальциево-магниево-кремнезернис-

[106] Е. И. Агеева. Средневековое стекло из Тараза, стр. 13, рис. 4.

[107] Труды САЭ, стр. 103 .

[108] М. С. Мерщиев. К вопросу о стратиграфии нижних слоев Тараза. Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 49.

[109] Т. Н. Сенигова. О назначении двух стеклянных сосудов из Тараза. Сб. «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 209.

[110] М. Аминджанова. Средневековые стеклянные сосуды музеев Ташкента и Самарканда. ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 87; ее же. Среднеазиатское средневековое стекло в собрании Эрмитажа. ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 153—161.

[111] Определение (№ 980) сделано ст. инженером ИГН АН КазССР Горовым.

[112] Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 125.

тых стекол с большим процентом свинца и меди, широко добываемых уже с IX в. в рудной области Шельджи.

В этот период по-прежнему обрабатываются камень и кость (*73, 74, 81*).

Наличие специализированных ремесел в городах Семиречья, свидетельствующих о дальнейшем развитии социально-экономических отношений, способствующих укреплению господства феодалов, подтверждается словами из «Кудатку билиг». В нем отмечается, что землевладелец должен близко держать кузнецов, ткачей, седельщиков, каменотесов, мастеров стрел и мастеров луков [113]. Но не только специализация различного рода ремесел способствовала расширению феодальных отношений, значительную роль в этом процессе сыграли и основные направления хозяйственной деятельности населения Тараза и городов его округи — земледелие и скотоводство.

ХОЗЯЙСТВО И ТОРГОВЛЯ

Земледелие, садоводство, виноградарство. Данные письменных источников о том, что вокруг основных городов Таразской округи, да и в самом Таразе, имеются сады, указывают на большое значение для экономического развития края сельскохозяйственной округи.

Так, в источниках говорится, что «район от Джувиката (12 *км* южнее Тараза.— *Т. С.*) и до Тараза — это район пастбищ и населенных мест». В самом же Таразском пригороде Макдиси заметил «множество садов». В Атлахе, расположенном южнее Тараза, и Джувикате, входившем в зону северо-западной части Таразского округа, «большую часть составляют сады, а в рустаке преобладают виноградники». Это подтверждается и находками большого количества в слоях Тараза (раскоп IV) косточек фруктовых деревьев: абрикосов, сливы, вишни; бахчевых: дыни, арбуза, а также винограда и подсолнечника (рис. 38).

Причиной столь быстрого развития садоводства и виноградарства в пригородных усадьбах послужило развитие производительных сил общества (усовершенствование орудий труда по обработке земли, искусственное орошение). Это позволило расширить участки используемой земли и улучшить ее обработку.

Найденный на пашне вместе с черепками белой поливы (район юго-западнее рабада № 3) лемех был не литой, а кованый и менее массивный, чем лемех VIII—IX вв. В отличие от того лемеха он имел втулку для насаживания на рабочую часть сохи (*191*). Из рабада

[113] А. Валитова. К вопросу о классовой природе Караханидского государства. Труды Киргизского филиала АН СССР, т. I, вып. 1, 1943, стр. 133.

№ 3 известна еще и мотыга (*71*). Она была лопатообразной формы и имела втулку для рукояти.

Наряду с орошаемым земледелием важную роль в жизни местного населения играло скотоводство, которым занимались как переходившие в оседлое и полуоседлое состояние кочевники, так и оседлое население округи. О занятии местных жителей скотоводством говорит наличие значительного количества костей мелкого домашнего скота, преимущественно овец (30%) и коз (20%).

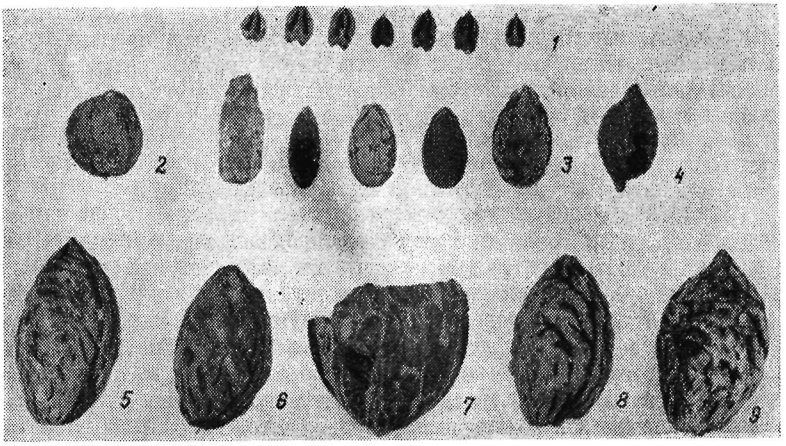

Рис. 38. Косточки фруктовых деревьев, семена бахчевых культур и винограда: *1* — винограда; *2* — дыни, арбуза, *3, 4* — миндаля; *5, 6, 8, 9* — персика; *10* — грецкого ореха.

Если ранее в городах юго-восточной округи ведущей отраслью хозяйства было табунное скотоводство, то теперь занимались преимущественно овцеводством (40,96%), разводили также коров (26,16%), лошадей (18,88%), ослов (8,03%), свиней и верблюдов [114].

Основным скотоводческим районом в области Шельджи, не имевшей площадей, удобных для земледелия, были богатые пастбищами долины рек Карагоит и Учкарой.

Находка в культурном слое городища округи (Джикиль) массивной косы (ширина 4,5 *см*, длина 40 *см*) с загнутым концом (*70*), в который вдевалась рукоять, позволяет предположить заготовку корма на зиму.

---

[114] М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе I у с. Орловки. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 137.

Если хозяйственную деятельность городов северо-восточной округи определяли земледелие и скотоводство, то городов юго-восточной округи — горнодобывающие промыслы, в частности разработка серебро-свинцовых рудников Шельджи.

Исследованиями установлено, что в IX—XI вв. добыча серебра занимала ведущее место в экономической жизни рудной области Шельджи. Входившие в эту область города Сус, Куль, Текабкет [115] превратились в настоящие центры металлургического производства средневековья.

Имеющиеся по этому периоду материалы позволили также выделить в области три самостоятельные района, каждый из которых имел свою рудную базу и соответствующие ей производственные центры с сельской округой [116].

Древние рудокопы проводили работу по освоению недр Таласского Алатау и Киргизского хребта системой горизонтальных, вертикальных выработок, достигавших глубины 60 *м*. Находка на Текелийском месторождении сланцевой плиты с выбитым на ней планом свидетельствует о том, что они были знакомы с маркшейдерским делом и достигли высокого мастерства в рудном деле [117].

Наличие в Таразе и городах округи изделий из бронзы, железа, серебра и золота говорит о том ведущем месте, которое занимала в экономической жизни Таразской округи рудная область Шельджи, явившаяся и основой для развития на ее базе различных видов ремесел.

Преимущество, которое давала области Шельджи торговля серебром, обеспечило ей особое положение по отношению к остальной части Таласской долины и даже к Таразу, определило ее автономность, что отмечается в безымянном сочинении XII в. «Муджимиль-ат-тавариx» [118]. В нем упоминается даже царь Шельджи по имени Хилаш-Эркен.

Не только земледельческо-скотоводческое направление хозяйства, развитие ремесел и разработка рудников содействовали укреплению господства феодалов в городах, этому процессу способствовали и издавна сложившиеся и достигшие в рассматриваемый период наивысшего подъема экономические связи кипчаков с оседлым населением Тараза и городов его округи.

---

[115] М. А. Бубнова. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX—XII вв. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 225—250.

[116] М. А. Бубнова. К истории средневековой горной промышленности в Средней Азии. СА, 1963, № 2, стр. 93.

[117] М. А. Бубнова. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в XI—XX вв., стр. 237, рис. 8.

[118] М. А. Бубнова. К истории средневековой горной промышленности в Средней Азии, стр. 92.

Торговля. Отмеченная при характеристике материалов Тараза (кувшины с удлиненным сливным носиком на венчике, бронзовые поясные накладки, железные стрелы) общность материальной культуры с культурой карлуко-кипчакских племен свидетельствует о том, что, как и ранее, хозяйственная деятельность кочевого и оседлого населения Тараза и его округи (в радиусе от 20 до 160 *км*) протекала в их взаимной экономической, политической и культурной связи.

Нуждаясь в предметах ремесла и продуктах земледельческого труда — зерне, а также в тканях, кочевники сбывали на базарах Тараза и городах его округи: Атлахе, Джувикете, имевших, как было отмечено, постоянно действующие и сезонные (во время ярмарок длившиеся по три месяца) базары, скот, кожу, одежду. «Для еды, питья и верховой езды лошади, жеребцы и кобылы прибывают от них, и также лошади для груза. Кумыс, молоко, волос, жир, творог и сыр» [119]. В обмен они получали предметы ремесленного производства (керамические и металлические изделия), хлеб, соль.

Торговля способствовала как развитию ремесел, так и земледелия, а вместе с тем и усилению господства власти феодалов [120], получавших от обмена значительные прибыли. Наличие в кладах Тараза и городов его округи значительного количества караханидских монет (табл. XI, *218*), битых (по определению О. И. Смирновой) в Узгене, Кузорде, Кашгаре, Яркенде, Ходженде, Бухаре, Самарканде, Ахсикете, Аш-Шаше, Исфиджабе, Тункете и в самом Таразе, свидетельствует о той значительной роли, которую играла внешняя торговля в жизни феодального общества, о том большом влиянии, которое оказывала она на социально-экономические отношения местного общества. В связи с этим состоятельным людям давались наставления, как вести себя с купцами. «Разрешай им, что они желают — продажу и покупку...», «если б не было купца, который объезжает мир, как смог бы тогда носить черную соболью шубу», «...содержи хорошо чужеземные караваны» [121]. Это говорит о тех значительных выгодах, которые получали правители от торговли с другими городами.

Так, постепенно складывались отношения, в конечном счете приведшие к новой феодальной формации, к классическим формам феодального строя.

Общественные отношения. Скудность имеющегося в исторических и географических сочинениях материала об общественном строе Кара-

---

[119] А. Валитова. К вопросу о классовой природе Караханидского государства. Труды Киргизского филиала АН СССР, т. I, вып. I, 1943, стр. 134.

[120] В. С. Батраков. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем. Ташкент, 1958; Т. А. Жданко. Номадизм в Средней Азии и Казахстане. В кн.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968.

[121] А. Валитова. Указ. работа, стр. 133.

ханидского государства на начальном этапе его сложения заставляет нас ограничиться данными об уже сложившихся отношениях XI—XII вв.[122], сказавшихся на жизни городов Южного Казахстана, входивших в это государство.

Сведения, которыми мы располагаем о наличии в исследуемом районе четырех выделенных А. Ю. Якубовским для Средней Азии и Ближнего Востока форм феодальной земельной собственности: государственной, частновладельческой, вакуфной и земель икта, вместе с проанализированным материалом о ремеслах позволяют говорить о том, что начавшийся в предшествующий период процесс сложения феодальных отношений в X—XII вв. достиг наивысшего расцвета. Об этом свидетельствует вхождение крупных городов Семиречья: Тараза, Исфиджаба, Мерке, Кулана с густонаселенными близлежащими земледельческими округами в состав Караханидского государства. Верховные владетели этого государства, носившие титул «хан-ханов» (подобно персидским владыкам «шахиншахам») и сидевшие в Кашгаре или Баласагуне, считали земли государства, в том числе и земли Семиречья, частной собственностью правящего дома [123]. Об этом говорят уже приводимые данные. Так, при правителе Семиречья Туган-хане земли Тараза были отданы его брату Мухаммаду ибн-Али, принявшему (после смерти другого брата, Ахмеда) титул Арслан-хана. При нем с 1013 по 1025 г. земли Тараза были переданы младшему брату, Мансуру ибн-Али, владевшему (на правах вассала Арслан-хана) кроме Тараза еще пятью городами, в том числе Бухарой, Самаркандом, Шашем [124]. Кроме Мансура, в Таразе с 1018 по 1022 г. бил монету еще какой-то младший член семейства, именовавшийся Иль Ука [125]. В 1027 г. владетель Баласагуна и страны тюрок Кадыр-хан Юсуф овладевает и Таразом. После его смерти (1032 г.) Талас и Исфиджаб переходят к его младшему сыну. Кроме раздачи земель родственникам правящего дома в качестве удела широко практиковалась раздача земель главнокомандующим и представителям владетельных родов государства. Так, выслужившийся из тюркских рабов у саманидов и ставший влиятельным главнокомандующим основателя Караханидского государства Богра-хана Хуруна ибн-Мусы Файк получил в удел Мерке, в котором по его приказанию во второй половине X в. был выстроен рабад. В Семиречье известны и другие наместники, выходцы из

---

[122] «История Узбекской ССР». Ташкент, 1967, стр. 372, 373.

[123] П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.). М., 1958, стр. 54.

[124] М. Н. Федоров. Новые факты по истории караханидов в первой четверти XI в. в свете нумизматических данных. Сб. «Из истории культуры народов Узбекистана». Ташкент, 1965.

[125] Там же, стр. 53.

владетельных родов: Кара-тегин и его сын Мансур [126], распоряжавшиеся плодородными землями Исфиджаба и близлежащих городов его округи.

Из сказанного следует, что с переходом земель в качестве пожалования за несение военной службы в частные владения государственные земли превратились в последнюю из указанных А. Ю. Якубовским форм земельной собственности — икту (четвертая форма). Что же касается распространения власти верховных правителей на наместников, правителей уделов и иктадаров, то она была формальной. В целом приход удельной системы взамен ранее существовавшей централизованной явился результатом не простой смены политических принципов в организации государственного аппарата, а следствием оформления классических форм феодального строя.

Почти не претерпевшая при караханидах изменений иерархическая структура мусульманского духовенства, с которым караханиды сразу же установили самые дружественные отношения, а также сведения в источниках о наличии в рабаде Тараза соборной мечети, а в крупных городах округи Барсхане, Текабкете, Сусе, Куле и других мечетей могут быть доказательством того, что в Таразо-Исфиджабском уделе существовала еще одна из указанных А. Ю. Якубовским (третья) форма земельной собственности — вакуфная. К сожалению, в источниках нет прямых указаний об эволюции форм земельной собственности и самой системе землепользования в исследуемом районе. Но, поскольку общественные отношения, связанные с развитием частной собственности на землю в Караханидском государстве, имели общие формы на всей его территории, то мы воспользуемся данными, касающимися восточных районов. На их основании можно проследить процессы постепенного перехода одних форм частных владений (икта, частновладельческих) в наследственные земли. Это подтверждает документ из провинции Яркенд, составленный в 1082—1101 гг. при правлении вассального владетеля Тараза сына Арслан-хана Сулеймане Абу Али Хасане. Это жалоба в суд от некоего юноши Хаджи Инала, проживавшего в округе Рабул [127]. В ней говорится о том, что «после смерти его отца ему и другим наследникам в наследство осталась земля, являвшаяся их законным имуществом, приносящая 30 нош осла пшеницы..., а человек по имени Харун захватил участок несправедливостью и силой». Ответчик отрицал обвинение и утверждал, что «земля его законная собственность, купленная у одного (лица) за установленную цену, и оплачена наличными деньгами» [128].

---

[126] В. В. Бартольд. Соч., т. I. М., 1963, стр. 287.
[127] В. В. Бартольд. Соч., т. V. М., 1968, стр. 420.
[128] Там же, стр. 423.

Но присутствующие на суде три свидетеля, в числе которых был и военнослужащий, подтвердили показания юноши. Кадий велел передать землю истцу. Юноша просил кадия зарегистрировать решение, чтобы в случае нужды оно могло служить доказательством его правопользования участком [129].

Судя по тому, что на суд был приглашен в качестве свидетеля военнослужащий, а также, что в период составления документа раздача земель военнослужащим была очень распространена, возможно, что земля, полученная отцом юноши от Абу Али Хасана во временное пользование в качестве икта, превратилась в пожизненное, а затем в наследственное частновладельческое поместье, подлежащее купле — продаже. Имеющийся в нашем распоряжении незначительный материал, который отражает организацию управления в уделах, проливает некоторый свет на характер общественной жизни в городах Таразского округа.

Приведенные сведения о том, что районы городов, прилежащих к Таразу, состоят из пашен и населенных мест,— доказательство отсутствия строгой разграниченности хозяйственных функций между городом и крупными селениями, что было характерной чертой и для соседних присырдарьинских городов последующего периода [130].

Изучение письменных данных позволило исследователям прийти к такому выводу, что в средневековых городах Южного Казахстана основой богатства являлась собственность не только на землю, но и на скот и что кочевая феодальная знать, получившая в свои владения города, безжалостно эксплуатировала городское торгово-ремесленное и земледельческое население [131]. О тех богатствах, которые имели наместники отдельных уделов Семиречья от торговли, свидетельствуют данные источников. Так, базар, открытый в рабаде и построенный на деньги управляющего Исфиджабом Кара-тегина, давал доход 7000 дирхемов в месяц [132]. Очевидно, немалые средства поступали и от меркентского рабада, сооруженного на деньги главнокомандующего Файка.

Закрепив за собой государственную власть и став хозяином страны, новая кочевая военная аристократия, владевшая помимо всего огромным количеством скота, не могла жить в определенном городе или селении, а передвигалась со ставкой своих ханов [133].

---

[129] Там же.

[130] К. А. Пищулина. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках. Сб. «Казахстан в XV—XVIII вв.» (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969, стр. 32.

[131] Там же, стр. 29.

[132] В. В. Бартольд. Соч., т. I, М., 1963, стр. 233.

[133] А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 40.

В первые годы владычества тюркские военачальники бывали в городах временно, лишь в те месяцы или даже недели, когда в них находился двор илек-ханов. Военная аристократия по нескольку раз в год получала за службу жалование — определенную долю харадж[134]. В государственную казну платили крестьяне, ремесленники, торговцы. Первые вносили налог натурой, а вторые и третьи — деньгами.

Этот фонд являлся источником, из которого правительство платило верховным главнокомандующим: Файку, Кара-тегину, а также чиновникам и войску.

Применяемая караханидами система взимания налогов с земли, приводившая по существу к закреплению земель за отдельными лицами, порождала, как было отмечено, многочисленный класс землевладельцев. Они стремились получить от своих земель наибольшую выгоду путем взимания налогов и жестокой эксплуатации крестьян.

Тяжелые повинности, налоги и кабальные условия аренды приводили к бедственному положению население городов Таразо-Исфиджабского удела, о чем говорится в источниках. Например, доход с базара в Исфиджабе был предназначен для покупки хлеба и другой пищи беднякам[135]. Макдиси так писал о людях этого удела:

«Их обычаи сами удивительны, все равно плохо ты относишься к ним, или хорошо», «они своенравны — они люди простой души, а в сердцах их жестокость»[136]. Последнюю фразу можно расшифровать буквально так: садоводы, взрастившие сады, и земледельцы, обрабатывающие земли, ремесленники, жившие как в Исфиджабе, так и в городах округи Тараза: Шельджи, Куле, испытывая тяжесть феодального гнета, не раз выступали против правителей.

Значительную роль в стабилизации феодальных отношений и укреплении власти как в уделах, так и в государстве в целом играла политика феодалов по отношению к скотоводам-кочевникам. С одной стороны, они содействовали сближению земледельцев с кочевниками-кипчаками, видя в них источник для пополнения рядов оседлых земледельцев и горожан. В связи с чем в «Кудатку билиг» рекомендуется землевладельцам держать с ними тесные контакты, так как «эти люди не знают государства (эль). Не требуй от них законов и знаний, говори им хорошие слова»[137].

---

[134] И. П. Петрушевский. *К истории подушной подати в Иране при монгольском владычестве.* «Сб. в честь акад. И. А. Орбели. Исследования по истории культуры народов Востока». М.—Л., 1960, стр. 413.

[135] В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 233.

[136] С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, Алма-Ата, 1960, стр. 82.

[137] А. Валитова. К вопросу о классовой природе Караханидского государства. Труды Киргизского филиала АН СССР, т, 1, вып. 1, 1949, стр. 134.

С другой стороны, они хотели их использовать в качестве воинов для захвата чужих территорий и укрепления своих владений. Отсюда совет: «Если князья щедры, то их имя будет знаменито. Через его имя и славу будет счастье насыщено. Рядовые воины стремятся к нему, возникает войско. Они принесут князю богатство, славу и спокойствие» [138].

Именно преследуя цели обогащения и укрепления власти, Ягантегин выступил против верховного правителя и в течение 15 месяцев являлся правителем государства, помог войском сельджукскому Тогрул-хану, благодаря чему тот успешно завоевал Иран (1040 г.). Не без участия войск Семиречья Файк разбил в 995 г. Махмуда Газневидского, занял Нишапур и Тус, а затем стал наместником Самарканда [139].

Таким образом, если на начальных этапах сложения Караханидского государства, несмотря на смену верховных и вассальных правителей Тараза, включение его в различные уделы государства (1004—1027 гг.), способствовало укреплению политического господства караханидов, а вместе с тем быстрому развитию городов и общему экономическому подъему культуры, то в последующее время (1040—1082 гг.), хотя города и росли по численности населения (такие, как Бехлу и Шельджи, имели в своем подчинении по 5—7 деревень), в целом жизнь в Исфиджабско-Таразском уделе приходила в упадок, что облегчило завоевание края монголами.

ПРОНИКНОВЕНИЕ ИСЛАМА

Активная поддержка караханидскими правителями мусульманского духовенства, принятие ислама родоначальником династии Саттуком Богра-ханом Абд ал-Керимом [140] способствовали замене существовавших ранее разрозненных культов более приемлемым для развитого феодализма видом религии — исламом, проникавшим во все сферы общественной и культурной жизни городов Семиречья, в том числе Тараза и городов его округи. Он стал государственной религией, что документируется данными письменных источников и археологии.

У Макдиси (X в.) мы находим такие записи. В Таразе «соборная мечеть находится среди базаров», в Джикиле «соборная мечеть находится на базаре», в Барсхане и Бехлу «соборная мечеть находится среди базаров», в Атлахе «соборная мечеть находится внутри города», в Хамукете «соборная мечеть находится около стен», в Шельджи

[138] Там же, стр. 135.
[139] В. В. Бартольд. Соч., т. I. М., 1963, стр. 325.
[140] Там же, стр. 315, 316.

«соборная мечеть находится вне цитадели». И только в Текабкете «половина жителей неверные» [141]. Кроме письменных источников, о распространении ислама среди населения Тараза и городов округи свидетельствует значительное количество изделий из бронзы, камня, глины, а также архитектурные памятники.

В частности, бронзовое зеркало, извлеченное из женского захоронения (урочище Унгерлисай, западная округа Тараза), на бортике имело надпись: «Безопасен тот, кто верует в Аллаха» [142]. На стенке каменного водоема, обнаруженного в культурных слоях Чуль-тепе, одного из замков, расположенных в 35 *км* от Тараза, также зафиксирована надпись религиозного характера. Она гласит, что сделан водоем в 1006—1010 гг. по велению одной из знатных дам: «Воздвигла этот водоем Фатима-хатун, дочь Абделмалик Кутлуга, ради следования по пути к лицезрению Аллаха и желая (обрести) его благосклонность и удостоиться его щедрости. Да простит, Аллах, ей и обоим родителям ее и всем мусульманам и мусульманкам» [143].

Для понимания религиозных взглядов очень интересно замечание одного из авторитетов ислама ан-Газали (1058—1112 гг.). В своем труде «Оживление религиозных наук» он писал, что ислам осуждал «воскурение благовоний в курильницах из золота» [144]. В этом плане следует вспомнить найденный в шахристане Тараза богатый комплекс бронзовых курильниц, связанных с отправлением религиозных культов.

Значительное количество изделий из глины: глазурованных блюд, тарелок, кувшинов в культурных слоях Тараза и городов его округи (X—XII вв.), поверхности которых украшены эпиграфикой с благожелательными изречениями «благополучия», «богатства» или с изображениями символа веры ислама — льва, свидетельствует о той значительной роли, которую играл ислам в рассматриваемый период в идеологии городского населения. Однако позиции его в отдаленных районах были не так прочны.

Хотя, по заключению ан-Газали, изображения на тарелках и чашах не запрещались, «исключая посуду, изготовленную в виде фигуры», однако в быту у населения Тараза и его округи употреблялись предметы в виде фигур. Например, бронзовый сосуд в виде фигуры

---

[141] В. В. Бартольд. Соч., т. IV. М., 1966, стр. 34, 35.

[142] Г. Н. Балашова. Бронзовое зеркало со сценой охоты. Труды Отдела Востока Эрмитажа, т. 3, 1940, стр. 257—262.

[143] Ю. Н. Завадовский. *Арабская надпись на каменном водоеме из Джамбулского краеведческого музея, датированная XI в. (Предварительное сообщение).* ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961.

[144] О. С. Большаков. Ислам и изобразительное искусство. Труды Государственного Эрмитажа, т. X, Л., 1969, стр. 149.

волка, глиняные светильники с головкой женщины-птицы, кувшины с зооморфными головками.

В связи с распространением ислама особую значимость в архитектуре приобретает строительство надмогильных сооружений, возводимых для увековечения памяти представителей аристократических родов.

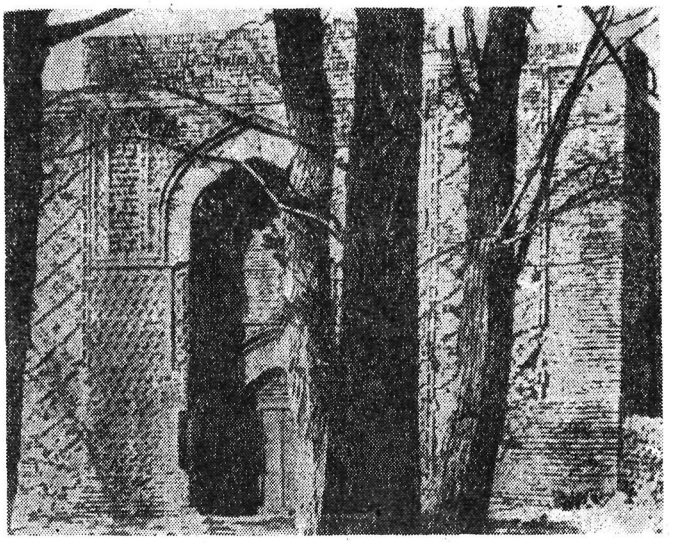

Рис. 39. Мавзолей Кара-хана.

Изучением надмогильных сооружений Таласской долины занимались Б. П. Денике, А. Н. Бернштам, М. Е. Массон, М. Мендикулов, Л. Б. Розина.

Наше обследование местности у мавзолеев Айша-биби и Бабаджи-хатун, а также заложенный у основания мавзолея Дува-хана шурф и раскопки рабада № 3 Тараза дали весьма любопытный материал по элементам декора надмогильных памятников. Мы суммировали полученные данные о памятниках и сочли возможным более полно осветить архитектурные приемы и художественные традиции средневековых зодчих Тараза, нашедшие отражение в памятниках, связанных с распространением ислама в Таразском округе.

Мавзолей Кара-хана расположен в районе западного рабада (№ 3). Благодаря раскопу I, заложенному в 1961 г. северо-западнее рабада, было выявлено значительное количество уже не сохранившихся кирпичей с богато орнаментированными поверхностями, позволив-

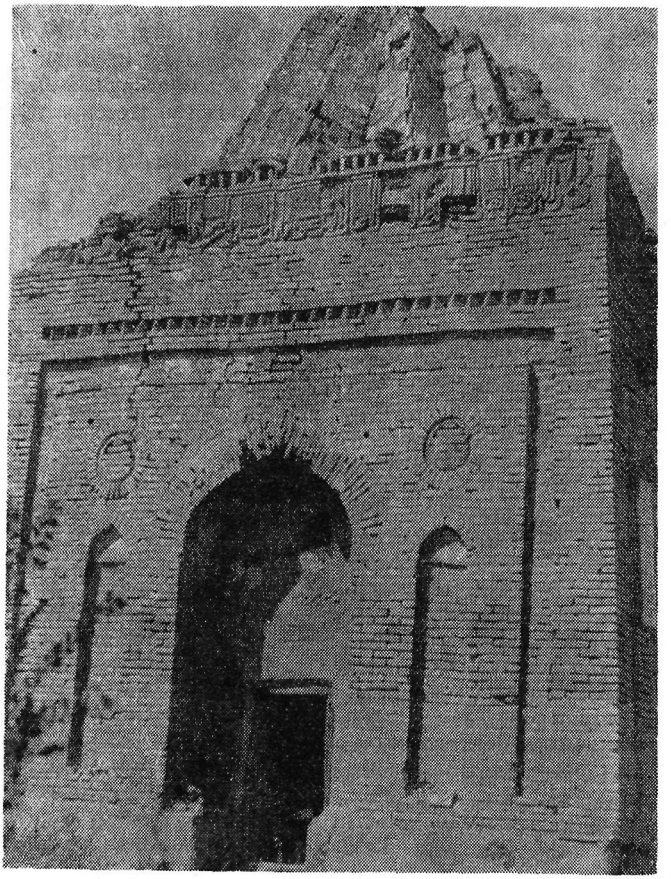

Рис. 40. Мавзолей Бабаджи-хатун.

шими с помощью фотографии 50-х годов XIX в.[145] воспроизвести внешний вид мавзолея.

Судя по фотографии, мавзолей имел центрическую композицию и был перекрыт куполом. В центре, несмотря на то, что на фундаменте

[145] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, стр. 8; М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 100, 102, рис. 29.

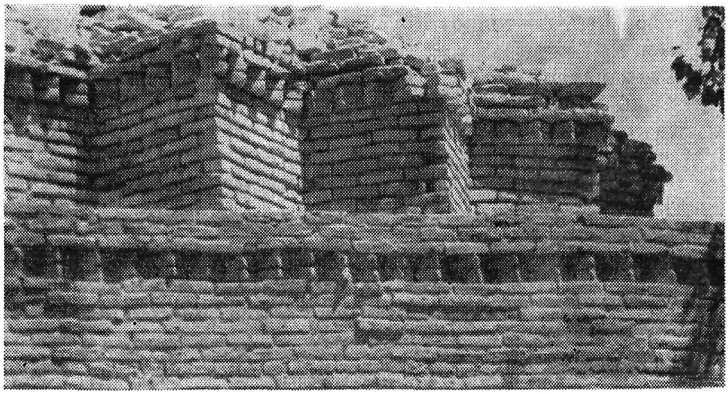

Рис. 41. Деталь перехода к перекрытию.

старого мавзолея построен новый, сохранилось ступенчатое надгробие. Вход в ранний мавзолей находился под пологой стрельчатой аркой, которая выделена клинчатой кладкой, оконтуренной кирпичом, положенным плашмя. Арка опирается на $^3/_4$ колонки, выложенной спаренными кирпичиками. Подобным образом оформлена арка и в глубинном входе в мавзолей (рис. 39). Портальная арка охвачена П-образными, слегка выступающими рамами, выведенными кладкой кирпичей. По добытому из раскопа материалу следует заключить, что для отделки мавзолея применялся фигурный кирпич, различный по формату (до 30 разновидностей). Очевидно, этим кирпичом, поверхность которого оформлена то в виде восьмерки, то в виде рельефно выступающих клинчатых кирпичиков с крестообразным узором, обрамлено пространство портала между рамами. По сюжету они напоминают изразцы Айша-биби, что сближает по отделке оба мавзолея.

Другие три стены сложены более просто, в частности, кладка выполнена спаренными кирпичами, образующими строго геометрическую, слегка выходящую из тела стены ромбическую, расположенную по вертикали сетку. Такая кладка и наличие $^3/_4$ колонок в порталах были широко распространены в сооружениях начала X—XI в. Они отмечены в таких памятниках, как мавзолей саманидов в Бухаре [146], мавзолей Мир-Саид-Хахром в Кермине и др.

В то же время применение в портальном оформлении изразцов, по своей художественной композиции напоминавших изразцы Айша-

[146] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент народов Средней Азии, стр. 10.

биби и изразцы памятников Хорасана, позволяет отнести его сооружение к XI в.[147]

В юго-западной округе, в 18 *км* от Тараза, находится еще два мавзолея. Один из них — мавзолей Бабаджи-хатун[148] (рис. 40), наиболее подробно описанный А. Н. Бернштамом[149]. Он имеет хорошую сохранность, реставрирован и приводится нами лишь для ознакомления с методом возведения ребристых остроконечных перекрытий древними зодчими Тараза.

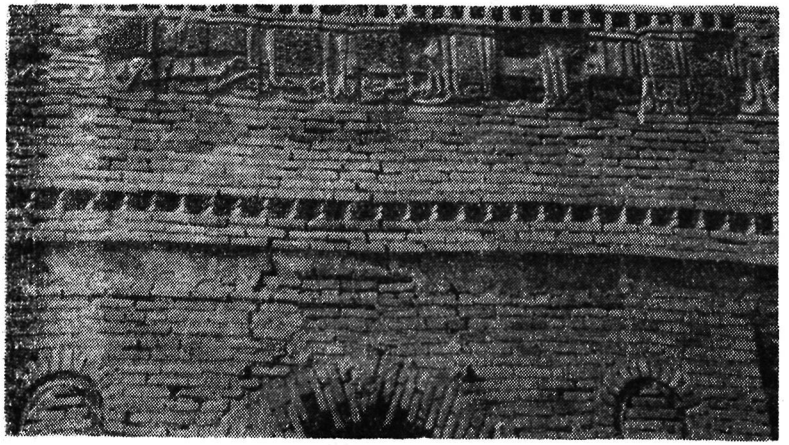

Рис. 42. Стена с надписью.

Своеобразное архитектурное решение (рис. 41), отсутствие портала здания, который заменен фронтальной стеной и парапетом с надписью (рис. 42), позволили А. Н. Бернштаму отнести мавзолей Бабаджи-хатун к X в.

Другой мавзолей — мавзолей Айша-биби расположен неподалеку от мавзолея Бабаджи-хатун и также возведен в память одной из феодальных особ. Это квадратное в плане (7,6×7,6 *м*) сооружение. В свое время оно было основательно исследовано Л. Б. Розиной[150] и

---

[147] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Указ. работа, рис. 21.

[148] Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры в Средней Азии. «Вопросы реставрации», вып. I, М., 1926.

[149] А. Н. Бернштам. К происхождению мавзолея Бабаджи-хатун. КСИИМК, вып. LXI, 1956.

[150] Труды САЭ, Алма-Ата, 1949, стр. 198.

другими учеными [151]. Но произведенные в последние годы раскопочные работы у его фундамента [152], сбор и изучение основных групп орнаментальных сюжетов кирпичей, обследование выходов шлаков, остатков гончарных печей, в которых обжигались облицовочные плитки, позволили не только дополнить сделанное ранее описание, но и выявить некоторые художественные особенности мавзолея. Он сложен из жженого кирпича (26×26×4—5 *см*). Все его фасады имеют глубокие арочные ниши, завершенные оконными проемами, опирающимися на

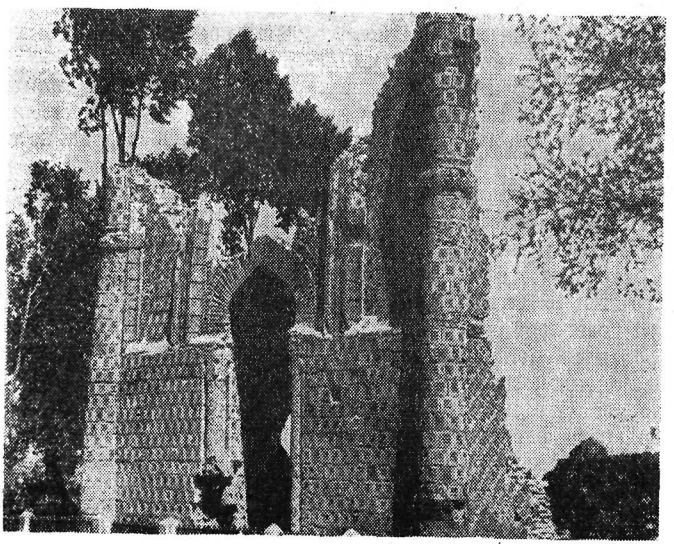

Рис. 43. Мавзолей Айши-биби.

углы, оформленные на $^3/_4$ колоннами (рис. 43). Исключением является ниша западного портика, к которому, по-видимому, изнутри примыкал михраб. Она имеет полукупольное заполнение в виде полуарки и угловых парусов. Вход расположен в восточной стене. В центре мавзолея помещается небольшое ступенчатой формы надгробное сооружение (3×1,40 *м*). Остатки угловых арочек-тромпов свидетельствуют о купольном перекрытии мавзолея. По заключению А. Н. Бернштама, они представляют собой начало простого тромпа, осуществляющего конструктивный переход к восьмиграннику, поддерживавшему купол [153].

[151] А. Х. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Архитектура Казахстана в VII—XII вв. Алма-Ата, 1959, стр. 99—102, см. разрез; М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, рис. 30.

[152] Проведены Г. И. Пацевичем и И. Зябко.

[153] Труды САЭ, стр. 198.

Наиболее фундаментальные конструкции мавзолея — его угловые колонны (диаметр у основания 86 *см*). Они как бы стянуты посередине рельефным поясом со сложной надписью и в верхней части завершаются раструбом. Колонны соединяются со стенами деревянными балками, проложенными через каждые 60—80 *см* [154].

Изучение накопившегося со времени постройки около мавзолея культурного слоя (1953 и 1962 гг.) [155] помогло установить, что основанием мавзолея служат плоские каменные плиты. Собраны изразцовые плиты, имеющие более 40 различных узоров (рис. 44). Судя по их тыльной стороне, они соединялись со стеной посредством особых отростков-гребней, что обеспечивало их прочную связь.

Толщина внутренних стен вместе с облицовочными плитками, каркасом и забутовкой доходила до 80 *см*. Забутовка состояла из обломков и бракованных плиток, ганча и глины. Обследование пашен вокруг юго-восточной части мавзолея дало значительное количество бракованных приморожденных изразцов, прокаленные участки грунта и кучи шлаков, свидетельствующих об изготовлении орнаментальных плиток местными мастерами, возводившими мавзолеи.

Элементы декора и связь их с орнаментами предшествующих периодов. Сохранившийся западный фасад мавзолея позволяет реставрировать его внешнее убранство. Стены его декорированы неполивным изразцом. Стрельчатая арка входа, как и всех трех оконных ниш, опиравшихся на щеки, при переходе к наружным плоскостям стен также богато украшена.

Убранство фасадов следует рассматривать по частям. Нижняя часть здания до основания арки заполнена рисунком из прямоугольников, в центре которых находится аппликационный узор из четырех радиально расходящихся от центра пальметок кашкар-миюз — типа, хорошо известного в предшествующее время. Верхняя часть декорировки здания очень разнообразна (рис. 44). Тимпан состоит из ромбических изразцов, объединенных в шестиугольные звезды, широкого пояса из вогнутого изразца и вертикальных полос прямоугольного изразца с растительным орнаментом, соединенным узкими лентами бегущей волны. Этот мотив был также широко распространен в предшествующее время на крышках сосудов.

В оформлении ниши западного фасада, стрельчатой арки со сводом использованы шестиконечные звезды, ромбы, растительные виньетки (цветок с лепестками), часто встречаемые в предшествующее вре-

---

[154] А. Х. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Указ. работа, стр. 100.

[155] Г. И. Пацевич, И. Зябко. Отчет о раскопках и обмерах Айши-биби. Архив Министерства культуры КазССР. Рукопись.

мя на глиняных столиках, кувшинах и крышках сосудов. Наряду с растительным орнаментом большое распространение в декоре здания имели неорнаментированные кирпичи в форме восьмиконечных звезд, крестов, четырехугольников. Что касается угловых колонн, то они отделаны четырехугольным изразцом с орнаментом, аналогичным орнаменту в нижней части фасада.

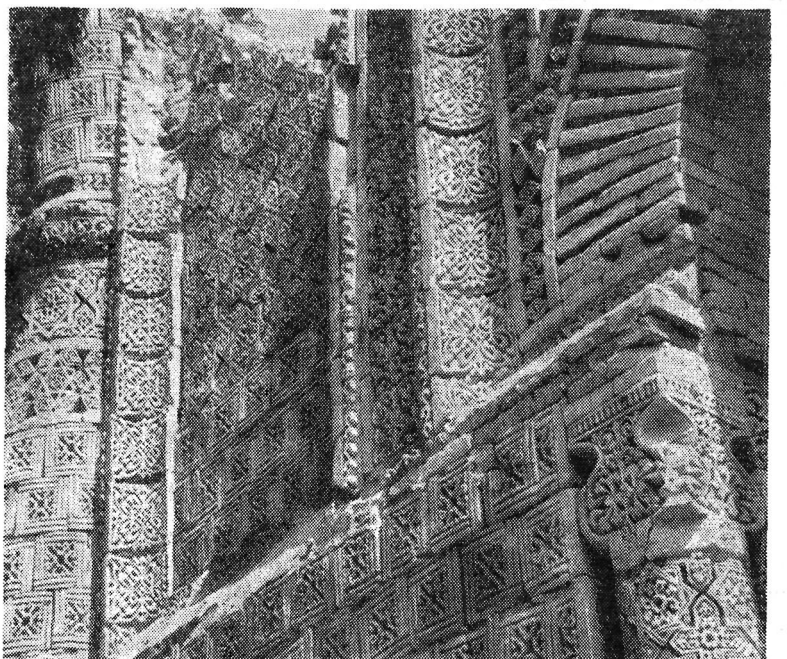

Рис. 44. Часть портала мавзолея Айша-биби.

На высоте 3,40 *м* помещался своеобразный поясок с персидскими поэтическими изречениями, как бы дополняющий единый декоративный вид мавзолея: «Осень... тучи. Земля прекрасна...» [156].

Восприняв технику декора и частично орнаментальные сюжеты, так богато представленные в гончарном искусстве в предшествующее время, архитектура полностью отвергла распространенную ранее в Таразе реалистическую струю, заменив ее растительно-геометрически-

[156] А. М. Беленицкий. Из мусульманской эпиграфики в Таласской долине. «Эпиграфика Востока», т. II, 1948, стр. 18, рис. 2.

ми и зооморфными мотивами. Поэтому анализ орнаментального декора памятника Айша-биби дает возможность не только установить существование исторической и художественной связи архитектурного орнамента [157] с бытовым, но и выяснить способы их заимствования. Это может быть выяснено путем сопоставления керамики с орнаментированными кирпичами мавзолея. Так, наиболее распространенным на плоскостях кирпичей оказался мотив вихревой розетки, известный еще в виде отпечатков штампов на глиняных столиках Тараза VI—VIII вв. То же самое можно сказать и о других мотивах: четырех рогах барана и лепестковых виньетках, известных на терракотовых плитках Тараза. Не менее популярным мотивом были и концентрические круги, расчлененные крестообразной сеткой на четыре части. Этот мотив также бытовал на керамике и кости в предшествующий период.

Портальная конфигурация, неполивной изразец и своеобразная тематика орнамента мавзолея позволяют судить о принадлежности памятника к северотуркестанской школе XI—XII вв.[158], значительный вклад в искусство которой внесли зодчие Тараза, украсившие надмогильное архитектурное сооружение мотивами, уходящими своими корнями в культуру тюркско-карлукской эпохи Семиречья.

В заключение следует отметить, что если ислам оказывал влияние на мировоззрение оседлого населения Тараза и городов его округи, то этого нельзя сказать о кочевом населении края. В курганах (VI—X вв.), расположенных в юго-восточной округе Тараза, выявлены погребения со значительным числом разнообразных находок [159].

Это подтверждает и раскопанное в 60 *км* западнее Тараза захоронение, в котором умершая похоронена с принадлежавшими ей при жизни вещами, точно датируемыми по бронзовому зеркалу началом XI в.

По заключению В. В. Бартольда, «на ислам в его официальной форме, т. е. на учение мусульманских законоведов..., кочевники всегда смотрели как на религию, совершенно не приноровленную к их потребностям» [160].

---

[157] А. Х. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Указ. работа, стр. 102.

[158] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965, стр. 222.

[159] Д. Ф. Винник. Тюркские памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963; А. Г. Максимова. Средневековые погребения Семиречья. Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 157.

[160] В. В. Бартольд. Соч., т. I. М., 1963, стр. 316.

Поэтому факт принятия ислама в 960 г. в Семиречье на реке Чу многочисленным тюркским народом в 200 000 шатров [161] следует связать с происшедшим в этом районе процессом оседания.

Если даже этот акт относится и к кочевому населению, то для основной массы кочевников он имел скорее формальное значение и отвечал лишь интересам вождей кочевых племен, видевших в принятии ислама возможность закабаления народа.

Таким образом, в X—XII вв. идеологические воззрения оседлого населения городов и кочевого населения степей были, как и в предшествующее время, различными. Это в первую очередь объясняется различными способами ведения хозяйства двух взаимосвязанных миров.

---

[161] Там же.

УПАДОК КУЛЬТУРЫ В ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЕ (XIII — XVIII вв.)

ОБЩИЙ ОБЗОР

Расцвет, который переживал Тараз в предшествующий период, в последующее время сменился упадком. Целая серия исторических событий — походы Мухамед-шаха, найманов, каракитаев, монголов отрицательно сказались на развитии городов Таласской долины.

Несмотря на неоднократное возрождение жизни, в конечном итоге исследуемый памятник потерял то значение, которое имел в Караханидскую эпоху. Это особенно наглядно прослеживается на строительных особенностях и топографии города, а также на материальной культуре — керамике.

Тараз конца XII — начала XIII в. известен нам по слоям VII строительного периода, прослеженного в раскопах на шахристане и в западной части рабада № 3, а округа — по городищу Нижний Барскхан и городам юго-восточной части. Из строительных конструкций на шахристане Тараза выявлены остатки каменной кладки фундамента с зольной прослойкой и комками глины от разрушившихся стен. Особенно сильно пострадал западный рабад, территория его сплошь изрыта позднемусульманскими захоронениями.

Судя по раскопу в шахристане и подъемному материалу в юго-восточной округе, жизнь в Таразе в этот период прослеживается на тех же частях города, что и в предшествующее время, т. е. на шахри-

стане, в трех рабадах. То же самое можно сказать и о городах округи: Нижнем Барсхане, Шельджи [1], Сусе, Текабкете [2], Май-Тюбе [3].

Сопровождавшая строительные остатки неполивная керамика по-прежнему представлена котлами с серповидными ручками (табл. XII, *1*), горшковидными сосудами с петлеобразными ручками, тагарами (*2*), плоскими, с загнутыми вверх краями крышками (*3, 4*), что свидетельствует о генетической связи с керамикой предшествующего периода. В то же время поливная посуда претерпела изменения. Так, часть чаш приобрела конусообразную форму и характерный тупой угол при переходе от поддона к стенкам (*28*). Наряду с ними продолжали бытовать чаши с отогнутым наружу краем (*29*) и массивные блюда (*9, 23*). Орнамент стал несколько схематичнее, а полива более светлых тонов, преимущественно желтого и зеленого цвета. Самыми распространенными орнаментами оказались подглазурный, стилизованный (*7, 8*) и растительный (*11—18, 20—25*), реже условный буквенный (*5, 6, 9, 10*), а также «вихревая» розетка, нанесенная на дно чаши (*19, 24, 28*). Стилизованные растительные или буквенные узоры располагались по краю чаши в виде пояса или изогнутой ленты с разомкнутыми концами. Керамика с подглазурным стилизованным орнаментом широко известна в Хорезме XII — нач. XIII в.[4] и в юго-восточной округе Тараза (XIII—XIV вв.) [5].

Кроме отмеченных форм блюд и чаш появились две новые формы массивных светильников (шахристан и рабад № 3 Тараза, 2 экз.; западный рабад Нижнего Барсхана, 1 экз.) на блюдцеобразном основании. Первый тип, покрытый зеленой поливой, имел граненый корпус с двумя рожками и был закрыт полусферической крышкой с пятью отверстиями (*27*). Его горловинка заканчивалась мифологическим изображением женщины-птицы. Подобные образы в искусстве Средней Азии, как и сирены в греческих мифах, являлись излюбленными типажами. Так, они встречаются в скульптурной резьбе Варахши, в оттисках штампа на керамике и на бронзовых подносах [6]. Парностоящие спиной друг к другу изображения женщины-птицы известны и

---

[1] А. Н. Бернштам. Городище Садыр-курган. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 120.

[2] П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. Там же, стр. 200, табл. IX.

[3] Там же, стр. 204.

[4] Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1959.

[5] П. Н. Кожемяко. Указ. работа, табл. IX, стр. 200.

[6] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965, стр. 213, рис. 223.

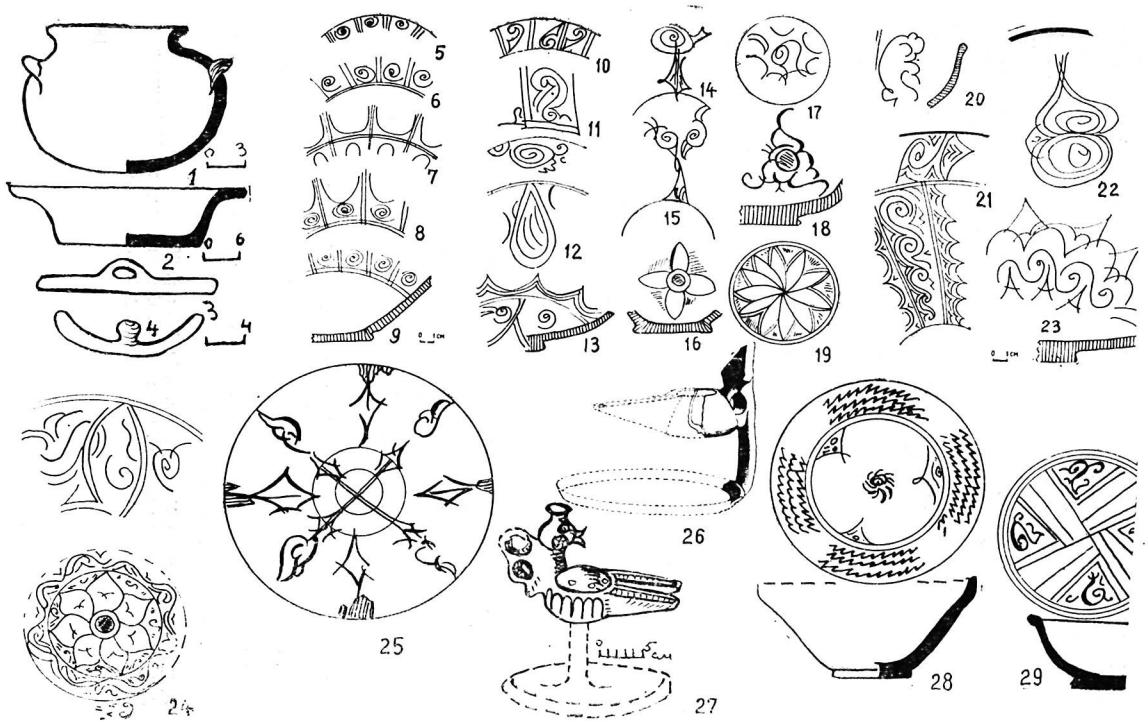

Таблица XII. Памятники материальной культуры Тараза и округи XII—XIII вв.; *1* — котел; *2* — тагара; *3, 4* — крышки; *5 — 25, 28, 29* — керамика с подглазурным узором; *26, 27* — светильники.

на бронзовом зеркале из Семиречья [7]. В целом этот образ характерен для искусства XII—XIII вв.[8]

Второй тип (рабад № 3 Тараза, 3 экз.) светильника округлый, с одним носиком и ручкой, заканчивающейся сильно поднятой вверх пятой, украшенной растительным узором (*26*). От ручки вниз отходит стержень, соединяющий светильник с блюдцеобразным (ныне утраченным) основанием [9]. Подобные светильники обнаружены в Согде в X—XII вв.[10] В целом комплекс керамики с подглазурным стилизованным орнаментом и светильники характерны для XII — начала XIII в.

Мнение М. Е. Массона о том, что и в конце XIII — нач. XIV в. Тараз не перестает быть центром округа, подтверждается как чеканкой в нем монет (табл. XIII, *61, 62*), так и увеличением площади города.

О жизни Тараза в этот период рассказывают и вскрытые нами слои восьмого строительного периода. Они были прослежены в раскопах на шахристане (IV ярус) и в западной части рабада № 3.

Хотя все части города сильно разрушены, однако остатки кладок каменных фундаментов и керамика позволяют заключить, что в XIII—XIV вв., как и в предшествующее время, жизнь концентрировалась в шахристане и западных рабадах № 2 и 3.

Вместе с тем она затухала в восточном рабаде вследствие разлива р. Талас. Город рос в западном направлении, его обносят новой стеной (рабад № 4), сохранившейся и поныне в районе стадиона гор. Джамбула. У ее основания обнаружено большое количество боковин блюд с бирюзовой поливой. Значительные изменения произошли и в архитектуре. Возводится несколько мавзолеев в связи с укоренившимся в этих районах исламом. Один из них сооружен в рабаде № 3 тюркскому военачальнику Давуд-беку, другой — в районе мясокомбината, третий — на некрополе Тик-Турмас, четвертый — в долине Таласа гумбез Манаса. С этим периодом связано и женское захоронение в Таразе и мужское у с. Королевки (восточная округа).

Что касается жизни в округе, то хотя отдельные образцы чаш с бирюзовой поливой, найденные Л. И. Ремпелем в Шервашлыке и А. И. Тереножкиным у Охума, и являются доказательством того, что эти крепости использовались в XIII—XIV вв. как форпосты, в целом жизнь в северо-западной части округи несколько замирает и оживляется в юго-восточной части, точнее в городах образовавшегося округа Янги, включавшего и район рудной области Шельджи. Это подтверждают данные письменных источников. Якут ал-Хамави, умерший в

---

[7] Там же, стр. 213, рис. 229.

[8] Там же, стр. 214.

[9] Коллекция Джамбулского областного музея, № 326.

[10] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 69, XIII, *6*; XIV, *7*.

1224 г., сообщил, что «Шельджикент — город в окрестностях Тараза, на границе Туркестана за Сейхуном» [11].

О возрождении жизни в Западном Семиречье после монгольского завоевания свидетельствуют и записи проехавшего в 1221 г. по этим местам китайского отшельника Чань-Чуня, отметившего, что жители страны между Чу и Таласом «кроме земледелия, занимались также шелководством и виноделием; плоды были те же, как и в Китае, вода была проведена на поля посредством каналов» [12]. Далее он записал, что дороги уже исправлены, через Чу наведен деревянный мост, а через Талас — каменный [13], под которым следует подразумевать мост через р. Талас, расположенный в 4 *км* юго-восточнее шахристана (в местности Кара-Кемер, несколько северо-западнее Жолпак-тюбе) [14].

Посол французского короля Вильгельм де Рубрук (XIII в.), сообщая о Семиречье, отмечал: «Я видел там лозы и дважды пил там вино» [15].

Так как для более полного представления о хозяйственной и экономической жизни Тараза и его округи в этот период оказалось недостаточно одной городской керамики, то мы привлекли материал из кургана, раскопанного у с. Королевки [16], сопровождаемый монетой, чеканенной в Таразе между 1270—1321 гг., а также материал из женского захоронения.

Об определенном экономическом подъеме в данный период говорит и продукция гончаров. Керамика этого периода отличается от предыдущей насыщенностью цвета бирюзовой поливы, нанесением ее по белой подгрунтовке и разнообразием орнаментации.

Основным типом посуды остаются блюда и чаши на вогнутом или кольцевом поддоне (табл. XIII, *1, 22*), но встречаются чаши и горшочки на высоком поддоне (*23*).

В отличие от предыдущего времени орнамент на эту посуду нанесен синей и черной красками и гравировкой, реже в виде пятен бирюзового цвета на белой поливе. Основные мотивы орнамента геометрические: радиально расходящиеся из центра линии (*1, 3, 22*), зигзаги, спиралеобразные завитки, симметрично расположенные на дне пятна.

---

[11] С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, стр. 83.

[12] В. В. Бартольд. Очерки истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 42.

[13] «Чань-Чунь Си-ю-цзи, или описание путешествия на Запад». Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 260.

[14] В. Каллаур. Древние местности Аулие-Атинского уезда. ПТКЛА, ч. II. Год II, Ташкент, 1897, стр. 2.

[15] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 125.

[16] А. Г. Максимова. Погребение воина XIV века. «Вестник АН КазССР», 1965, № 6.

Растительные мотивы представлены переплетающимися листьями цветов с бутонами, побегами лозы и т. д. (*4*).

Новым является орнамент на чашах в виде арок.

Подобная орнаментация керамики встречена на посуде из городов северных склонов Каратау (XIII—XIV вв.) [17], Южного Казахстана (XIII—XV вв.) [18], Хорезма (XII—XIV вв.) [19], Херсонеса (XII—XIV вв.) [20] и Поволжья (XIII—XIV вв.) [21]. С этим же временем следует связывать и исследованные материалы Тараза.

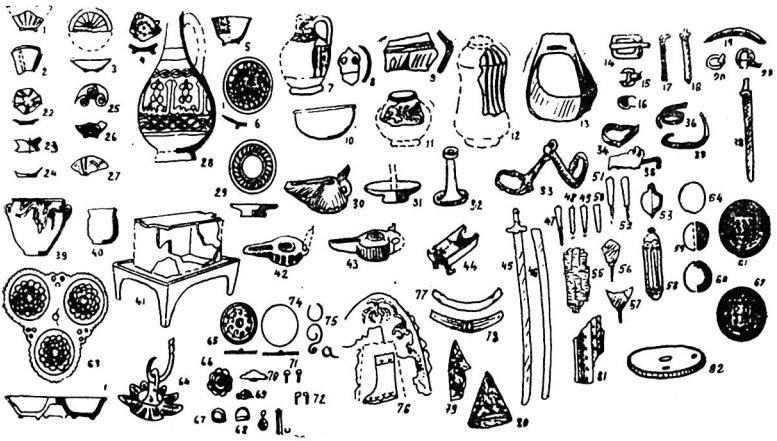

Таблица XIII. Памятники материальной культуры Тараза и округи XIII—XIV вв.: *1—4, 22—27, 30—32, 39, 42, 43, 64* — поливная керамика Тараза; *5—9, 11, 12, 28, 29, 41, 63* — кашинные изделия (*5, 6, 28, 41* — из женского захоронения; *7—9, 11, 12, 29, 63* — из Тараза); *10* — серебряная чаша и *40* — неполивной горшочек из мужского захоронения у с. Королевки; *44, 53, 65—68, 71—75, 75а, 78* — бронзовые изделия (*44, 65, 74, 75а* — из Тараза, остальные — из кургана у с. Королевки); *54, 58—60* — неполивные предметы из Тараза; *13—21, 33—38, 45—52, 56, 57* — изделия из железа у с. Королевки; *66, 69, 70* — дерево с бронзой; *76* — остатки кожаных сапог; *77* — золотая пластина от головного убора; *79, 80* — остатки шелка от головного убора; *55, 81* — остатки от костяного футляра колчана; *61, 62* — бронзовые монеты чекана Тараза; *82* — каменный жернов из Тараза.

---

[17] Е. И. Агеева. Общий обзор находок. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 205.

[18] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 198, рис. 113.

[19] Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды ХАЭЭ, т. IV. М., 1959, рис. 44, 120, 125.

[20] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, № 17, 1950, табл. VI, рис. 31; табл. IX, рис. 41 и др.

[21] Н. М. Булатов. К вопросу о становлении керамики в крупные ремесла в золотоордынских городах. «Вестник МГУ», 1969, № 2.

Кроме отмеченных форм поливных мисок и чаш продолжают бытовать известные в слоях предшествующего времени приземистые горшки с невысокой цилиндрической горловиной и двумя петлеобразными ручками. Но в отличие от своих предшественников они с обеих сторон покрыты светло-голубоватой глазурью. Кроме того, на внешнюю поверхность сосуда нанесены густой голубой глазурью темные волнообразные линии.

Значительные изменения претерпели и такие формы утвари, как светильники. На смену прежним изящным чирагам пришли массивные с высоко поднятой пятой и перемычкой между носиком и резервуаром (*30, 42, 43*). Появились более простые подставки (*31, 32*) для свечей с блюдцеобразным основанием (высота 20 *см*, диаметр 18 *см*) и стержнем, покрытые зеленоватой и бирюзового цвета поливой. Они имели блюдечкообразное устье, в центре которого находился полый, цилиндрической формы выступ, предназначенный для установки свечи.

Весьма уникальными являются подвесные светильники: один в виде девятирожковой люстры (шахристан) [22], другой в виде шестирожковой люстры (западный рабад) [23]. Поверхность первого покрыта белой подгрунтовкой и растекающимися бирюзово-зелеными пятнами, а затем облицована бесцветной глазурью. От центра весьма объемного округло уплощенного резервуара поднимался округлый у основания и уплощенный в верхней части стержень со сквозным отверстием (*64*). В отверстие вдет бронзовый крюк, орнаментированный кружковым орнаментом посредством двух косых сквозных отверстий. Вверху он прикреплялся к потолку. На поверхность другого светильника по белой подгрунтовке нанесена бирюзовая полива. Насколько известно,— это весьма редкие для Средней Азии осветительные приборы, генетически связанные с формой четырехрожкового светильника VIII—IX вв.

Определенный подъем производительных сил в рассматриваемый период выразился не только в появлении новых форм изделий, но и в технике их изготовления из неизвестного ранее пористого кашина, а также в разнообразии изделий из железа, бронзы, камня и кости.

К изделиям из кашина, покрытым бирюзовой поливой, относятся узкогорлые и широкогорлые кувшины с грушевидным корпусом и ручками в виде спаренных валиков и рельефной надписью на корпусе (*7,28*), горшкообразные сосуды (*9,11*), чаши (*5*), тарелки с богатым подглазурным орнаментом (*6*), вазочки-альбарелло (*12*), а также строенные и одиночные миниатюрные сосудики для пряностей в виде

[22] Хранится в Джамбулском областном музее, № 4426.
[23] Коллекция школы им. А. М. Горького в гор. Джамбуле.

плошек или блюдец (*63*). Из кашина сделан и сундучок на четырех ножках с высокими бортиками и съемной крышкой (*41*).

В отличие от керамики предшествующего периода изделия из кашина имели бело-серого цвета черепок и были обработаны с обеих сторон. Для облицовки их использовались поташные и оловянные поливы, дававшие, как правило, толстый стеклянный слой, благодаря чему повышалась прочность изделия [24]. До покрытия поливой посуда подвергалась богатой рельефной орнаментации в виде реалистически выполненных растительных мотивов, листьев, ягод клубники, пальметок цветов, а также плетенки, бугорков, углубленных линий, каннелюр. Они окаймляли края плошек, блюдец, вазочек. Вазочки с каннелюрами находят себе аналогии в Ургенче (XIII—XIV вв.) [25], горшкообразные сосуды — в Шемаха-Кале (XIV в.) [26], а миниатюрные сосудики — в Новом Сарае (XIV—XV вв.).

В целом комплекс кашинных изделий Тараза, покрытых бирюзовой поливой и орнаментированных рельефным узором с надписями, близок изделиям золотоордынских городов Хорезма и Поволжья (XIII—XIV вв.), достаточно основательно изученным в последние годы Н. Б. Булатовым [27].

Из неполивных изделий кроме горшочка с отогнутым наружу венчиком продолжают бытовать котлы с серповидными ручками в виде уступа, горшковидные сосуды с широкими невысокими и цилиндрическими горловинами и двумя петлеобразными ручками, тагара, крышки плоские или с сильно загнутыми вверх краями, что является свидетельством генетической связи с культурой предшествующего времени. Вместе с тем появляются и новые формы глиняных изделий, как результат усовершенствования гончарного производства.

К неизвестным в предшествующий период формам относятся чилимы и глиняные шары. Чилимы — это сосуды для курения. В основном собраны их фрагменты, но сохранилась одна целая форма (севе-

---

[24] Ф. А. Бурнашева. Методика изучения древних глазурей. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 184.

[25] Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация керамики Хорезма, стр. 323, рис. 33.

[26] Там же, рис. 35, *5*.

[27] Н. М. Булатов. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов. СА, 1968, № 4, стр. 95—109; А. Ю. Якубовский. Столица Золотой Орды — Сарай-Берке. Л., 1932; его же. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. ИГАИМК, т. VIII, вып. 2—3, 1931; К. Н. Папа-Афанасопуло. Золотоордынская керамика. Ученые записки Саратовского госуниверситета. вып. III, Саратов, 1925; Б. Б. Жиромский. Ага-базар. МИА, № 42, 1954, стр. 334; Ф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды. Казань, 1920; его же. Приволжские Помпеи. М.—Пг., 1923; Э. К. Кверфельд. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.

ро-восточная часть шахристана) [28] в слоях, соответствующих по уровню залегания VIII периоду. Она представляет собой водоносный кувшин с носиком и узкой цилиндрической горловиной, расширяющейся вверху в виде воронки. Со стороны, противоположной горловине, располагался носик, заканчивающийся головкой животного с короткими рожками и ушами. Мочки его имеют сквозные отверстия, глаза сделаны налепом. Петлеобразная ручка соединяла горловину с носиком.

В отличие от водоносных кувшинов предшествующего слоя на этих сосудах по обе стороны от горловины имеются два цилиндрических выступа с углубленными наверху площадками. По мнению Г. И. Пацевича, выступы были предназначены для горящих углей. От них зажигали табак, находящийся в воронкообразной горловине сосуда, наполненного водой. Табачный дым, прошедший сквозь воду, затем втягивался курильщиком через отверстие в головке животного.

Два шара найдены за пределами северной стены рабада вместе с обломками керамики, облицованной бирюзовой поливой. Они полые и лишены отверстий (табл. XIII, *54*). Внутри одного из них находились какие-то шарики. Имеется еще шар (половина утрачена) из глины, по центру его проходит сквозное отверстие (*59*), а другой (фрагменты) с отверстием в центре (*60*).

Оба обнаружены в рабаде. Сфероконус цилиндрической формы с расчлененной каннелюрами поверхностью (верх отбит) (табл. XIII, *58*) найден в шахристане вместе с фрагментом черепицы, облицованной бирюзовой поливой.

Изделия из железа (извлечены из кургана восточной округи Тараза) представлены как орудиями труда — ножами (*18, 39*), скобелем (*19*), так и принадлежностями конской упряжи — стременами с широкой плоской подножкой (*13*), прямоугольными и округлыми пряжками (*14, 15, 16*) с подвижным язычком, кольчатыми удилами (*33*).

Из предметов вооружения следует отметить: стрелы, плоские, ромбические, черешковые. Все они из разных мест: две из западного рабада, три из шахристана Тараза [29], одна из рудной области Шельджи [30] и несколько стрел из кургана юго-восточной округи (*47—49*) [31]. В нижней части при переходе к черешку они имеют уступ (тип B_3, B_4 по Г. Федорову-Давыдову) [32].

---

[28] Г. И. Пацевич. Раскопки на городище Тараз. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, стр. 75, табл. I.

[29] Там же, стр. 75.

[30] М. А. Бубнова. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX—XII вв. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 242, рис. 16.

[31] А. Г. Максимова. Погребение воина XIV в. «Вестник АН КазССР», 1965, № 6, стр. 86.

[32] Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 26.

Обнаружены стрелы-срезни в виде вытянутой лопаточки со слегка закругленной или прямой верхней ударной гранью (тип IX отдел В по Г. Федорову-Давыдову). Одна из западного рабада Тараза, другая из кургана юго-восточной округи (*50—51*). Кроме того, здесь же найдены стрелы с прямоугольной и серповидной верхней гранью (*56, 57*). Подобные стрелы широко известны в кипчакских курганных комплексах XIII — первой половины XIV в.[33] В кургане Таразского округа указанные типы оказались вместе с монетой, выбитой в Таразе между 1270—1321 гг.[34] В том же кургане обнаружена сабля с изогнутым клинком (*45*), стержнем-рукояткой и прямоугольным перекрестием. Верхняя часть ножен обрамлена серебряной пластинкой, на которой выгравирована лань среди цветов. Тут же лежали колчан (*55, 81*) и пряжки для пристегивания колчана (*21*).

Изделия из бронзы (шахристан) представлены светильником с двумя длинными рожками (часть крышки утрачена)[35], покоившимся на трех фигурно изогнутых ножках в виде лапок животного (*44*). Сбоку к нему прикреплена петлеобразная ручка с уступчиком. Обнаруженный сфероконус[36] в отличие от глиняных сфероконусов миниатюрен (диаметр 5 *см*, высота 6 *см*). Он округлый, прежней формы, имеет узкое донце и приплюснутое горлышко (*53*).

Из принадлежностей туалета обнаружены два зеркала (диаметр 6,5—8 *см*). Они извлечены из женского захоронения в Таразе. В центре выделяется полусферическая выпуклость с отверстием для подвешивания. Поверхность зеркал богато орнаментирована. В одном случае это беспорядочно расположенные выпуклости (табл. XIII, *65*), в другом — растительные мотивы. Зеркала подобной формы широко известны в кимако-кипчакских курганах Прииртышья (X—XII вв.)[37] и у половцев (XIII—XIV вв.)[38].

Среди украшений следует отметить серьги (рабад № 3), простые, проволочные, несомкнутые (*75*) и проволочные с одним концом, загнутым спиралью (*75а*). Серьги в виде вопросительного знака, сопро-

---

[33] А. Х. Маргулан. Раскопки погребения воина XIV в. в долине реки Нуры. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959; М. К. Кадырбаев, Р. З. Бурнашева. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола. Сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 45, рис. 2.

[34] М. Е. Массон. К вопросу изучения языческих курганных погребений. «Вестник АН КазССР», 1965, № 1, стр. 82—84.

[35] Г. И. Пацевич. Раскопки на городище Тараз, стр. 75, рис. 1.

[36] Коллекция Джамбулского областного музея; ныне утрачен.

[37] Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, табл. между стр. 100 и 101, рис. 135, 150, 155.

[38] Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 82, 114.

вождающие большинство погребений кипчакского облика, считаются этническим признаком кипчаков и их западной ветви — половцев [39]. Они распространены в Волжской Болгарии [40], на Северном Кавказе [41], в Хорезме [42] и Центральном Казахстане в XIII—XIV вв.[43]

Кроме этого, в кургане у с. Королевки найдена серебряная чаша (табл. XIII, *10*).

Из этого же погребения извлечены головной убор в виде колпака и обруч-налобник, состоящий из двух изогнутых пластин. Нижняя — бронзовая с изображением в центре цветка (*78*), верхняя — золотая с остатками шелковой золотисто-желтой ткани (*79, 80*). Здесь же найдены две наременные бляхи от поясного набора в виде восьмилопастной розетки, в центре которой помещено фантастическое существо с кошачьими лапами и клювом птицы, кожаные бескаблучные сапоги (*76*), верхняя часть которых украшена растительным и традиционным узором «рога барана», расшитым бронзовой ниткой.

Изделия из камня представлены диском жернова с отверстием в центре и двумя углублениями у края (*82*). Он найден вместе с керамикой бирюзовой поливы за пределами северной стены рабада № 4.

Наличие серег в виде вопросительного знака и стрел-срезней в культурных слоях Тараза и в кургане его округи свидетельствует о том сильном влиянии, которое оказали кипчакские племена на формирование культуры оседлого населения.

Определенный подъем культуры в рассматриваемый период ярче всего отразился на архитектурных памятниках Таласской долины, говорящих о стабилизации власти в руках чагатаидских царевичей и представителей местной аристократии и о принятии ислама. Но распространение ислама в рассматриваемый период не всегда проходило гладко. Нередко вместе с правителем менялись и религиозные культы. Так, несмотря на широкое хождение ислама в предшествующий период, Чагатай покровительствовал христианам [44]. Кепек (1270—1291 гг.) также не принял ислама и оставался язычником, затем при Кайду до 1301 г. исповедовался ислам, а Тармаширин (1325—1354 гг.) даже провозгласил его государственной религией и получил

---

[39] С. А. Плетнева. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 176.

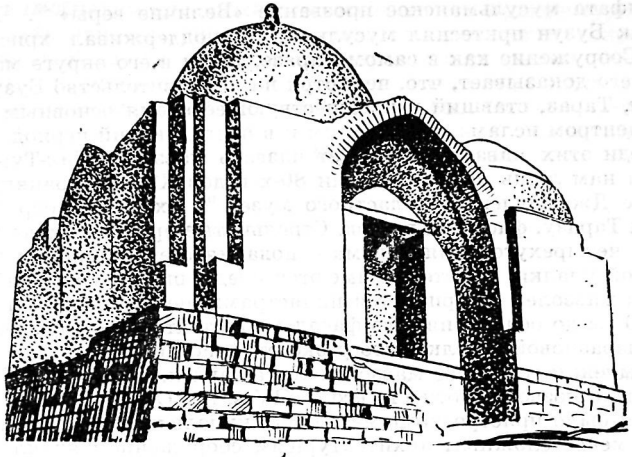
[40] А. П. Смирнов. Армянская колония города Болгара. МИА, № 61, 1958, стр. 355, рис. 9, *3*.

[41] О. В. Милорадович. Кабардинские курганы XIV—XVI вв. СА, 1954, XX, рис. 3, 11.

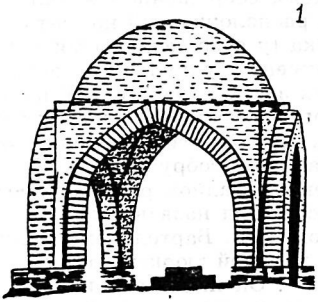
[42] Н. Н. Вактурская. О серьгах средневекового городища Шехрлик. Сб. «К 60-летию С. П. Толстова». М., 1968, стр. 249, 252.

[43] М. К. Кадырбаев, Р. З. Бурнашева, Указ. работа, рис. 2, 7.

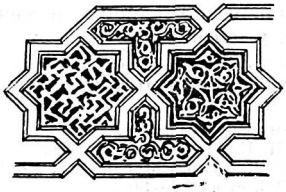
[44] В. В. Бартольд. Соч., т. II, М., 1963, стр. 539, 540.

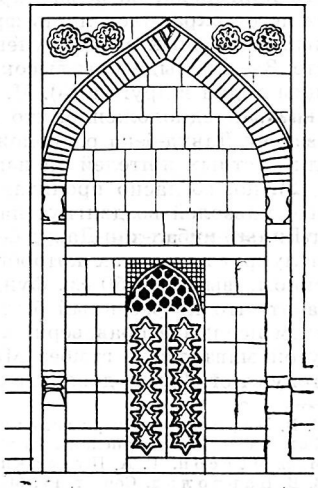
1

2

3

4

Таблица XIV. *1* — мавзолей Тик-Турмас; *2* — мавзолей Давуд-бека; *3* — деталь облицовки безымянного мавзолея; *4* — входная арка гумбеза Манаса.

от Халифата мусульманское прозвание «Величие веры» [45]. Его же преемник Бузун притеснял мусульман и поддерживал христиан и евреев. Сооружение как в самом Таразе, так и в его округе мавзолеев более всего доказывает, что, несмотря на покровительство Бузуна христианам, Тараз, ставший в предшествующее время основным религиозным центром ислама, остается им и в последующий период.

Среди этих мавзолеев следует назвать мавзолей Тик-Турмас. Он известен нам лишь по фотографии 80-х годов XIX в., хранящейся в фототеке Джамбулского областного музея [46]. Вход его обращен на запад, к Таразу, фасад на восток. Стрельчатые арки лежат на четырех опорах; четырехугольная призма основания стен перекрыта куполом кольцевой кладки. На стенах имеются следы штукатурки (табл. XIV, *1*). Углы мавзолея завершаются пилястрами, не доведенными примерно на 50 *см* до основания. Его фасады архитектурно оформлены строго, без изразцовой отделки, что резко отличает Тик-Турмас от пышного оформления соседнего мавзолея Кара-хана и, по мнению Г. А. Пугаченковой, позволяет отнести его к XIV в. В XIX в. к северной стенке мавзолея было пристроено помещение с купольным перекрытием.

Не менее сложным архитектурным сооружением являлся, видимо, и другой безымянный мавзолей, расположенный когда-то в северной части пригорода, на берегу арыка (у современного мясокомбината) [47]. От него сохранился лишь фрагмент с уникальным орнаментом спаренных рельефных восьмилучевых звезд с трехслойной резьбой на терракоте. Звезды выделены высоким рельефом и соединены петлями, заходящими одна в другую (*3*). М. Е. Массон, исследовавший эти плиты, высказал предположение, что мавзолей сооружен в XIV в.

Мавзолей Давуд-бека расположен в западном рабаде № 3, у арыка. Среди местных жителей он известен под названием мавзолея Дува-хана (*2*), но, согласно прочитанной В. В. Бартольдом надписи на надгробье, мавзолей воздвигнут над могилой тюркского военачальника Улуг-Бильге-икбал-хан-Давуд-бека [48]. Он имеет вид киоска, на четырех полукруглых арках которого держится купол. Арки покоятся на каменном, высотой 50 *см*, фундаменте, сложенном из плит. Надпись гласит, что погребенный был «владетелем пера и меча», «покровителем ислама и правоверных» и умер в марте 1262 г.[49]

Другой мавзолей — гумбез Манаса, расположенный в 12 *км* к юго-востоку от ст. Талас, довольно подробно описан в литературе [50], по-

---

[45] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 62.
[46] Фотографии были присланы нам А. П. Поповым и В. Алимхановым.
[47] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 104.
[48] В. В. Бартольд. Соч., т. IV, М., 1966, стр. 307—308.
[49] Там же.
[50] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Указ. работа.

этому нет необходимости останавливаться на его архитектурных особенностях (*4*). Отметим лишь, что он также квадратной планировки, и, как мавзолей Бабаджи-хатун, имел шатровое перекрытие. Это свидетельствует о сохранении предшествующих архитектурных традиций. В отличие от мавзолея Тик-Турмас его портал был богато украшен неполивными терракотовыми плитками. Над входной аркой помещена надпись о возведении мавзолея в 1334 г. в память представительницы чагатаидского рода Канизек-хатун.

Завершая характеристику комплекса надмогильных сооружений, связанных с распространением ислама, следует сказать и о той роли, которую играли в исследуемом районе верования, возникшие на основе стародавних языческих культов: поклонение огню, сожжение покойника, вера в загробную жизнь. На это указывает обряд трупосожжения в сундучке (Тараз), а также захоронение кипчака в восточной округе Тараза у с. Королевки, произведенное по языческому обряду под курганной насыпью в деревянном гробу, с остатками погребальной пищи (хвостовые позвонки и ребро коровы) и конской упряжи. Тут же лежала монета Кепека (1270—1321 гг.). Как отмечается в литературе [51], в этих кочевых районах традиции языческих обрядов существовали наряду с погребениями без инвентаря вплоть до XV в.

В последующий период (XV—XVI вв.) в источниках упоминается не округ и город Тараз, а местность Янги, границы которой не известны. Слои этого времени, относящиеся к девятому строительному периоду, прослежены лишь в раскопе на шахристане Тараза и соответствуют II—III ярусам раскопа VI (1962 г.). Они содержат остатки фундамента каменной кладки какого-то здания, зольные прослойки и гумусно-песчаные линзы. Сопровождавший слои материал незначителен и невыразителен и указывает на наличие строений на участках прежнего шахристана. В близлежащих городищах материалы этого времени отсутствуют, лишь в городе Шельджи зафиксированы слои с тандырами и керамикой с синим растительным орнаментом. Здесь же найдена монета Шахруха [52].

По сравнению со слоями предыдущего времени в материалах этого периода нет поливных и кашинных изделий. Извлеченная из слоя Тараза керамика представлена сравнительно однотипными формами неполивных изделий. В основном это котлы с отогнутыми венчиками (табл. II), хумы с овальным туловом и цилиндрической горловиной, заканчивающейся широким венчиком [53]. Корпус некоторых

[51] А. Г. Максимова. Средневековые погребения Семиречья. Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 157.

[52] А. Н. Бернштам. Городище Садыр-курган. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 123.

[53] Е. И. Агеева. Отчет о раскопках на городище Тараз в 1961 г. Рукописный фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 217, стр. 7.

хумов покрыт косыми и глубоко врезанными насечками (*1*). Подобной формы хумы известны в Средней Азии в XIV—XVI вв.[54] Часть хумов имела венчик, почти слившийся с корпусом и орнаментированный защипами. Эта традиция в отделке сохраняется с раннего средневековья. Наряду с хумами обнаружено немало массивных кувшинов с высокой цилиндрической несколько расширяющейся горловиной, овальной формы туловом и венчиком в виде отогнутой наружу площадки. Массивные вертикальные ручки одним концом крепились чуть ниже края горловины, другим — в верхней части корпуса. С противоположной стороны находился цилиндрической формы носик (*2, 4*). Верхняя часть корпуса орнаментирована волнистым узором. Аналогичной формы кувшины зафиксированы в Хорезме (XV—XVII вв.) [55].

Среди выявленных предметов имеется диск жернова (диаметр до 80 *см*) с отверстием в центре (*7*). Он найден в верхних слоях шахристана недалеко от хума [56].

Изделия из серебра представлены двумя чашами (шахристан) с округлыми стенками на кольцевом поддоне [57]. Внешняя поверхность их подвергнута тщательной гравировке и чернению. Основной орнаментальный пояс одной из них (*6*) состоит из плохо читаемой арабской благопожелательной надписи. По начертанию букв Л. Т. Гюльзаян датировал чащу XV—XVI вв. Надпись на другой еще не прочтена (*5*). Комплекс рассмотренных изделий позволяет отнести данный слой к XV—XVI вв.

В стратиграфии Тараза слоев последующего времени (XVII—XVIII вв.) не выявлено. Среди случайных находок на шахристане имеются образцы, которые по стилистическим особенностям орнамента можно отнести к данному времени. Это покрытые поливой блюда и чаши с плоским поддоном и слегка отогнутым бортиком (*1, 2*). На поверхность блюд нанесены концентрические круги, выполненные сине-фиолетовой или бирюзовой красками, делящие узор на две или три плоскости, в свою очередь заполненные стилизованным растительным орнаментом, тамгообразными знаками или лучами. Поверхность чаш украшена концентрическими полосами или завитками (*3, 5*). Аналогичная керамика широко представлена в Сузаке [58], Бухаре, Самарканде и датируется XVII—XVIII вв.

---

[54] В. М. Массон. Хумы Нисы (о некоторых формах неполивной керамики). Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 416.

[55] Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды ХАЭЭ, т. II, М., 1959, рис. 38, *1*.

[56] Коллекция Джамбулского областного музея.

[57] Там же.

[58] Л. Б. Ерзакович. Поливная керамика городища Сузак XII—XVII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 81, рис. 2.

Из других изделий можно назвать железный наконечник лемеха, случайно найденный возле заброшенных арыков южнее шахристана. Он кованый, его рабочая часть треугольной формы, втулка с разомкнутыми концами (*6*).

В районе шахристана также обнаружены жернова (*4*), диаметр их дисков от 90 *см* до 1,50 *м*.

В целом комплекс предметов говорит о жизни в этом районе в XVII—XVIII вв., что можно более аргументировать в заключении на основе анализа родовых тамг, сделанных на кирпичах гумбеза Манаса [59], и данных карты по ирригационной системе местности.

---

[59] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 56.

Проанализированные новые археологические данные намного расширили наше представление о жизни населения одного из крупных городов средневековья в Западном Семиречье — Тараза. Они позволили выявить закономерность развития оседлой культуры в исследуемом районе. Изученный памятник дал десять строительных периодов. В первый период (I—II вв.) он представлял собой неукрепленное поселение, во второй (II—IV вв.) уже превратился в укрепленное поселение с жилыми постройками и хозяйственным двором внутри. Сходство добытого из поселения материала (столики, светильники, котлы) с материалом близлежащих курганных могильников (Беркара, Кенкол) усуньско-кангюйских и гуннских племенных объединений говорит о привнесении тюркоязычных элементов в оседлую культуру данного района, т. е. монголоидных расовых черт в среду местного, в основном европеоидного, населения. «Это,— по заключению А. Н. Бернштама,— была эпоха совпадения процессов антропо- и этногенеза, положившая начало кристаллизации типических черт современного тюркоязычного населения Средней Азии» [1].

В третий период (V—VII вв.) на месте развалин поселения возводится крепость-город Тараз с цитаделью и шахристаном и обводится с восточной стороны кольцом стен (рабад № 1). Все вместе составило упомянутую в источниках (Сюань Цзянь) окружность Тараза, равную

[1] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 102.

уже в 630 г. примерно 2,7 *км*. Северо-западнее города располагался некрополь 1 с захоронениями в оссуариях квадратной формы. В радиусе от 3 до 12 *км* возводятся валы, известные и по сей день под названием Чаян-Куйрюкских (Змеиных) валов.

В последующий, четвертый период (VIII—IX вв.), когда Тараз стал столицей карлукского государства, жизнь выходит за его пределы. Город разрастается уже не в восточном, а в западном направлении. Прилегающая к западной стене шахристана территория обводится крепостной стеной (рабад № 2). Размеры города увеличиваются почти в два раза. Быстрыми темпами обживается и близлежащая округа, растут города — Джикиль, Нижний Барсхан.

В сферу влияния Тараза попадают и города горнорудной области Шельджи. Данные письменных источников о том, что в 766 г. Тараз и Суяб были завоеваны карлуками, а также общность материальной культуры городских центров округи: Нижний Барсхан, Джикиль с культурой карлуко-кимакских кочевых объединений Прииртышья — доказывают, что возникновение городов исследуемого района обусловлено внутренними процессами социально-экономического развития местного тюрко-карлукского населения — земледельцев и скотоводов.

Несомненно, значительный приток в города кочевников-карлуков не только ускорил развитие городов округи, но и отразился на хозяйственной деятельности оседлого населения (увеличение возделанных земель вокруг возникших городских центров, рост ремесел). Все вместе способствовало усилению процесса феодализации.

Анализ материала с крепостей, расположенных на хвостовых участках каналов северо-западной округи (Джикиль, Нижний Барсхан), находка в Таразе наконечника железного лемеха, сбор значительного количества костей крупного рогатого скота и овец в культурных слоях свидетельствуют об интенсивном развитии земледелия и об основном направлении хозяйственной деятельности населения — земледельческо-скотоводческой. Немалый удельный вес в хозяйстве занимала добыча и обработка металла — железоплавильное и кузнечное производство, ювелирное дело. Развитию этого благоприятствовало наличие богатой сырьевой базы в рудной области Шельджи. Из домашних ремесел были распространены ткачество и обработка камня и кости.

Развитие феодальных отношений сильнее всего отразилось на одной из основных отраслей производства — гончарном ремесле, о чем говорит многообразие форм гончарных изделий и богатство на них орнаментальных мотивов. Продолжая местные традиции в изготовлении посуды (котлов, жаровен, светильников, чаш, кухонных горшков), мастера создали новые формы кувшинов с узкими цилиндрическими горловинами, ступкообразные сосуды с ручками и венчиками, черпа-

ки, плоскодонные котлы. Богато украсив их гравированным и накладным орнаментом, близким к орнаментам по дереву, кости и металлу, они вырабатывали местные узоры, что еще раз указывает на влияние кочевых племен на процесс сложения в городах местной культуры.

Как и прежде, жители Таразской округи поддерживали торговые и культурные связи с Согдом. Свидетельство тому — квадратные оссуарии, кружки, напоминающие металлические, согдийские надписи на монетах, а также отпечатки штампов львов на керамике, не свойственные местному искусству, но довольно распространенные в Согде.

Значительные изменения произошли и в области религиозных воззрений. Добытый из Тараза материал (VI—VIII вв.) и параллели из истории недавнего прошлого киргизов и казахов показывают, что, несмотря на внедрение в конце исследуемого периода и позже (X—XIV вв.) ислама, в этот период не утратили своего значения и более близкие населению Семиречья верования — шаманизм, культы огня и предков.

Именно эта особенность религиозного мировоззрения населения Семиречья делает его в целом синкретическим и вместе с тем локальным, тесно связанным с семейным бытом, хозяйственной деятельностью двух переплетавшихся на протяжении тысячелетий миров скотоводов и земледельцев. Для них эти культы были более приемлемы, чем религии, привнесенные извне, в том числе манихейство, буддизм и христианство.

Полученный и систематизированный нами материал, как и материал по домусульманским верованиям Хорезма, может помочь в решении проблемы ранних форм религии народов Средней Азии и Казахстана.

На развитии феодальных отношений сказались не только внутренние события, но и внешнеполитические, в частности переселение согдийцев. Но их влияние на историю населения исследуемого района было не столь значительным, как влияние тюрок.

Это был путь пополнения населения городов и перехода к более устойчивому виду хозяйственной деятельности — земледелию — тюргешско-карлуко-кимако-кипчакских племенных объединений. Осветить этот серьезный вопрос только на основании археологических и письменных данных очень трудно. Для его решения следует привлечь лингвистические и антропологические материалы. Но, поскольку автор не является специалистом в области тюркологии, то исследователя, заинтересованного в углубленном изучении данного вопроса, следует адресовать к имеющейся литературе [2]. Судя по письменным источни-

[2] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; его же. Древнетюркские надгробья с надписями в бассейне р. Талас. «Известия АН СССР, отделение гуманитарных наук», 1929, стр. 799—806; П. М. Мелиоран-

кам, значительную роль в этнической истории населения Таласской долины в период средневековья сыграла происходившая в Западнотюркском каганате внутриполитическая борьба тюргешской конфедерации племен Семиречья: между правым крылом (нушиби), населявшим Чу-Таласское междуречье, и левым (тучлук), жившим в Чу-Илийском междуречье. Переменные успехи каждой из сторон то превращали Тараз в политический центр, то подчиняли его Суябу [3]. В процессе этой борьбы основная часть тюрок оседала в городах, пополняя городское население. Вследствие этого не без оснований Семиречье в рассматриваемый период считают центром тюркского этногенеза.

Следовательно, одним из важнейших факторов, способствовавших начавшемуся в предшествующий период и усилившемуся в VI—VIII вв. в Западном Семиречье тюркскому этногенезу, была политическая гегемония тюрок.

Данное мнение подтверждается и тем значительным количеством курганных комплексов, которые концентрируются вдоль берегов Таласа. Добытый погребальный инвентарь позволил говорить, что лежащие в них воины — это кочевавшие вблизи Тараза тюргеши, карлуки, кимаки, чигили. У некоторых из курганов, расположенных в северо-западной и юго-западной частях округи Тараза, находились каменные изваяния с типично монголоидными чертами женских и мужских лиц.

Сведения источников о том, что среди тюрок живет много согдийцев ху [4] также свидетельствуют о численном превосходстве тюркского населения в городах Семиречья и о той второстепенной роли, которую играли в этот период согдийцы в политической жизни населения городов Таласской долины. О значительном удельном весе тюрок среди населения Семиречья говорят и найденные в Таразе монеты, выбитые в 704—766 гг. с легендой «Тюргеш-кагана теньга».

ский. По поводу новой археологической находки в Аулие-Атинском уезде. ЗВО РАО, т. XI, 1899, стр. 271—272; В. В. Радлов. Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном в урочище Айртам-ой в Кенкольской волости Аулие-Атинского уезда. ЗВО РАО, т. XI, 1899, стр. 85—86; В. А. Каллаур. Камень с древнетюркской надписью из Аулие-Атинского уезда. ЗВО РАО, т. XI, 1899, стр. 79—83; его же. Новая археологическая находка в Аулие-Атинском уезде. ЗВО РАО т. XI, 1899, стр. 265—271; см. «Туркестанские ведомости», 1898, 12 и 28 июня: Д. Ф. Винник. Новые эпиграфические памятники Таласской долины. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 94—99; А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1953, вып. 2; его же. Происхождение тюрок. Отд. оттиск. М., 1936.

[3] А. Н. Бернштам. Тюргешские монеты. ТОВЭ, т. II, М.—Л., 1940, стр. 106.

[4] С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 123.

Не менее веским доказательством того, что население городов Семиречья, в том числе одного из главных его центров — Тараза, было тюркским, является манихейское сочинение, в котором говорится, что оно привезено из города «славных и благословенных тюрков-чаруков Аргу — Таласа» [5]. По мнению А. Габен, сочинение было написано в середине VIII в. в момент восшествия на престол верховного правителя карлуков, упомянутого Арслан-хана Тюргюка. Указания источников (Кудама ибн-Джафар) о том, что у Нижнего Барсхана «начало харлуков», а севернее Тараза тянется пустыня до границы кимаков [6], а также находки из Тараза (шаровидные котлы, узкогорлые кувшины с роговым орнаментом на корпусе, юртообразные оссуарии, бронзовые наременные пряжки, железные стрелы) свидетельствуют о том значительном воздействии, которое оказывали карлуко-кимако-кипчакские племенные объединения не только на формирование материальной культуры городов Семиречья, но и на этническую историю местного населения. Это подтверждают и найденные в Таласской долине надмогильные памятники с тюркскими рунами, которые позволили С. В. Киселеву прийти к заключению о семиреченском происхождении орхонского письма. Но влияние тюрок было не единственным.

Располагаясь по соседству с крупными городами Средней Азии и входя в одно с ними политическое объединение — Западнотюркский каганат, Тараз, как и города Южного Казахстана, не мог не испытывать на себе влияния, которое оказывали на развитие местной культуры согдийцы.

Значительная роль согдийцев в этногенезе населения городов Южного Казахстана была доказана как различного рода исследованиями о Семиречье [7], так и характеристикой антропологического материала из захоронений некрополей Тараза.

Сам факт переселения к Таразу значительного количества согдийской аристократии [8], закрепления за отдельными феодалами земель говорит не только о сильной инфильтрации согдийцев в Таласскую долину, но и о их влиянии на процесс развития феодальных

---

[5] Там же, стр. 131.

[6] С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, стр. 77.

[7] В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. ЗВО РГО, т. VIII, 1893, стр. 16—18; его же. К вопросу о языках, согдийском и тохарском. Сб. «Иран», т. I, Л., 1926, стр. 33—39; его же. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 17—25; А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 34—42; его же. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 25—42.

[8] В. В. Бартольд. Соч., т. IV, М., 1966, стр. 33; Нершахи. История Бухары. Ташкент, 1897, стр. 12—13; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 248—269.

отношений. О проникновении согдийцев в район Тараза, особенно интенсивно с 580 по 731 г., свидетельствуют и археологические данные, в типа захоронений в глиняных оссуариях квадратной формы (VI—VII вв.) и юртообразной (VII—VIII вв.), глиняных кружечек, похожих на металлические согдийские, а также согдийских надписей на монетах тюргешского круга.

На торговые связи Согда с Семиречьем и городами Таласской долины указывают серебряные монеты, найденные на развалинах одной из усадьб, расположенной недалеко от западного рабада Тараза. Они принадлежали к группе монет бухар-худатов, выпускавшихся в середине VIII в.[9]

Все это убеждает хотя и во второстепенной, но все же значительной после тюрков роли, которую сыграли в рассматриваемый период согдийцы в этнической истории населения Тараза и других городов Южного Казахстана, впоследствии полностью ассимилировавшиеся с тюрками.

И, наконец, упоминания источников о том, что в 630 г. в Таразе «живут купцы разных стран» [10], а у стен его слышится арабская, персидская и тюркская речь,— свидетельство также того, что вследствие проходившего здесь большого торгового пути, шедшего из Ирана, Византии в Восточный Туркестан, в Таразе проживало пришлое торговое население, способствующее развитию товарно-денежных отношений.

На этногенезе исследуемого района не могли не отразиться и происходившие на западе события — борьба Византии с Персией за торговые пути. Обе великие державы посылали посольства к верховному правителю тюрок Дизабулу, встретившиеся в 568 г. в Таразе [11].

Борьба за господство на торговых путях послужила толчком для религиозной борьбы, которая привела к жестоким преследованиям представителей различных религиозных течений (персидское жречество изгоняло манихеев, несториан, а последние в свою очередь выживали из Византии зороастрийцев) [12]. В результате большие массы персов, сирийцев, арабов вынуждены были покидать свои страны и

---

[9] О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пянджикент. (Материалы 1949—1956 гг. Институт народов Азии АН СССР). М., 1963, стр. 58—59; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965, рис. 138—139.

[10] В. В. Бартольд. Соч., т. IV, стр. 33.

[11] «Византийские историки». Пер. с греч. Спиридона Дестуниса. СПб., 1867, стр. 380.

[12] Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 204—211; ее же. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VIII вв. «Византийский временник», т. I (XXVI), 1947, стр. 209—214.

уходить в более отдаленные города Средней Азии [13], в том числе и города Восточного Туркестана. Часть инаковерующих оседала в расположенных на торговых путях городах, и в частности в городах Южного Казахстана, о чем свидетельствует наличие церквей в Мерке и Невакете. Археологические материалы говорят и об оседании пришельцев в Таразе. Ассимилируясь с местным тюркоязычным населением, они так же, как и согдийцы, составили определенную прослойку городского населения. Это подтверждается христианскими захоронениями в деревянных гробах в некрополе Тик-Турмас, иконографическими изображениями и другими предметами, обнаруженными в городском таразском некрополе № 1.

С проникновением сирийцев следует связывать и найденные в культурном слое Тараза предметы: золотую монету с портретом Юстиниана (568 г.), краснолощеную кружечку с именами двух христиан-сирийцев «Петр и Гавриил» [14]. Существование в Таразе уже до 893 г. не простой, а соборной церкви позволяет говорить не только о широком распространении христианства, но и о наличии в городской среде значительного числа проповедников этого учения.

На этногенезе местного населения сказались и политические события внутри страны, в частности, происшедшая в 751 г. битва у Атлаха между арабами, китайцами и тюрками. Безусловно, определенное число арабов попало и в состав городского населения Южного Казахстана.

Добытые из культурных толщ Тараза находки (шиферная плитка с уйгурскими буквами, арабская надпись на фрагменте хума: «Сделал Юсуф», согдийские надписи и персидские изречения на мавзолее Айша-биби) также являются свидетельством проникновения в Тараз различных этнических элементов. Это подтверждается и данными письменных источников, что в Таразе X в. много зиммиев. В их число входили евреи, исповедовавшие иудаизм, а также некоторые согдийцы, исповедовавшие зороастризм.

На основании сказанного следует, что в Таразе, как и в других городах Семиречья: Суябе [15], Невакете, Мерке, тюрки являлись основ-

---

[13] С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 125; Б. А. Рифтин. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая (II в. до н. э. — VIII в. н. э.). «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 112; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1963, стр. 146; Б. Я. Ставиский. О международных связях Средней Азии в V — середине VIII в. (в свете данных советской археологии). «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 116.

[14] А. Я. Борисов. Сирийская надпись на сосуде из Тараза. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, вып. 1.

[15] Ю. А. Зуев. Китайские известия о Суябе. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, № 3 (14), стр. 87—96.

ным населением в VI—XII вв. и включали в свою среду различные этнические группы: прежде всего согдийцев [16], меньше арабов, сирийцев [17] и персов.

О значительной роли согдийцев в тюркском этногенезе не только в VI—IX вв., но и в X—XI вв. свидетельствуют данные письменных источников, в которых отмечается, что жители «Баласагуна говорили по-согдийски и по-тюркски, так же как жители Испиджаба и Тараза» [18]. Есть и другие сведения, что в стране Аргу, составной частью которой опять-таки являлся Тараз (по Махмуду Кашгарскому, область Аргу включала города Испиджаб, Тараз и Баласагун), «население говорило на согдийском и тюркском языке» [19].

Проходившие в городах Южного Казахстана сложные процессы ассимиляции основного тюркского населения, известного в источниках под именем карлуков и кипчаков, с пришлым свидетельствуют о той значительной роли, которую они играли в этнической истории данного периода.

Численное преимущество карлуков и кипчаков в городах Южного Казахстана привело в конечном счете к полной ассимиляции проникавших в Семиречье различных народов, в том числе и согдийцев. Об этом сказано в письменных источниках, сообщавших, что согдийцы не только говорили по-тюркски, но и переняли одежду и нравы тюрок.

Это подтверждает и высокий удельный вес тюркского населения в городах X—XII вв. Так, ас Самани (X в.) пишет, что «Джикиль — один из городов тюрков» [20] около Тараза, а Ибн Хаукаль (X в.) — что «Тараз был местом торговли мусульман со стороны тюрок» [21], т. е. основного тюркского оседлого населения, принявшего ислам и названного мусульманами, и кочевых тюрок степей. У Ал Азиза имеется сообщение, что расположенный в южной округе Тараза город Шельджи «является одним из городов тюрок» [22]; Ас Массуди указывает, что в 893 г. Исмаил ибн-Ахмед направился из Бухары в страну тюрок [23] и взял один из городов их (Тараз). Табари называет этот город городом «царя тюрков» [24]. Эти сведения в соответствии с изученным палеоантропологическим материалом, добытым из курганных могильников Ка-

---

[16] С. Г. Кляшторный. Указ. работа, стр. 124—125.

[17] П. К. Коковцев. К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья. СПб., 1909, стр. 773—796.

[18] С. Волин. Сведения арабских источников XI—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, стр. 85.

[19] Там же, 83—84.

[20] Там же, стр. 81—82.

[21] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 69.

[22] С. Волин. Указ. работа, стр. 90.

[23] Там же, стр. 78.

[24] В. В. Бартольд. Соч., т. III, М., 1968, стр. 495.

захстана того времени, позволили О. И. Исмагулову прийти к достаточно обоснованному, на наш взгляд, заключению о том, что к концу X в. на обширной казахстанской степи создалась большая антропологическая возможность для сложения современного физического облика казахов [25].

Существовавшие между населением Тараза и городами его округи на протяжении всех трех периодов этнической истории VI—X вв. тесные контакты, с одной стороны, с населением городов Средней Азии, с другой — с карлуками, кипчаками близлежащих степей способствовали не только ускорению развития феодальных отношений, но и сложению казахского народа.

Есть все основания присоединиться к высказанной в последнее время точке зрения о том, что начавшийся в раннем средневековье процесс формирования тюркоязычной народности, получившей впоследствии название казахов, в основном завершается в XI—XII вв. Таким образом, в целом не в XV в., как ранее освещалось в истории Казахстана, а в XI—XII вв. происходит формирование казахской народности.

Исследованный в работе материал VIII—IX вв. свидетельствует о том, что Тараз уже в раннем средневековье был самостоятельным районом со своей экономикой и культурой, находившимся в тесных взаимоотношениях с Шашем и Согдом. Он не был объектом колонизации Согда, как и другие города Южного Казахстана, и сыграл значительную роль в исторических судьбах народов Средней Азии.

Все это способствовало превращению его в один из крупных центров Караханидского государства, образовавшегося в последующий период в Семиречье под воздействием карлуков. Расцвет государства, ознаменовавший собой необычайный подъем во всех сферах культурной и общественной жизни, не мог не сказаться и на топографии Тараза и городов его округи.

В пятый (X—XI вв.) и шестой (XI—XII вв.) периоды полнокровная жизнь прослеживается в шахристане и двух рабадах № 1 и 2. Тараз растет в западном направлении. Рядом с рабадом № 2 возникает новый рабад № 3. Его раскопки позволили выявить четкую топографию с характерной социальной расселенностью горожан-ремесленников вдоль западной стены рабада и феодалов на центральной площади рабада, в домах-усадьбах с каменными фундаментами. Тут же на свободных от застройки базарных площадях построены караван-сараи, мечеть, мавзолей Кара-хана и безымянный. Археологические данные подтверждаются характеристикой Макдиси: «Тараз — славный,

[25] О. Исмагулов. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970, стр. 75.

укрепленный город, густо застроен, имеет многолюдное предместье — рабад. Часть города находится по ту сторону реки, соборная мечеть — среди рынков». В результате обследования северных песков Айгене, Муюн-кумов, низовьев Таласа у Калмак-арыка и южных районов, включая города рудной области Шельджи: Сус, Куль, Текабкет, с близлежащими сельскими поселениями, уточнена историческая топография округи Тараза X—XII вв. На северо-востоке границы ее простирались от низовьев реки Талас, на юго-востоке — до верховьев (примерно до современного поселка Буденный).

Города северо-западной округи (Джикиль, Нижний Барсхан) и города юго-восточной округи рудной области Шельджи, как и Тараз, меняют свой топографический облик: центр города перемещается в торгово-ремесленное предместье — рабад.

Города рудной области Шельджи превращаются в большие торгово-промышленные экономические центры средневековья, а также центры мусульманского вероисповедания в основном с тюркским населением. Свидетельством тому является упоминание Макдиси о наличии в городах мечетей.

Изменение топографии Тараза и городов его округи произошло не только в связи с ростом феодальных отношений, но и с развитием различного рода ремесел.

Значительную роль в этом процессе играли имевшие место и ранее тесные контакты между оседлым населением городов и скотоводами-кочевниками степи.

Общность культуры Тараза рассматриваемого периода (серебряные женские украшения, орнаментация в виде рыбок) с культурой кимако-кипчакских племен и наличие в каждом из крупных городов Таразского округа мечети свидетельствуют о том, что в данный период происходили оседание кипчакских племен (политический центр которых во второй половине XII в. находился на среднем течении р. Сырдарьи в городище Сыгнак) [26], приобщение их к земледелию и принятие ими ислама. В отличие от них кочевники, продолжавшие вести скотоводческое хозяйство, по заключению В. В. Бартольда, смотрели на ислам как на религию «неприноровленную к их требованиям» [27]. Оседание кипчакских племен, которые составляли, как ранее карлуки, немалую часть городского населения Тараза и городов его округи, способствовало укреплению политического и экономического господства феодалов, получивших возможность эксплуатировать городское торгово-ремесленное население. Это явление содействовало не только развитию городов (увеличение площади за счет новых рабадов), но и

[26] В. В. Бартольд. Соч., т. V, М., 1968, стр. 406.
[27] В. В. Бартольд. Соч., т. I, М., 1963, стр. 316.

социально-экономических отношений, способствовало формированию самобытной культуры исследуемого района.

Наиболее ярко эта самобытность прослеживается на неполивной керамике (сферические котлы, кувшины с зооморфными носиками, достарханы) и ее орнаментации (мотивы рогового орнамента и «вихревой розетки»). Манера украшения, обусловленная потребностями и вкусами кимако-кипчакского населения, получила дальнейшее развитие в высокохудожественной поливной керамике Тараза, насчитывавшей в тот период свыше 20 разновидностей узоров розеток.

Особенно ярко проявилась самобытность в отделке уникальнейшего архитектурного ансамбля Таразской округи — усыпальницы Айшабиби, изразцы которой имеют свыше 40 самостоятельных художественных мотивов, уходящих своими корнями в гончарное искусство Тараза предшествующего времени.

Развитие феодальных отношений выразилось в росте гончарного производства, его усовершенствовании, в улучшении качества посуды, разнообразии орнаментальных красок и композиций. Поэтому, на наш взгляд, неверно говорить, что «поливная посуда местного производства не удовлетворяет предъявленным требованиям, существенное место имеет экспорт афрасиабского типа посуды. В сравнении с ней местная посуда особенно ярко демонстрирует свое провинциальное лицо и посредственную работу таразских мастеров» [28].

Поливная керамика Тараза свидетельствует о том, что его мастера, находясь в тесных контактах с Самаркандом и Ташкентом, испытывали в своем ремесле известное влияние среднеазиатского искусства, но вместе с тем выработанные в их среде художественные традиции оказывали определенное воздействие на мастерство гончаров Средней Азии. Если первое положение подтверждается общностью художественно-декоративных приемов и тематики орнаментов, в частности эпиграфических мотивов, гранатов, стилизацией образа пернатых с отрывом крыла от туловища, львов, птиц, то второе — наличием в искусстве самаркандской художественной школы мотива вихревой розетки. Общность культуры на столь большой территории объясняется еще и вхождением этих городов в состав единого Караханидского государства.

Большого расцвета достигли и другие виды ремесел: производство высокохудожественных бронзовых курильниц, кувшинов с гравировкой и инкрустацией медью и серебром, а также производство стеклянных изделий. Подъему экономики способствовала и значительная разработка серебро-свинцовых рудников области Шельджи, которая

[28] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Алма-Ата, 1949, стр. 70.

наряду с другими факторами определила политическую самостоятельность Тараза, получившего право на чеканку собственной монеты с 1004 по 1021 г.

Экономическая самостоятельность Тараза в государстве караханидов документируется и данными письменных источников. В них отмечено, что правитель Тараза Яган-тегин, выступив против верховного правителя государства Арслан-хана и победив его, свыше года сохранял за Таразом роль столичного города государства караханидов.

Общий экономический подъем, который переживал Тараз в этот период, выразился не только в развитии ремесел и торговли, но и в стабилизации социально-экономических отношений, характерных для эпохи феодализма. Упоминание в источниках о том, что Тараз вместе с Исфиджабом отданы одному из сыновей Кадыр-хана — Яган-тегину в качестве удела, а также о том, что главнокомандующими Кара-тегином и Файком выстроены рабады в городах Семиречья — Исфиджабе и Мерке, свидетельствуют о пожаловании отдельным лицам земель за несение военной службы (икта).

Рост экономики обеспечил высокий уровень развития градостроительства самого Тараза (прокладка магистрального водопровода, мощение дорог, возведение каменного моста через Талас, сооружение восточной бани с водопроводом, ваннами, отопительной системой канов) и городов округи: Куля и Суса (сооружение сложных коробовых сводов, арок), а также возведение уникальных надмогильных сооружений: мавзолеев Кара-хана, Бабаджи-хатун, Айша-биби.

Все это убеждает в правильности сообщения арабского историка, составившего свои записи уже после завоевания земель Семиречья монголами (1273—1331 гг.), что «из Тараза вышло много ученых» [29].

Но не всегда развитие Тараза и городов округи шло по восходящей линии. Начавшееся закрепление земель за феодалами порождало междоусобицы, которые постепенно ослабляли государство. Не выдержав столкновения с многочисленным монгольским войском, Караханидское государство распалось.

Монголы застали Тараз только на левом берегу реки Талас. Это материал VII (XII—XIII вв.) и VIII (XIII—XIV вв.) периодов. Точка зрения М. Е. Массона, что в это время Тараз все еще оставался центром округи, имеет под собой реальную почву, доказательства предоставляет топография.

В рабаде и округе возводятся архитектурные памятники периода господства ислама — мавзолей Давуд-бека, Тик-Турмас, гумбез Манаса; видоизменяются формы и узоры поливных изделий, появляются изделия из кашина и серебра.

---

[29] С. Волин. Указ. работа, стр. 90.

Общность культуры Тараза (бронзовые серьги в виде знака вопроса, стрелы-срезни, зеркала с петелькой) с культурой кочевников кипчаков Центрального Казахстана и кимако-кипчакских племен Прииртышья объясняется начавшимися в предшествующий период и усилившимся теперь процессом оседания в городах кипчакских племен.

Главенствующая роль города подчеркивается и чеканкой в Таразе монет правителей Буга-Тимура (1272—1291), Дува-хана (1291—1306), Кепека (1270—1321).

Наличие в Дукентском кладе вместе с монетами чекана Тараза продукции монетных дворов Алмалыка, Андижана, Бухары, Кашгара, Маргелана, Отрара, Пулада, Самарканда, Термеза, Ходжента, Шаша свидетельствуют о той оживленной торговле, которую вели в этот период торговые круги Тараза.

Материал XV в. и монеты Шахруха из центра рудной области города Шельджи и изумительный по отделке мавзолей Канизяк-хатун говорят об определенном экономическом подъеме лишь в городах юго-восточной округи Тараза, что опять-таки связано с интенсивным использованием древних выработок серебра, стимулировавших городскую жизнь Тараза и городов юго-восточной округи.

Татаро-монгольское нашествие отрицательно сказалось и на городах Таласской долины. Расцвет оседлой культуры как в самом центре Таласской долины — Таразе, так и в городах его северо-западной округи сменился противоположным процессом — упадком. В результате вплоть до присоединения Казахстана к России этот знаменитый город средневековья сошел с исторической сцены и был забыт, как и его древнее наименование. Из столицы он превратился сначала в поселение Янги-Талас, а затем был известен как местность «Янги», которая к концу XVI в. вошла в состав казахского ханства. Жизнь в данный период прослежена лишь на развалинах шахристана (кувшины с длинным носиком, яйцевидные хумы, сферические чаши).

И хотя культурные нити, связывающие древний и средневековый Тараз с позднейшей культурой казахского народа, были оборваны, материал (X период) из развалин селения (массивные глазурованные блюда с растительным орнаментом, глубокие миски с синевато-коричневыми мазками, массивные каменные жернова), а также рисунки лошадей, козлов на стенах мазаров, идентичные наскальным изображениям в ущельях Жаман-Булак, Ак-Булак к югу от ст. Кум-арык, и тамги племен джалаир и дулат на кирпичах гумбеза Манаса, датированные М. Е. Массоном XVII — первой половиной XVIII в.[30], говорят о немалой роли казахов-кочевников в возрождении жизни в крае. Это

[30] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 56, рис. 7.

подтверждается и наличием крупной ирригационной сети вокруг Аулие-Аты, отмеченной на карте В. Каллаура. Каналы отведены от основного русла р. Талас. Под каждым из них дано название родового объединения: канглы, караель, тляу, аккойлы, тюйте, донай и др. Они свидетельствуют о процессе оседания кочевников, а следовательно, о расширении посевных площадей. Причиной оседания в это время была, очевидно, как и на Сыр-Дарье, нехватка пастбищ [31].

На основе исследования районов родорасселения казахов, в том числе и районов Таласской долины, было установлено, что в XIX—начале XX в. ее населяли племена дулат и джалаир [32], ысты, шаншклы. Из отмеченных на карте В. Каллаура названий один арык Аккойлы сохранил наименование рода, входившего в племя дулат, остальные 8 родов уже никому не известны. Вместе с тем они участвовали в тех отношениях, которые происходили на протяжении истории развития оседлой культуры исследуемого памятника между земледельцами и скотоводами данного района.

Это противоречит тому, что начавшийся в XIII в. упадок привел к постепенному исчезновению в Семиречье оседлой культуры вплоть до XIX в., возрождение которой связывают с «сартовскими и русскими переселенцами» [33].

На самом деле именно местные племена сыграли главную роль в возрождении жизни поверженного края, благодаря чему на прежних развалинах возродился новый социалистический город Джамбул, превратившийся в один из крупных административно-экономических областных центров многонациональной республики — Советского Казахстана.

---

[31] К. А. Пищулина. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках. «Казахстан в XV—XVIII веках». Алма-Ата, 1969, стр. 47.

[32] В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968, стр. 50.

[33] В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1948, стр. 51.

Введение 3

Глава I. **Стратиграфия Тараза** 23
Цитадель 27
Шахристан 44

Глава II. **Тараз в период раннего феодализма (VI—IX вв.)** . . 57
Топография Тараза и городов его округи . . . —
Ремесла 81
Общественные отношения 111

Глава III. **Расцвет Тараза в X—XII вв. (Эпоха феодализма)** . . . 123
Дальнейшее развитие города и округи . . . —
Ремесла 147
Хозяйство и торговля 169
Проникновение ислама 177

Глава IV. **Упадок культуры в Таласской долине (XIII—XVIII вв.).** 188
Общий обзор . . . . . —

Заключение 204

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
19	23 сверху	аэнопиграфических	анэпиграфических
»	7 снизу	аэнопиграфические	анэпиграфические
41	20 »	формулы	формы
113	1 »	т. XI	т. XLVII
»	8 »	АН КазССР	АН СССР
171	4 »	XI—XX вв.	IX—XII вв.

Сенигова
Таисия Николаевна
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ТАРАЗ

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР

Редактор Н. Н. Королева
Худож. редактор И. Д. Сущих
Техн. редактор Л. И. Шашкова
Корректор Л. С. Нестерова

* * *

Сдано в набор 17/XI 1971 г. Подписано к печати 7/I 1972 г.
Формат 70×90$^{1}/_{16}$. Бумага № 1. Усл. печ. л. 16,08 (две вклейки).
Уч.-изд. л. 17. Тираж 2050. УГ15218.
Цена 1 р. 47 к.

* * *

Типография издательства «Наука» Казахской ССР,
г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.
Зак. 173.

